

**ЧЕТЫРЕ
ГРАНИ
ТАЛАНТА**

Памяти Николая Фотьева

**Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского**

Отдел обслуживания

ЧЕТЫРЕ ГРАНИ ТАЛАНТА

***К 90-летию со дня рождения
Н. И. Фотьева***

Информационно-методические материалы

Благовещенск, 2017

Четыре грани таланта : к 90-летию со дня рождения Н.И. Фотьева : информ.-метод. материалы / Амур. обл. науч. б-ка им. Н.Н. Муравьева-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2017. – 208 с. + 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). – (Русские судьбы: амурские писатели; вып. 10).

Составитель : В. В. Соломенник
Ответственный за выпуск : Н. Г. Долгоруков
Верстка и дизайн : М. И. Гнускова

©Амурская областная научная библиотека
имени Н.Н. Муравьева-Амурского, 2017

Содержание

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	4
«МОЙ ПУТЬ...»: ГРАНИ ЖИЗНИ И СУДЬБЫ НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА	8
«РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ...»: ГРАНИ ТАЛАНТА НИКО- ЛАЯ ФОТЬЕВА	32
«Путь в литературу я начал с басен...»: басни	33
«Слышный сердцу зов земли...»: публицистика	56
«И многое слову дано...»: проза	111
«И мир как будто уж не прежний...»: поэзия	126
«ЖИТЬ И ПИСАТЬ ПО СОВЕСТИ, НЕ КРИВЯ ДУ- ШОЙ...»: НИКОЛАЙ ФОТЬЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ	159
МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА НА УРО- КАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ	178
Басни Николая Фотьева: литературный час	178
Урок литературного краеведения «В гармонии с природой. Обсуждение рассказа Н. И. Фотьева “Запах кедра”»	182
ЛИТЕРАТУРА	188
Произведения Н. И. Фотьева	188
Литература о жизни и творчестве Н. И. Фотьева	199

От составителя

*Я считаю, что каждого,
кто занимается своим делом,
можно назвать счастливым человеком.
Я как раз из тех людей...*
Николай Фотьев

Талантливейший баснописец, замечательный прозаик и поэт, крестьянский сын, кровно связанный с землёй, заядлый охотник и рыбак, мастер на все руки, страстный поклонник дарования Фёдора Шаляпина и просто добрейшей души человек... Это всё о нём: о Николае Ивановиче Фотьеве (21.12.1927– 02.04.2010) – старейшине амурской литературы.

Будучи уроженцем горного Алтая, как писатель Н. И. Фотьев родился на амурской земле. Здесь происходило становление и развитие его поэтического мастерства.

«Творческое наследие Фотьева значительное явление в литературной жизни не только Приамурья, но и России в целом. Он не региональный автор, а писатель национального масштаба, отразивший в своих произведениях целую эпоху в жизни страны», – утверждает И. С. Назарова – исследователь жизни и творчества Н. И. Фотьева.

Николая Фотьева можно поставить в один ряд со многими мастерами слова XX века – Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Валентином Распутиным, Владимиром Солоухиным, Василием Шукшиным и др. В основе творчества Н. Фотьева заложены традиции русских классиков, любимых им с детства (А. Пушкин, Л. Толстой, А. Чехов и др.), умение видеть как проблемы, так и курьезы в окружающей жизни. Всё это нашло отражение в художественной практике писателя, в том числе и журналистике, определило жанровое своеобразие его произведений. Творчество Николая Ивановича Фотьева – значительное явление литературной жизни России второй половины XX столетия.

В своих произведениях писатель воссоздает амурский и алтайский колорит, описывает быт, нравы и обычаи местных жителей. Тематика творчества Н. И. Фотьева многогранна: взаимоотношения человека и природы, тема войны и памяти, тема любви, тема дела (мастерства) и др. Задачу литературы и свою собственную амурский писатель видел в отстаивании духовных и нравственных ценностей

российского общества, а материалом для этого вполне может служить жизнь российской глубинки. В последние годы жизни Николай Иванович был обеспокоен утратой влияния книг на умы и настроение общества. Он полагал, что писатель в большей мере отвечает за нравственность, чем политик.

Творческое наследие Н. И. Фотьева велико: его перу принадлежит более двадцати книг басен, рассказов и повестей. Кроме того, Н. Фотьев – автор эпиграмм, сатирических стихов и миниатюр, лирических и детских стихотворений, романа-дилогии, очерков.

В 2003 году амурский прозаик, поэт и публицист Алексей Воронков спросил Николая Фотьева, что ему *«дороже – стихотворное, басенное творчество или же проза? Где, на ваш взгляд, вы больше себя проявили?»* и получил такой ответ: *«Я думаю, то и другое для меня одинаково дорого. Ну, как разделить? Это же мои дети. Одно дитё позовёт – к нему бегу, другое – к другому»*.

Начиная с 1956 года стали выходить сборники басен Н. Фотьева, которых сегодня насчитывается одиннадцать: «Басни и сатирические стихи» (1956; коллективный сборник, в котором также представлены басни А. Столбовского, Ю. Соколова, Д. Цирулика, Ю. Иванова), «Басни Николая Фотьева» (1957), «Куриная карьера» (1962), «На законном основании» (1963), «Претензий нет» (1966), «Басни» (1969), «Глядя в корень» (1980), «Жертва случая» (1984), «Обоюдная польза» (1986), «Житейский спор» (1997), «Мой путь» (2002; в сборник, помимо басен, вошли также лирические, детские и сатирические стихотворения).

Сразу же после того, как первый басенный сборник увидел свет, писатель обратился к прозе. Рассказы и повести Н. Фотьева составляют книги «Те далекие свидания» (1968), «Мужчины в доме» (1971), «Вы остаетесь за нас» (1978), «Горная малина» (1981), «Коренные берега» (1982), «Деревенская родня» (1992), «Поехали за орехами» (2010).

Фотьев публиковался в журналах «Дальний Восток», «Наш современник», в альманахах «Приамурье мое», «На море и на суше», во многих коллективных сборниках и газетах.

Писатели и в советское время, и в нынешнее зарабатывали немного. Николай Фотьев был единственным писателем на Амуре, который жил на литературные доходы, это яркий показатель его литературного таланта.

Творчество писателя получило признание далеко за пределами Амурской области и России. На сборник басен «Глядя в ко-

рень» (1980) в 1981 году через Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека) был сделан запрос из библиотек Конгресса США и Гарвардского университета с целью включения его в свои фонды. Некоторые из рассказов Н. Фотьева опубликованы в Болгарии, а также на страницах центральных российских периодических изданий, сборник рассказов «Горная малина» вышел в московском издательстве «Современник».

Книги Н. Фотьева, выходившие в своё время в различных издательствах Амурской области большими тиражами, позже не переиздавались и стали библиографической редкостью ещё при жизни писателя. Критики и читатели единодушно отметили талантливость автора произведений, написанных с большой глубиной проникновения в характеры и психологию героев. В своих книгах писатель остаётся верен избранной теме – показу «неприметных» жителей больших и малых сёл, воспитанию чувств гуманизма и высокой нравственности. Хочется повторить старую истину, что книга – это, прежде всего, человек, её написавший, его образ мыслей, отношение к себе и к людям, к прошлому и настоящему.

Несмотря на то, что творчество Н. И. Фотьева является важным звеном в цепи литературного процесса России второй половины XX века, оно долгое время не становилось предметом внимания литературоведов. Творчеству писателя посвящены лишь немногочисленные рецензии и статьи, принадлежащие перу учёных-филологов – Б. Лебедева, Н. Недельского; дальневосточных и амурских писателей и поэтов – А. Воронкова, И. Ерёмина, И. Игнатенко, Б. Машука, Н. Наволочкина, В. Черкесова, А. Бобошко; критиков – И. Алексеева, Н. Владимирова, И. Литвиненко, С. Смолякова и др.

В некоторых из них (статьи И. Ерёмина, И. Игнатенко, Б. Лебедева, И. Литвиненко) были предприняты попытки исследовать не только идейно-тематический пласт произведений писателя, но и определить творческий метод художника, особенности поэтического мира его произведений, выявить своеобразие языка и стиля. Однако эти попытки носили поверхностный характер, как правило, не опирались на глубокий литературоведческий анализ. Материалом исследования в данном случае являлось не творчество Фотьева как единое целое, а сборники прозы или басен, но чаще выводы делались на основе анализа какого-то одного произведения.

Первая попытка представить системно творчество Н. Фотьева через анализ поэтики жанров была предпринята Ириной Сергеевной

Назаровой – доцентом кафедры русского языка и литературы БГПУ. Объектом научного осмысления диссертации был избран весь корпус художественных произведений писателя, рассмотренный в жанровом аспекте и во взаимодействии с общенациональным историко-литературным контекстом. И. С. Назарова изучила и проанализировала наиболее значимые жанровые структуры в творчестве Н. Фотьева: басню, рассказ и повесть, проследила их во взаимодействии между собой и с литературным контекстом.

Предлагаемые информационно-методические материалы представляют личность Николая Ивановича Фотьева, освещают основные вехи его биографии, определяют значимость его художественных произведений.

Данный сборник состоит из четырёх разделов. В первом – «“Мой путь...”: грани жизни и судьбы Николая Фотьева» – описаны основные вехи жизненного и творческого пути амурского писателя. Второй раздел – «“Разговор начистоту...”: грани таланта Николая Фотьева» – знакомит с многосторонним творчеством Николая Ивановича – автором басен, прозаических, поэтических и публицистических произведений. В третий раздел – «Жить и писать по совести, не кривя душой...» – включены воспоминания о Николае Фотьеве и оценки его творческого наследия друзей, близких, коллег писателей журналистов, учёных-филологов. Четвёртый раздел – «Методические рекомендации к изучению жизни и творчества Н. И. Фотьева на уроках литературного краеведения» – содержит литературный час «Басни Николая Фотьева» и урок литературного краеведения «В гармонии с природой. Обсуждение рассказа Н. И. Фотьева “Запах кедра”».

Литература в библиографическом списке сгруппирована в двух разделах: «Произведения Н. И. Фотьева» и «Литература о творчестве Н. И. Фотьева».

Данные информационно-методические материалы являются десятым выпуском из краеведческого цикла «Русские судьбы: амурские писатели».

К сборнику прилагается диск, содержащий электронную версию информационно-методических материалов; фрагменты изданий Н. И. Фотьева; фотографии писателя; электронные презентации, посвящённые его жизни и творческому наследию; фильм «Николай Фотьев» (авторы: Марианна Поздирка и Денис Чибиряк; творческая студия АмГУ, 2004 г.).

Сведения, предложенные в сборнике, могут быть полезны широкому кругу пользователей: библиотечным работникам, преподавате-

лям, учащимся, всем, кого интересует творчество амурских писателей. Всем тем, кто хочет разделить с нами радость прикосновения к творческому наследию талантливейшего баснописца, публициста, прозаика и поэта Николая Ивановича Фотьева.

«МОЙ ПУТЬ...»: ГРАНИ ЖИЗНИ И СУДЬБЫ НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА

*Не по асфальту жизнь моя катилась –
По кочкам да ухабам бытия.*
Николай Фотьев

Николай Иванович Фотьев родился в крестьянской семье 21 декабря 1927 года в небольшой деревеньке Малиновке Старобардинского (ныне – Красногорского) района в междуречье Бии и Катунь Алтайского края. Недалеко от деревни, в долине речки Калташки, в горно-таёжном углу на исходе степных увалов, стояла заимка дедушки по отцу – Фотьева Фёдора Романовича, где прошли первые годы жизни будущего писателя.

Семья была большая. Работали все, даже детей с малых лет приучали к нелёгкому крестьянскому труду, поэтому нужды семья не знала. В «Автобиографии», вспоминая то время, Николай Иванович писал: *«У дедушки был добротный дом, хорошо обустроенное подворье, обнесенное заплотом из бревен, имелось в хозяйстве несколько коров и лошадей. Была пасека. Хозяйство было общим с взрослыми сыновьями и дочерьми. Когда жили все вместе, в доме насчитывалось человек пятнадцать»*.

Но так длилось недолго. В 1929 году дед писателя был раскулачен: *«Когда “разобрались” да поделили хозяйство на всех взрослых, то все они оказались бедняками. Но было уже поздно... Всё пошло прахом, даже заплот был увезен в соседний колхоз. Дедушка плакал, и мне невыносимо было видеть мужские слезы»*, – читаем в «Автобиографии» об одном из самых мрачных воспоминания детства Николая Фотьева.

Деревня с поэтичным названием Малиновка и дедушкина заимка уже давно стёрты с лица земли, но они жили в памяти писателя до

последних дней его жизни. Николай Иванович вновь и вновь возвращался туда в своём творчестве.

*Забыть ли эту деревеньку,
Где отроком, застенчивым весьма,
Я потихоньку, помаленьку
Силёнок набирался и ума.*

*Забыть ли ветхую избушку,
Полати и большую печь,
Где можно было спать залечь
И сделать всякую просушку.*

*На тех полатах и печи той,
Сбирались верные друзья.
И весь букварь тут был зачитан,
И чудо-сказки слышал я.*

*Нет, и нельзя, и невозможно
Изжить из памяти сполна
Ни деревеньки той таёжной,
Ни той избушки в три окна.*

(«Забыть ли эту деревеньку...»)

Многие страницы его рассказов и повестей проникнуты неподдельной горечью по навсегда ушедшей в небытие малой родине. Пропитируем небольшой отрывок из рассказа «Трава-мурава» (сборник «Мужчины в доме»): «Ещё пятьдесят шагов, тридцать... десять... Как бьётся сердце! Вдруг как всегда покажется весёлый крестовый дом на взгорке, выше разноцветные ульи пасеки и дедова фигура между ними. Ниже – амбары и амбарчики, пригоны и огород. И всё это обнесено крепким рубленым заплотом. Заплот срубили в ту же пору, что и дом, дед и его братья. Тогда здесь шлялись медведи и волки, поэтому на ночь скот загоняли на подворье и закрывали крепкими воротами. Заплот потом пустили на дрова. Надо было видеть дедово лицо, когда он собственными руками рушил своё хозяйство.

Стой... Ведь это и есть то чистополье, где стояла заимка. Какой покой, какое запустение! Буйная высокая трава поглотила всё. Ни столбика, ни кола, ни места, где стоял дом на высоком цоколе, –

всё сравнялось. Там и тут толпились теперь юные берёзки и осинки. С какой жадностью набросилась природа заращивать оставленное человеком обиталище! Что ж, она права. Она не ленится и делает своё дело исправно. Но живое человеческое сердце, полное светлой памяти об этих местах! Может ли оно смириться? Оно может подчиниться рассудку, который рано или поздно всё ставит на свои места, но вряд ли, пока оно живо умрут в нём первые видения, из которых сотворился образ родины».

В начале 1930-х годов дед обосновался в селе Стародубском, а молодая семья Фотьевых – отец, мама, два малолетних братца и старший Николай – перебрались в колхоз, что был километрах в четырёх от заимки и назывался «Горный пахарь». Тут они прожили года четыре в совершенной нужде. *«Первое колхозное лето воистину было страшным. Голодные люди травились зерном, собранным на токах вместе с землёй и мякиной. Всё это отмывалось в воде, сушилось и мололось на ручной мельничке. Но перезимовавшее, полусгнившее зерно, как теперь понимаю я, содержало яд “солонин”. Люди травились, и почти никто не выживал. На этот счёт ходили страшные слухи. Дескать, это враги народа специально отравили тока, что навредить Советской власти. “Врагов” этих гнали мимо нашего крыльца тоже почти каждый день. Идёт понурый человек – а сзади на лошади – конвоир, исполнитель»,* – рассказал в одном из интервью Николай Фотьев («Амурские вести», 1987, 26 декабря).

В 1937 году семья Фотьевых переехала на прииск Ушпа в Турачакский аймак, на один из верхних притоков Бии. К тому времени Николай закончил два класса школы. На прииске Ушпа Фотьевы срубили избу, завели корову, разбили огород и зажили вроде бы неплохо: *«На прииске матушка работать не могла, так как надорвалась ещё в колхозе. Жили огородом, держали корову и кое-какую живность. Каждый год платили налог мясом и молоком. Питались кое-как, иногда – одной травой. И всё же учились в школе»* («Амурские вести», 1992, 26 декабря).

Отец, Иван Фёдорович, будучи прекрасным охотником, нередко ездил в райцентр сдавать пушнину, а на вырученные деньги, в числе других необходимых для хозяйства вещей покупал книги. Так дома появился букварь. В памяти будущего писателя сохранились воспоминания о том, как отец учил детей читать по букварю. Сам он читал еле-еле, по слогам (этому Иван Фёдорович научился в армии; мама тогда была неграмотная, только позже, в колхозе, она стала ходить

на курсы ликбеза), и пока дочитывал фразу до конца, дети уже догадывались и произносили её полностью.

Интерес к литературе возник у Николая Фотьева тоже во многом благодаря отцу. В доме первой книгой после букваря стал томик стихов Пушкина, привезённый Иваном Фёдоровичем. Поражает, откуда в семье, по сути, неграмотной, такое страстное желание окунуться в мир искусства, постигнуть тайны художественного слова. Первое, что маленький Николай услышал из этой книги в отцовском исполнении: «Си-жу за ре-шёт-кой в тем-ни-це сы-рой...», – строки, прочитанные отцом по слогам. Это стихотворение врезалось в память на долгие-долгие годы, и с тех пор не было для Н. Фотьева писателя дороже и ближе, чем Пушкин: *«Именно он потряс меня первый. И слава Богу, что именно он встретился первым на моём детском пути! Пушкин – это на все века. <...> Нет, Пушкин есть Пушкин»*.

Говоря о своём литературном кумире, Николай Иванович вспоминал забавный случай, произошедший с ним в юности. Однажды в библиотеке он увидел книгу В. В. Вересаева «Пушкин в жизни», которую взял, не раздумывая. Потом каждый день подолгу держал книгу в руках, снова и снова рассматривая замечательные иллюстрации, перелистывая страницы с драгоценным материалом, и постепенно понял, что уже не сможет вернуть её обратно. Ситуация, скажем прямо, сложилась «критическая». И ему ничего не оставалось, как явиться в библиотеку с повинной. Там, как обычно в таких случаях, за «утерянную» книгу потребовали равноценную замену, чему Фотьев был несказанно рад. Позже в добавление к этому изданию были куплены и другие книги о Пушкине – Юрия Тынянова и Леонида Гроссмана. После Пушкина юный Николай стал увлечённо читать Некрасова, Кольцова, Тютчева, а уже потом добрался до Есенина, Блока и др. *«Когда я стал более-менее осознавать мир, меня, конечно же, поразило то, что написано в книжках. В нашем доме и было-то всего две-три книжки – Пушкин, Лермонтов и Некрасов. – говорил Н. Фотьев. – Их стихи стали моим главным удивлением и открытием. Оказывается, то, о чём мы говорим в обиходе, можно через книги поведать. С тех детских лет я и возлюбил литературу – поэзию и так далее»*.

Но тут грянула война. Наступило трудное и горькое время. Когда началась война, семья осталась без кормильца. Отец ушёл на фронт, успев поработать на военном заводе в Барнауле. Мать, Кристина Ильинична, успела навестить его, привезла кое-какую еду и одежду.

И осталась одна с четырьмя детьми, младшая, Мария, родилась в первый военный год. Выжили только благодаря щедрой матушке-природе: ловили рыбу, понемногу охотились, работали в огороде. С тех пор Николай Фотьев твердо уверен, что земля, «на которой он стоит», – кормилица, поилица, врачевательница, способная вернуть человека к жизни, излечить его от духовных и физических недугов.

Героиня повести Фотьева «Родительский день» (1982) Ирина Мерзликина, в судьбе которой прочитывается биография матери писателя, вспоминая о тяжелом военном времени, рассуждает: *«Как раздумываешься, почему не заболели, почему не умерли, так удивительно даже. Может, трава-то, она как лекарство была. Черемша, сказать – как чеснок вроде. А вместо воды, бывало, березовый сок пили. Да ещё из соку-то квасу наделаешь».*

За годы войны Николай сильно повзрослел, многому научился, потихоньку стал плотничать: *«В деревне мальчишки раньше быстро взросли. Тем более в войну, когда отцы на фронте были. А как без топора в хозяйстве обойтись? Вот начал постигать тогда плотницкую науку...»* («Амурские вести», 1992, 26 декабря).

Позже об этих событиях амурский прозаик расскажет на страницах повести «Вы остаётесь за нас» (1974). В ней он рисует картины алтайской деревни 1930-х годов, рассказывает о трудном военном детстве. Но пафос повествования не в изображении трудностей. Главное для художника – это красота труда, который делает людей духовно богатыми и требовательными к себе. Лучшие страницы повести – это рассказ о детях, которые обстоятельно, со знанием дела, не хуже любого взрослого, выполняют порученную им работу: *«Главный пекарь, конечно, Генка. Так мать велела. Вот он снимает с припечка квашню, развязывает наквашенник и в нос бьёт кисловатый вкусный, с хмелинкой запах дрожжей и хлеба. Вот квашня стоит на лавке, а в ней большая тёрка установлена. Лешка моет картошку и червивины выколупывает, а Генка трёт. Если на треть истереть картошку, то запросто пальцы ободрать. Это уж сколько раз было. Осторожней надо. Полведра Генка изотрёт, полведра Лёшка. По справедливости. Потом главный пекарь две большие пригоршни муки бросит в квашню и веселком перемешает хорошенько, завяжет наквашенник и на шесток поставит, к теплу поближе. Печь всегда тёплая. А завтра утречком, когда квашня подойдёт, надо ещё пригоршни три муки бросить и окончательно замесить. Это самая тяжёлая работа – окончательный замес».*

Эта любовь и уважение к труду, «деловитость и хозяйственность во всём» сохранились у Николая Ивановича на долгие годы. Амурский прозаик Борис Андреевич Машук, вспоминая о пройденных вместе «путях-дорогах», рассказывает: *«Если мы остановимся табором, то обязательно со столом, скамейками... Хоть из жердей, но соорудит и других заставит»*. Сидеть без дела – не в фотьевском характере, в свободное время он любил плотничать. На берегу Зеи из брёвен, которые проплывали по реке, срубил себе сначала настоящую русскую избу, а потом баню.

Александр Филоненко, журналист «Амурской правды» и добрый знакомый баснописца, рассказывает удивительную историю: как-то раз к месту этого строительства пришли с расположенной поблизости турбазы мальчишки-рыбаки, чтобы своими глазами увидеть «настоящего» писателя. Никак не ожидая того, что прокопчённый и просмоленный плотник перед ними и есть Фотьев, спросили:

« – Дядя, нам сказали, что здесь писатель живёт. Как бы увидеть его? »

Хмыкнул «плотник», закатывая на сруб очередное многопудовое бревешко, хитровато (чисто по-фотьевски) прищурился:

– Да где-то здесь был. Обождите, увидите.

Потом, закончив паз рубить, воткнул в бревно топор, угостил мальчишек чайком, показал им, где можно червей для закидушек накопать, о житье-бытье с ними потолковал.

– А где же писатель? – ещё раз спросили, в конце концов, гости.

– Так я и есть писатель, – рассмеялся загорелый до черноты “плотник”.

– Ну да?».

«Чего больше было в этом непосредственном детском “ну да!”? – рассуждает журналист. – Недоверия? Разочарования? А может быть, восхищения? Вот этой простотой, естественностью, умением топор в руках держать, искусством, на первый взгляд, нехитрым, но многими сейчас забытым».

Но всё это было уже потом, в зрелом возрасте, а тогда, осенью далёкого 1944 года, в деревне Шварцы Бауцкого уезда Латвии, пал смертью храбрых Иван Фёдорович Фотьев. Это была страшная, невосполнимая потеря для семьи.

В том же году Николай окончил школу-семилетку и отправился в Томск (как тогда казалось за тридевять земель), в индустриальный техникум, учиться горному делу. Стены общежития защищали только от ветра, да это и понятно, ведь шёл уже четвёртый год вой-

ны. На зимних каникулах вместе с друзьями ездили домой. Дорога была очень трудной: более двухсот километров приходилось идти пешком к дому и столько же назад по страшному морозу. Большая часть каникул уходила на дорогу. Проучившись год, Н. Фотьев вернулся в родную деревеньку сильно истощённым. По дороге домой узнал о победе: радость была неопишуемая. *«Мы тогда целой компанией поехали, – вспоминал Н. Фотьев. – Почему горный, так мы же приiskовые были. Целую зиму в Томске продержались. Голодно было, холодно. У меня о том времени повесть написана – “Томская зима”. Правда, в издательство её ещё не предлагал. Так вот зиму проучились, казалось бы, все трудности позади. Но так домой потянуло. Ведь мальчишки ещё, что ни говори. Компанией в техникум ехали, всей компанией и домой отправились. Как по дороге и о Победе узнали. Радость была неопишуемая! Дома привёл в порядок избу, по хозяйству матери помог и опять поехал учиться. Только теперь уже поближе в Бийск. Там сельхозтехникум был. В него решили и поступать»* («Амурская правда», 1987, 20 декабря). Из всех деревенских техникум закончили только двое, те, у которых отцы вернулись с фронта.

Осенью 1945 года на сапке по Бие Николай Фотьев доплыл до Бийска и поступил в сельхозтехникум. Жилось, конечно, не сладко.

В 1948 году Н. Фотьев окончил техникум с отличием, но не это стало самым важным событием его студенческой жизни. В Бийске он впервые побывал в театре. Это оставило в его душе неизгладимые впечатления и во многом определило его дальнейшую судьбу.

Сразу после получения диплома зоотехника Фотьев уехал по распределению в Бурятию. Потом была работа по специальности в Монгольской Народной Республике на строительстве «№ 505», то есть в лагерной системе. Там наши заключённые строили железную дорогу, идущую от Улан-Удэ, через станцию Наушки и Сухэ-Батор, до столицы Монголии – Улан-Батора. По всей этой трассе стояли колонии с вышками и охраной. Несколько колоний было сельскохозяйственного назначения – «сельхозы». На одной из них Николай Фотьев и трудился в качестве младшего зоотехника. В свободное время он начал писать, но немного, и в основном стихи. Писатель вспоминал об этом с улыбкой: *«Как и многие, грешил ими в молодости. Одно даже опубликовал в “Амурском комсомольце”. Этакое колыбельно-патриотическое. Тогда всё надо было писать в патриотическом духе, даже колыбельную»* («Амурская правда», 1987, 26 декабря).

Затем Николай Иванович работал в управлении стройки в качестве инспектора гужевого отдела, расположенного в городе Сухэ-Баторе. В Монголии жилось материально неплохо, но будущий писатель сильно тосковал по родине или, как тогда говорили, Союзу. Поэтому, как только строительство железной дороги стало подходить к концу, Николай Иванович начал хлопотать о возвращении на родину. В конце 1950 года он получил должность старшего зоотехника в сельхозе «Вятка», неподалёку от города Райчихинска Амурской области. *«Раньше тут содержались японские военнопленные, от которых остались ажурные арокки и воротца, жестяные флюгерки и фазанчики. Теперь тут обитали наши зеки. Может, я и дальше работал бы в этом сельхозе, но система, в которой я пребывал, сильно тяготила, хоть я и был вольнонаёмным специалистом, и даже портила. И, как только в Благовещенске открылся сельхозинститут, я подал заявление и был принят без экзаменов, благо диплом за техникум был с отличием»,* – вспоминал Николай Фотьев («Амурские вести», 1992, 26 декабря; «Автобиография»).

В 1951 году, как только в Благовещенске был открыт Сельскохозяйственный институт (ныне ДальГАУ), будущий писатель решил поступать туда. Поступать не потому, что сельское хозяйство было его призванием, а просто хотелось учиться дальше, повышать свой интеллектуальный уровень.

В институте у Николая Фотьева возник интерес к театральному искусству. *«С детских лет я открыл с удивлением для себя театр – сцену, где можно изобразить что угодно. И со школьных лет до окончания института увлекался театром, участвовал в художественной самодеятельности. А когда увидел настоящий профессиональный театр, когда учился в Бийске в сельскохозяйственном техникуме, долго ходил потрясённым. Многие советовали, увидев меня на любительской сцене, идти в артисты»,* – рассказал Николай Фотьев в авторской программе Игоря Игнатенко «Стезя» в 1997 году.

Начиная со второго курса, Николай Фотьев занимался в студенческом драматическом кружке, которым тогда руководила любительница театрального искусства, преподаватель института Клара Исаковна (фамилию её, за давностью лет, писатель, к сожалению, забыл). Но как только она разглядела талант молодого актёра, услышала его дельные подсказки и наставления, то решила, что режиссёром и художественным руководителем драмкружка должен быть он. Студент Николай Фотьев работал усердно и добросовестно: часами объ-

яснял и показывал, как надо сыграть роль. За работу он получал по тем временам большие деньги – триста рублей.

Одно из самых тёплых воспоминаний этого времени – постановка «Женитьбы» Гоголя, в которой режиссёр Николай Фотьев сыграл роль Подколесина. Эта роль была его давней мечтой. Видимо, желание было настолько сильным, что просто не могло не осуществиться. Спектакль занял первое место на областном смотре самодеятельных театров, который проходил в стенах Благовещенского государственного педагогического института. Когда Николай Фотьев окончил институт, никто не стал продолжателем его дела. А ему, получившему диплом зоотехника и приступившему к работе по специальности, стало не до театра: *«И тогда моим театром сделались басни. В них ведь тоже есть сцены, герои. Их надо увидеть, почувствовать. Ну, а сам автор – он и режиссёр, и постановщик, и исполнитель. Вот так я пришёл к басне»*.

Уже в студенческие годы Н. Фотьев писал и публиковал в газетах свои басни. Первая – «Учёный Индюк», появилась в «Амурской правде». Своим рождением она во многом обязана преподавателю института, который переписывал научные рекомендации из брошюр и публиковал в газетах под своим именем. *«Преподаватель узнал себя в том Индюке, – вспоминал баснописец. – Приходит на лекцию и говорит: “Читал-читал. Молодец! Похоже...”*. Ну, думаю, провалит теперь на экзаменах. Нет, ничего, обошлось». Начиная автор ликовал: басня удалась.

«К сочинительству тянуло всегда», – признавался Николай Иванович. Писать начал ещё в школе. В пятом классе появилась первая басня. К её созданию подтолкнули реальные события: мальчишка, которого избрали старостой класса, почувствовал власть и стал задаваться. Маленькому Николаю Фотьеву это не понравилось: *«Ишь ты, такой же, как и все, а командует»*. Вот так и родилась басня, навеянная сюжетами и слогом писателей XVIII века, с творчеством которых ученик пятого класса тоже уже был знаком. Её Николай Иванович помнил наизусть и не отказывался читать:

*В меху у Льва жила Блоха,
Погано чрево кровию питая,
И думала, что Льву она родня большая.*

*Пуцает Лев свои права,
Коль племя, осмелев, шалит:
«Замрите пред двумя кровьями Льва!» –
Из шерсти выглянув, блоха кричит.*

«Закончив, известный баснописец от души смеётся. А читает басни он великолепно. Его Медведи, Лисы, Зайцы мгновенно оживают: каждый говорит своим голосом, со своей, особой, интонацией», – пишет И. С. Назарова.

Кроме старшего Николая литературой увлекался ещё один брат – Лев. Он начинал писать стихи, но, будучи по характеру «слегка гусаром», вскоре решил, что это занятие не для него, и подался в журналистику. Вспоминая о нём, Николай Иванович шутил: *«Это тот брат, который на три месяца младше меня...»*. На самом деле, они были погодками. Но, когда в деревне сгорела церковь, а вместе с ней и все документы, когда их позже стали восстанавливать, Николай (ему было тогда около десяти), абсолютно точно зная лишь то, что он родился зимой, вместо января 1927 года, назвал декабрь. Ошибся всего на один месяц, а получилось, что стал моложе на целый год.

В 1955 году институт был окончен, и Николай Иванович вступил в должность главного зоотехника Белогорской МТС (село Новинка Благовещенского района).

С 1958 по 1960 год успешно трудился в том же качестве в Благовещенской и Константиновской райсельхозинспекциях.

В «Автобиографии» писатель признаётся, что первые годы ему было очень тоскливо вдаль от алтайской земли, но постепенно он «всей душой прикипел» к амурским просторам, и Благовещенск стал его второй родиной. *«Почему остался здесь на Амуре? Понравились эти места. Не сразу, не вдруг, но когда пригляделся, то понравились. Сейчас уже, можно сказать, что прикипел к этой земле»* («Амурская правда», 1987, 20 декабря).

В разделе «Вместо предисловия» сборника очерков «Земля, на которой стою» Николай Фотьев очень лирично описал зарождение и укрепление своей любви к Амурской земле.

«Перед тем, как отправиться в эти края, я поспрашивал у моего тогдашнего товарища и наставника по работе Николая Оленина.
<...>

Мне казалось, что хвалит он эти земли для того, чтобы подбодрить меня, чтобы легче мне было уезжать столь далеко от дома.

Но теперь-то я знаю, что он ничего не прибавил.

Помню, от родных мест на Алтае ехал я до Улан-Удэ с пересадками и оформлением документов целую неделю. А потом ещё дальше на восток – один день, второй, третий, четвёртый... <...>

В ту зимнюю пору в Благовещенске сошёл я ночью и удивился, что было тепло, хотя по всем признакам надо было трещать морозу – небо ясное, звёздное, луна светит, а над крышами туго и задумчиво столбится дым. К тому же ещё вчера где-то под Сковородино отмечалась температура ниже пятидесяти градусов ниже нуля. А тут тепло... Да и снегу не больше, чем в Монголии, где скот всю зиму гуляет на пастбищах.

Это было моё первое открытие. Потом я узнал, что и буранов здесь не бывает таких, как в Сибири, а где-то в апреле начисто исчезает снежный покров, не родивший ни ручьёв, ни шумного половодья, а просто-напросто испарившись под солнцем и ветром. Узнал, что озимых не сеют – без снежного покрова земля сильно промерзает, и озимые не выдерживают. Но сев яровых начинается иногда даже в марте. Разумеется, зерно не сразу всходит, а ждёт настоящего тепла. Но поскольку к севу приступают рано, то и успевают к началу тепла засеять довольно большие площади.

Вряд ли быстро нашёл бы я Дом колхозника, если бы в дороге не познакомился с соседом по вагону – коренным благовещенцем. Он всю дорогу рассказывал о городе, о том, как хозяйничали в нём интервенты и белогвардейцы и как выгнали их отсюда, о том, как вели себя японцы за Амуром и как гнали потом пленных квантунцев. Рассказывал о бывших купцах и компаниях, золотопромышленниках и контрабандистах. Рассказывал, как жили в войну и живут теперь, после войны.

Помню, его фамилия была Голубев, возраст близился к пенсионному и работал он в сплавной конторе на какой-то незначительной должности. Может, чтобы утолить моё любопытство, которое он сам же и разжёл, а может, потому, что был слишком добр и гостеприимен; несмотря на ночь, он останавливался среди улицы и, указывая варежкой на какое-нибудь здание, объяснял, что здесь раньше было и что теперь находится. Мы с ним дали порядочный крюк, чтобы посмотреть, где были Чуринские магазины. Тогда и ночевал я у него, на Краснофлотской, и ещё дня три квартировал и научился ориентироваться в городе.

С удовольствием отметил, что город расположен на удобном месте и, бог знает почему, почувствовал, что проживу тут долго.

Зиму того года, весну, лето и часть осени работал под Райчихинском в тогдашнем сельхозе «Вятка». <...>

На моих глазах деревянный и одноэтажный Благовещенск превращался в каменный и многоэтажный, с новыми фабриками, ма-стерскими, заводами и прочим, что отличает ныне многие города Сибири и Дальнего Востока.

Помню, была тут всего одна мощёная улица, тянувшаяся через город от вокзала. Все остальные были ухабисты и пыльны. Окраины в иных местах были вообще непроходимы из-за грязи, глубоких луж и подпруд, напоминавших озёра, по которым плавали утки и гуси.

Когда-то город вообще стоял среди грязи и болота. Дело в том, что равнина, заключённая в треугольнике между Амуром и Зеей, всегда была насыщена водой, как паводковой, так и дождевой. Много пришлось поработать горожанам, чтобы приподнять всю эту равнину и осушить. Везли песок, гравий, глину, камень, устраивали водостоки и сажали тополя. Сейчас в городе совершенно сухо, большинство улиц покрыто асфальтом и, может, нигде нет столько тополей и вообще деревьев, сколько в Благовещенске. И ещё: может, нигде нет таких прямых, широких и ровных улиц, как здесь. <...>

Минувшие двадцать лет, в течение которых я ходил по здешней земле, убеждают, что она, эта земля, во многом своеобразна, и если не сразу берёт в плен душу, зато уж накрепко. Недаром многие, кто поспешил однажды уехать отсюда, опять рано или поздно возвращаются.

Конечно, и я не сразу привык к здешним дорогам, степям, горам, рекам, вообще – к пейзажам, во многом непохожим на пейзажи других мест, это естественно, если учесть, что долго ещё снились родные Алтайские горы. Но постепенно стало привычным говорить: «Наш город», «Наши места», «Наше Приамурье». <...>

По первому впечатлению в сознании никак не уместались амурские контрасты. Ну вот, пожалуйста: не защищённые снегом, сильно промерзающие водоёмы и сугубо южное водянистое растение лотос (Константиновский, Михайловский, Бурейский и Архаринский районы). Северная ягода моховка, кедровый стланик, не успевающие растаять за лето льды в каньонах Станового и сотни тысяч гектаров пашен, засеянных теплолюбивой соей, вегетационный период которой длится в среднем четыре месяца. Почти бесснежная солнечная зима и довольно дождливое лето, а потом ясная сухая осень,

о которой и в октябре говорят, как о «бабьем лете». Дикий виноград, лимонник, липа, маньчжурский орех, лещина, обилие всевозможных овощей и садовых культур и – целый район многолетней мерзлоты, где в основном растёт лиственница. <...>

Или взять это: зима, мороз, земля, прикрытая снегом, и по-осеннему рыжие сопки. Они всю зиму такие рыжие и пушистые, потому что сплошь заросли дубняком, сохраняющим листву до самого вешнего тепла. В спокойную погоду в таком лесу далеко слышится всякий шорох и даже малый вздох ветра. <...>

На ровных бесконечных полях странными с непривычки кажутся круглые, как по циркулю, «глаза озёр» в камышовых рясницах.

Новый человек не вдруг поверит, что здешняя рыбёшка – ротан – зимует, застывшая во льду, и как только начнёт припекать солнце, оживает и шевелится в толще льда, как в аквариуме, ещё задолго до того, как лёд расплавится. Кстати, нигде нет такого разнообразия рыб, как в амурском бассейне, ибо и речные условия тут самые разнообразные, и всяких рек и речек вдосталь – их насчитывается до сорока шести тысяч. <...>

Вот так, к примеру, запомнилось мне одно время года, с которого, кажется, и началась настоящая привязанность.

Это была весна. Она пришла, как накатилась, обдала, повеяла теплом и, заполняя всё окрест, начала разгораться всё жарче. На косогорах и лугах испарились последние заплатки снега. Над дорогами, над пашнями, над чёрной гарью и вообще на тёмных сугревах замечались стеклянные сполохи по-летнему обильного марева. Густо запахло оттаявшей и отпотевшей землёй. Ещё через день марево стало сплошным и заполнило всю пойму реки с лугами и рёлками, с островами и озёрами, с пашнями и куртинами перелесков. Оно стелилось по ветру в сторону, обратную извечному течению реки, и казалось, текла теперь другая, бесконечно широкая фантастическая река. Отдалённые стожки-братья, не скормленные за зиму и оставшиеся в лугах до следующей зимы, как поплавки, качались в воздухе и вытягивались до размеров высоких церквушек. Железнодорожный мост над рекой тоже весь так и плавился, извивался. Как тонкая арматура в жарком пламени, и то на миг исчезал вовсе, то призрачно возникал сбоку, не на своём месте, горбатый и неправдоподобный.

Вообще, та весна напоминала некий благодатный пал, занявший широкий фронт по всему Приамурью. И вот в огне его всё быстро согревалось, пробуждалось, трещало, пицало, проклёвыва-

лось, дышало и рождало свои запахи. Над сопками, лугами и островами тянулись стройные косяки гусиных стай и мельтешили сгустки, клубки и вереницы всевозможной утвы. Целыми днями слышались теперь трубные, гортанные пискливые и то радостные, то сторожские клики.

Ранняя и дружная эта весна была благодатью не только для пахари, но и для всего живого. Уже по тому, с каким ленивым удовольствием махали крыльями толстые басовитые гуменники, было видно, что птица не голодает, что и прилетела она из тёплых мест с жирком и здесь везде находит где поесть-попить, поплавать. Покупаться и отдохнуть. Вон даже чёрные неуклюжие вороны ходят по луговине с видом существ, одержавших великую победу. Да оно и впрямь – победа! Ещё одна зима поборота, ещё раз завоёвано великое право на жизнь. <...>

Говорят, хорошие дела получаются с утра и это, наверное, правда, ибо само пробуждение на заре, само обновление и восход солнца – источника жизни и радости – способствуют хорошему настроению. Наверное, всякий человек, в добром здравии встретивший хорошее весеннее утро, кроме всего прочего, испытывает подспудную радость встречи с чем-то необыкновенно прекрасным, подобным первой любви. А если и примешивается чувство грусти, так это от невольного сознания того, что не вечно будешь видеть эту красоту. Но зато сильнее захочется жить, ещё сильнее станет желание успеть сделать побольше, пока ходишь по земле. Так было и со мной в то утро...».

1950-е годы для сельского хозяйства были нелёгкими. В селе происходили перемены, и крестьянину который раз приходилось менять привычный уклад жизни. Не всегда это было безболезненно: чаще обновление происходило в острых конфликтах. Возможно, именно эти обстоятельства подвигли Николая Ивановича всерьёз взяться за перо. Он, как человек кровно связанный с землёй, не мог остаться в стороне. Некоторое время художник объединял занятия литературой с работой по специальности.

В 1957 году в Амурском книжном издательстве вышел первый басенный сборник Фотьева, который издатели, не мудрствуя, назвали «Басни Николая Фотьева». В аннотации к книге было сказано: «Баснописцами люди становятся обычно в почтенном возрасте, когда появляется уже неудержимое желание поучать других. Что касается автора этого сборника, то он, даже по самым снисходи-

тельными нормам, не дотягивает до того возраста, который может быть назван почтенным...». С тех пор прошло 60 лет. Писатель, слава Богу, «дотянул» и опубликовал ещё десять книг басен, в которых он поднимает злободневные темы, остроумно и метко обличает проявления канцелярско-бюрократических методов руководства сельским хозяйством: косности, грубости, зазнайства.

Признание к Фотьеву-баснописцу пришло сразу. Уже в 1959 году в «Амурской правде» был опубликован дружеский шарж:

*Слегла овечка, захандрил ли крот –
Любой симптом ему сейчас же ясен.
Давно постиг он весь звериный род
Как зоотехник и создатель басен.*

Игорь Ерёмин в одной из своих рецензий так отозвался о фотьевских баснях: *«Произведения Фотьева оригинальны. Многие из них можно с полным правом отнести к образцам этого трудного жанра»*. Но, пожалуй, самое убедительное слово – слово читателя: сборник «Басни» (1969), вышедший тиражом 15 тысяч экземпляров, исчез с полок магазинов мгновенно.

Басни не мешали Н. Фотьеву одновременно творить и в прозе. И как только был опубликован первый сборник басен, он тут же сделал попытку написать роман («Ни больше и не меньше!» – с некоторой иронией вспоминал Николай Иванович о своих первых шагах в прозе). Произведение имело характерное название «В поле прописан». Это рассказ о времени, когда умудрённому опытом крестьянину указывали как работать те, кто в его делах мало что понимал.

Тогда-то и затосковал Н. Фотьев и решил уходить из сельского хозяйства в газету. Многие, пожимая плечами, удивлялись. Да и было чему: всё-таки зарплата у учёного зоотехника была раза в три больше, чем у районного журналиста. Но переубедить Николая Ивановича тогда уже было трудно: *«Я всегда стремился освободиться от всего лишнего, чтобы заниматься только своим делом. Я вообще считаю, если люди занимаются своим делом, – это гораздо полезнее, чем двух-трёх зайцев ловить. Но иногда, бывает, нужда людей заставляет изменять этому правилу. А вообще-то пироги должен печь пирожник, а сапоги тачать сапожник. Как только представилась мне эта возможность, я оставил свою прежнюю профессию. Меня, правда, долго не отпускали. Стало быть, нужен был.*

Это когда я работал зоотехником». И далее: «Я ведь в прошлом – аграрник. Думал и о своей профессии, и о своих делах, о работе и проблемах, которых в сельском хозяйстве всегда было много, да и сейчас достаточно. И тем не менее меня всегда тянуло к творчеству. Видимо, я родился всё-таки для этого, в этом смысл моей жизни. Поэтому всё, что казалось мне интересным в прожитом и что может оказаться интересным людям, если я это интересно выражу и донесу до них, – я это всё вынашивал в себе, осмыслял, отбирал, что важно, что не важно. И о том, что хотелось мне, я в большинстве случаев сказал. <...> Больше всего хороших слов, мыслей и картин приходит не тогда, когда сижу за столом и в стену смотрю, а когда куда-то иду, двигаюсь. Меняются картины, встречаются люди, разные лица. Всё идёт от жизни, а не из пальца высасывается».

Тяга к творчеству привела Николая Фотьева в журналистику. С 1960 года он стал сотрудником зейской районной газеты, позже – «Амурского комсомольца» и «Амурской правды». На страницах областных газет стали публиковаться его зарисовки и очерки, отличающиеся автора хорошим знанием жизни и быта колхозной деревни, характера и нравственных качеств современника. Это знание, а также желание глубже, серьёзнее отразить преобразования в амурском селе становятся отправными моментами в создании очерков «Председательский хлеб» (1962), «Жизнь, как весна» (1967), «Земля, на которой стою» (1973), изданных отдельными книгами.

В редакции газеты «Амурский комсомолец» произошла первая встреча с Борисом Андреевичем Машуком. Он в то время уже сотрудничал с газетой, но в штат ещё принят не был. Вот как Машук вспоминает первую встречу с Фотьевым, который уже был ему известен по книге басен и нескольким газетным публикациям: «Где-то в начале шестидесятого в редакции «Амурского комсомольца» появился молодой автор в полусолдатском одеянии с несколькими страницами из главы начатой повести (речь идёт о той самой повести «В поле прописан»). Труд прочитали, пригласили «писателя» на собеседование, в ходе которого был сделан главный вывод: автор перспективен, представляет интерес, но пишет бестолково...». Тогда-то и состоялся первый разговор между будущими друзьями. «Главное, – вспоминает Машук, – разговор был доброжелательным, с пожеланием новых проб и пониманием того, что лёгких путей и успехов в творчестве не бывает». Когда Бориса Андреевича после

нескольких публикаций, в том числе и первого рассказа, приняли в штат, талантливого журналиста Фотьева там уже не было: его переманили в «сельхозотдел» «Амурской правды». После были встречи на литературных вечерах, семинарах и т.д. Близкими друзьями они станут только в конце 1960-х.

В 1961 году Николай Иванович побывал на курсах журналистики при МГУ. Знания проблем сельского хозяйства оказалось недостаточно для того, чтобы быть толковым журналистом. В общем, четыре года Фотьев отдал этому нелёгкому, а зачастую, и неблагодарному труду. Но, несмотря на это, газете бывший журналист остался благодарен. Она расширила его жизненный кругозор, дала возможность поверить в себя.

Так сложилась судьба, что Николай Фотьев стал городским жителем, но на лоно природы его тянуло всегда. Будучи журналистом, он вдоль и поперек исколесил Амурскую землю, не переставая восхищаться ее бескрайними просторами. Да и в свободное от работы время писатель не засиживался в городской квартире, а вместе с друзьями отправлялся туда, где еще «не ступала нога человека» и куда добраться можно было только на вертолете, на бронетранспортере или на вездеходе. При этом он никогда не пасовал перед трудностями. Талантливый амурский прозаик Борис Машук, исходивший вместе с Фотьевым немало путей-дорог, в свое время делился с читателями «Амурской правды» невыдуманными историями о том, как «путешественники» не раз оказывались лицом к лицу со смертью, чудом оставались живы, но, едва оправившись, вновь шли навстречу трудностям, поскольку знали, что в них закаляется человек, воспитывается твердость духа: *«Можно вспомнить, как на одной из рыбалок, удачно кувыркнувшись из лодки, мы выгребали на берег под шуршание весенней иуги. Или как в поисках выхода из западни несколько раз спускались и поднимались среди отвесных склонов перевала, чувствуя хруст в коленях и цепляясь за редкий кустик, радуясь острому выступу камня».*

С 1964 году Николай Иванович перешёл на «вольные хлеба» – стал заниматься литературным творчеством профессионально, почувствовав уверенность в своих писательских силах. Этот поступок вызвал бурю непонимания: что мешает человеку днём сидеть в редакции, а вечером писать себе для души? Но в характере Н. И. Фотьева: если уж отдаваться какому-то делу, то до конца, без остатка: *«Ведь журналистика – это когда ты пишешь тем же самым*

“местом”, той же головой. И это отвлекает от художественного творчества. Я считаю, что если бы сейчас были возможности у моих братьев-писателей заниматься своим главным делом, я был бы рад за них. Но многим приходится заниматься посторонним делом ради куска хлеба насущного. Но лично я, когда ради литературы оставил всё остальное, жил неплохо: не шикарно, но нормально, не обижался на судьбу».

Как только Николай Иванович оставил работу в газете, стало известно, что в Чите состоится семинар молодых литераторов. Ему было рекомендовано отправить туда уже отредактированную в издательстве повесть «В поле прописан». Фотьев дал согласие, но отправлял рукопись не сам, а официальные посредники. А когда приехал на семинар, оказалось, что повесть не дошла до Читы, и там о ней никто слыхом не слыхивал. И до сих пор автор не знает, где она и как «застряла». Очевидно, её задержали по чьему-то велению, ибо руководящие персоны в ней представлены были «не так, как надо». Пришлось участвовать в мероприятии как баснописцу (хорошо, что захватил с собой басни). Руководитель семинара Михаил Львов отметил самобытность автора и рекомендовал опубликовать работы талантливого баснописца в московском издательстве «Советская Россия».

Кроме того, Николая Фотьев и Владимир Колыхалов (который тоже участвовал в семинаре) были рекомендованы к принятию в СП СССР. В. Колыхалова приняли, а Н. Фотьева – нет. Может быть, потому, что в Союзе писателей уже был баснописец – Сергей Михалков. С ним Николай Иванович позже встретился в Хабаровске. Там амурский автор тоже выступал с баснями, от чтения которых слушатели были в восторге.

«Незаслуженный отказ в приёме в Союз писателей – это шрам на сердце. Но Н. И. Фотьев не пал духом, и вскоре из-под его пера стали выходить новые книги басен и прозы. Эта стойкость характера писателя, скорее всего, от матери. Кристину Ильиничну он забрал в Благовещенск ещё в 1950-е годы, где она и жила до конца своих дней. Когда я смотрю на её фотографию, которая заботливыми и благодарными руками повешена в комнате, я вижу её человеком добрейшей души и вместе с тем очень мужественной и стойкой женщиной. На её долю выпало немало испытаний: смерть мужа, трагическая гибель совсем ещё молодых сына и дочери. Николай Иванович, перелистывая альбом с семейными фотографиями, ласко-

во называет её «матушкой». Он произносит это слово так проникновенно, что щемит сердце и на глаза набегает слёзы», – пишет И. С. Назарова.

В 1970 году, после издания сборника рассказов «Те далёкие свидания» (1968), Николай Иванович был первым из амурчан принят в члены Союза писателей СССР и в члены литфонда. Отметив при этом, что принимают не за басни, а за прозу.

Николай Наволочкин, известный дальневосточный писатель, будучи тогда заместителем главного редактора журнала «Дальний Восток», в котором нередко публиковали и фотьевские произведения, так оценил этот сборник удивительных рассказов: *«Рисуя людей, Николай Фотьев показал себя мастером “словесного портрета”, интересным прозаиком... Читателю понравится сочный, образный язык автора, полюбятся многие герои его рассказов».*

Центральная тема большинства рассказов сборника – природа и отношение к ней человека. Писатель восстаёт против потребительской философии «на наш век хватит». Его любимые герои – люди с «чудинкой», для которых радость общения с природой превышает будничную суету. Это высшая ценность, ради соприкосновения с которой они готовы каждый раз испытывать трудности и лишения.

В 1973 году вышел следующий сборник рассказов – «Мужчины в доме». В нём автор остался верным главным темам: воспевание красоты и величия природы, лучших качеств человека, хозяина земли, созидателя. Эта тема не новая в русской литературе: в XX веке она стала центральной в творчестве целой плеяды писателей-«деревенщиков». Но особое, «внутреннее» родство прозаик чувствует, прежде всего, с В. П. Астафьевым. Не случайно, одно из лучших произведений фотьевской книги «Трава-мурава» – тонкое, волнующее описание возвращения человека в детство, на землю отцов – перекликается с «Царь-рыбой».

С Астафьевым Фотьев встречался не только в литературе, но и в жизни. Первая такая встреча произошла в Чите. Там Виктор Петрович читал «Коня с розовой гривой». «Читал, по меньшей мере, замечательно», – вспоминал Николай Иванович. В. П. Астафьев ещё тогда заметил самобытного амурского автора и после, приветствуя, всегда говорил: «А, басенник!». Долгое время писатели переписывались, обнаружив единство взглядов на русскую действительность. Именно в Астафьеве Фотьев почувствовал, больше, чем в других писателях, родственную душу: «Он, как и я, сибиряк. Я тоже вос-

принимал мир, как он. Картинки, которые он воспроизводит в своих произведениях, я тоже видел, они мои – это моё детство. Реагировал на них я так же. Случается такое совпадение. Когда я был на совете Союза писателей по художественной прозе в Москве, там мы и познакомились. Это дело хорошее, надо иногда обсуждать наше творчество на самом высоком уровне. В отличие от всех записных говорунов, Астафьев говорил о моих произведениях совершенно по-своему. С юмором так это, попросту. Слова народные употреблял к месту совершенно. Это просто замечательно было! Поэтому я его полюбил и продолжаю любить. Писем мы много не написали друг другу, но я все его послания храню и перечитываю. В них есть чему поучиться и чум утешиться».

Появление книги «Мужчины в доме» было большим событием для культурной жизни Приамурья. Ведь тогда было закрыто Амурское книжное издательство. Единственный региональный журнал «Дальний Восток» выходил раз в два месяца и имел малый объём. Возможности выхода к читателю резко сократились. Область покинули члены Союза писателей СССР Леонид Завальнюк и Владимир Колыхалов. В Благовещенске долгое время Н. И. Фотьев оставался единственным членом Союза писателей, поэтому в течение почти шести лет он ездил в Хабаровск, будучи членом тамошнего регионального отделения Союза писателей. Амурская писательская организация, как отделение Союза писателей РСФСР, была учреждена 17 января 1977 года. Николай Иванович ходатайствовал о создании этой творческой организации, с момента создания которой он исполнял обязанности заместителя ответственного секретаря.

Позже, в Москве, на заседании совета по российской прозе Правления СП РСФСР, участником которого был В.П. Астафьев, обсуждали рукопись «Горной малины» (1981) Николая Ивановича. После этого завязалась переписка. В. П. Астафьев не раз советовал Н. И. Фотьеву почаще отдавать свои рукописи в журнал «Наш современник». Но в те времена подразумевалось, что автор, дабы его произведения напечатали, должен был вести с издателями некоторую «нешуточную подготовительную» работу. Писателю это претило, поэтому публиковали его в центральных издательствах редко. Зато в Хабаровском он был всегда востребован.

За годы своей писательской деятельности Фотьев встречался со многими людьми, мужественными, трудолюбивыми и благородными, впоследствии ставшими прототипами героев его произведений.

Очерки о красоте, богатствах и своеобразии амурской природы, о людях, самоотверженных, стойких и преданных этой земле, объединены в сборниках «Председательский хлеб» (1961), «Спасибо тебе, человек» (1963), «Жизнь, как весна» (1967), «Земля, на которой стою» (1973), «Реки радости» (1976).

Диалогия «Вы остаетесь за нас» (1974) – первое крупное произведение Н. И. Фотьева. Это книга о жизни алтайской деревни 1930-х–начала 1940-х годов, трудном военном детстве крестьянских ребятшек.

Большинство произведений, представленных сборниках рассказов и повестей: «Те далёкие свидания» (1968), «Мужчины в доме» (1971), «Коренные берега» (1982) и «Деревенская родня» (1992), «Горная малина» (1981) о людях простой и благородной судьбы, сохранивших нравственную стойкость и красоту души, несмотря на все жизненные невзгоды.

Н. И. Фотьев продолжал совершенствоваться и в басенном творчестве. В последние годы вышли сборники басен «Глядя в корень» (1980), «Жертва случая» (1984), «Обоюдная польза» (1986).

Николай Фотьев давал очень точные названия своим книгам – «Мужчины в доме», «Вы остаетесь за нас», «Те далёкие свидания», «Деревенская родня», «Горная малина», «Реки радости». Вводя читателей в свою писательскую мастерскую, он рассказал о появлении этих названий: *«Прежде всего, я имел в виду содержание и искал “голову” – заголовок, чтобы он пролил свет на всё общее содержание. Иногда заголовок приходил сразу, но чаще он заранее обдумывался, накапливался. А иногда уже и после того, как всё давно написано и сверстано. Случаях в двух мне подсказали – кто бы подумал? Однажды корректор, однажды бухгалтер. Книжка “Вы остаетесь за нас” – корректор сказала: “Я читала, и меня слеза пробила, когда отец уходит из дома и говорит сыновьям: “Вы остаетесь за нас”. Может, так и книжку назвать?”. Я обрадовался и согласился с ней. “Те далёкие свидания” – это тоже подсказали редактор или корректор, я уже и не помню. А остальные, конечно, я сам назвал по имени».*

Николай Иванович очень любил хорошую музыку. В студенческие годы ему впервые пришлось услышать Шаляпина, и тогда у него «волосы встали дыбком». Потом, уже вместе с Б. А. Машуком, они часто распевали его песни. Борис Андреевич любил поправлять, говорил, что в этом месте должны быть другие слова, но Фотьев «знал Шаляпина наизусть». А когда увидел в продаже набор пласти-

нок с его песнями, то незамедлительно купил две коробки: «себе и Машуку, пусть, мол, тоже выучит». Кроме Шаляпина, писатель ценит талант Лемешева, Михайлова, Собинова и многих других. Пытался даже самостоятельно выучиться играть на баяне: очень хотелось сыграть полонез Огинского. Один знакомый музыкант написал Николаю Ивановичу ноты, но пальцы его не слушались, поэтому, изрядно намучившись, бросил он это «гиблое» дело.

А вот «бросить» писать, как бы трудно ему ни приходилось на этом поприще, он уже не мог.

В беседе с журналистом А. Алексеевым Н. Фотьев рассказал, почему он начал писать: *«На меня, видимо, повлияло то, что любил литературу, любил вообще творчество. В институте занимался в драмкружке, даже сам ставил спектакли. Но есть и другое... Я был крестьянским сыном – сам знаешь, вырос в глухой алтайской деревушке, вокруг природа, красотища. Всё это отложило отпечаток в моей душе, заставило сопереживать, заставило однажды сесть за письменный стол и выразить свои мысли и чувства на бумаге»*. И далее: *«Для того чтобы стать настоящим писателем, нужно было познать жизнь. А познавать я её начал рано. Как известно, в крестьянских семьях детство короткое, ну, а мои детство и юность к тому же пришлись на войну, когда нужно было работать за ушедших на фронт отцов»* («Первомайский парк», 2010, январь).

Говоря о своём писательском кредо, Николай Иванович отсылал слушателей к словам Фазиля Искандера: «сатира – это оскорблённая любовь»: *«На этот счёт у меня уже было что-то похожее: «Когда оскорбляются лучшие чувства, звучит по-особому лира. Возникает искусство особого рода – сатира»*. Я и пытаюсь постоянно защищать то лучшее, что подвергается оскорблению. Это я говорю про басни. Ну, а в прозе я пытаюсь показать сознание какого-то человека, жизнь какую-то отразить. Или взять человеческий характер... Я почувствовал его, и мне захотелось показать его другим, чтобы и они его попытались почувствовать. Вот иногда читаешь книжку, знакомишься с характерами её героев, и вдруг чувствуешь, что в тебе что-то отозвалось – будто бы это уже где-то испытывал. И радуешься этому открытию. А я радуюсь, когда и мой читатель находит в моих книгах что-то созвучное себе, когда он, читая их, делает для себя какие-то открытия. Я никогда в своих книгах не врал. Пусть даже кому-то что-то покажется скучным, но зато это правда» («Перспект Пушкина», 2003, 29 августа).

У Н. И. Фотьева в своё время сложились тёплые, даже дружеские отношения с редакторами М. Л. Гофманом, О. К. Мамонтовой, Н. К. Кирюхиным. И вообще, на жизненном и творческом пути писателю встречалось много хороших и умных людей.

Игорь Игнатенко вспоминал, что Николай Фотьев «каждый день Благовещенск из конца в конец исхаживал». Даже в преклонном возрасте Николай Иванович почти ежедневно совершал длительные многочасовые прогулки по городу и его окрестностям. Вот как он об этом говорил в год своего 70-летия: *«И сейчас тоже почти каждый день хожу. Но иногда ветер такой, что думаю: посижу немножко дома, а завтра наверстаю. Всё лето я ходил по восемь километров на свою заимку от турбазы “Снежинка” и обратно. Не каждый день, но каждую недельку: туда – назад, туда – назад. Надо ходить, а как же».*

В 2000-е годы Николая Фотьева подкосила болезнь, на долгие месяцы лишившая его возможности двигаться, и только работа на земле вернула писателя к жизни. В одном из самых живописных уголков нашего края, в Белогорье, прямо на берегу Зеи, он, преодолевая свой недуг, из бревен, проплывавших по реке, построил добротный дом, а чуть позже – и настоящую русскую баню. Вновь почувствовав силу в руках, Фотьев с радостью помог срубить избу своему соседу – известному амурскому художнику Леониду Шатону.

С каждым годом писателю, не имеющему собственного транспорта, добираться до заимки становилось все сложнее и сложнее. Жаль было Николаю Фотьеву расставаться с этими благодатными местами, но пришлось. Вот уже несколько лет в домике на берегу Зеи хозяйничает Алексей Воронков, но по сей день там сохраняется та особенная атмосфера, которая может очень много рассказать о её бывшем владельце: везде – стопки журналов, когда-то прочитанных от корки до корки, книги. Преемник фотьевской заимки крепко держит своё обещание: сохранить все в «первозданном» виде как нечто очень дорогое прежнему хозяину. *«Да и незачем там что-то перестраивать, – говорит Воронков. – Всё сделано с умом, на совесть, по-крестьянски».*

Николай Фотьев рассказывал о своем «детище» с неподдельным восторгом, с любовью вспоминал собственноручно посаженные когда-то кедры, саженцы которых были специально привезены ему из Сутарской тайги.

Какую бы тему ни затрагивал писатель, он всегда обращался к первооснове человеческого бытия – к связи с природой. У него

только тот достоин называться настоящим человеком, кто мыслит себя частичкой природы, ощущает тесное, неразрывное единство с окружающим миром.

В 2002 году к 75-летию юбилею Николай Иванович получил замечательный подарок от издательства ДальГАУ – сборник «Мой путь». В этой книге впервые широко представлены, наряду с баснями и сатирическими миниатюрами, его лирика и стихи для детей.

21 декабря 2002 года в городской библиотеке имени Чехова Амурская писательская организация чествовала юбиляра. Там же была организована выставка «Три грани таланта», посвящённая его творчеству.

Николай Иванович Фотьев скончался от сердечной недостаточности на 83-м году 2 апреля 2010 года, так и не дождавшись публикации уже отредактированных в издательстве повестей «Юбилей» (2010) и «Поехали за орехами» (2010), в которых он остаётся верным своим главным темам – поклонению природе и тревоге за судьбы российского села. Книга «Поехали за орехами» вышла в свет спустя несколько месяцев после кончины писателя.

Похоронен Николай Иванович Фотьев в г. Благовещенске.

Ещё в 1976 году Н. Фотьев признался: *«Наверное, у каждого писателя, сколько бы он ни работал, главные книги – всегда впереди...»*. В 1997 году, размышляя над вопросом: всё ли он сказал в своих книгах людям, что хотел, пришёл к выводу, что *«всё сказать никому никогда не удастся, даже если он проживёт сто и больше лет»*. Думается, что и сейчас автору многочисленных басен, рассказов и повестей «главными» виделись бы именно те книги, прочесть которые нам ещё только предстояло. Возможно, они открыли бы новые грани его таланта, позволили читателю окунуться в особый поэтический мир, но одно в них осталось бы неизменным – автор, который всегда, и в жизни и в творчестве, «остаётся человеком» и стремится к тому, чтобы души других людей тоже были чистыми:

*Ну, чем похвастаюсь я, братья, –
Как ни крути, мой путь не нов.
Не наловчился сладко врать я
Для «ловли счастья и чинов».*

*Я жил, как жил, – чего ещё вам,
Уж чем богат, тому и рад.*

*Я жил со Сталиным, с Хрущёвым,
И с теми, кто теперь рулят.*

*Не ждал я «ценных указаний»,
Своим умом, стараясь жить.
Казённых почестей и званий
Не умудрился заслужить.*

*Я жил, шагая в ногу с веком,
Кормя себя своим трудом.
И оставался человеком,
Как трудно б ни было при том.*

*Служить кому-либо в угоду
Я по-холопски не умел.
Платил я многим за свободу,
За то, чтоб жить, как я хотел.
(«Мой путь»)*

А сегодня важно то, что жизнь амурского баснописца, прозаика, поэта, публициста Николая Ивановича Фотьева продолжается в его творческом наследии, пользующимся неизменным и неизбывным читательским интересом.

«РАЗГОВОР НАЧИСТОТУ...» : ГРАНИ ТАЛАНТА НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА

Художественное мышление и мировоззренческие позиции писателя Николая Фотьева формировались под воздействием русской классической литературы XIX века. Большое влияние на Н. Фотьева оказало творчество И. Крылова, А. Пушкина, Л. Толстого. Их амурский автор считал своими учителями, наставниками в литературе. Многие традиции, заложенные русскими классиками, нашли продолжение и развитие в его творчестве. Кроме того, это обстоятельство отчасти определило жанровое многообразие творческого наследия писателя.

Первые шаги на литературном поприще Н. Фотьев делал как баснописец. Впоследствии басня не только стала жанровой доминантой в его творчестве, но и оказала существенное влияние на другие жанры – рассказы, повести, очерки, сатирические и лирические стихотворения, эпиграммы и миниатюры.

«Путь в литературу я начал с басен...» : басни

Я басенку писал, питая веру,

Что преподаст она урок...

Николай Фотьев

Басня является одним из древнейших жанров словесного искусства, восходящим своими корнями к мифологической стадии мышления. Согласно античной мифологии Прометей по велению Зевса вылепил из глины людей и животных. Но увидел Зевс, что неразумных животных получилось гораздо больше, и велел ему часть животных уничтожить и перелепить в людей. Прометей повиновался; но получилось так, что люди, переделанные из животных, получили облик человеческий, но душу под ним сохранили зверообразную.

Авторство этой истории приписывают античному народному мудрецу Эзопу. Считается, что все басенные рассказы, которые потом пересказывались на разный лад в течение многих веков, впервые были придуманы рабом, который принадлежал философу Ксанфу. Умный раб Эзоп сочинял свои аллегорические истории, потому что говорить прямо было опасно. Много раз посрамлял Эзоп книжную мудрость хозяина сметкой и здравым смыслом. За услуги государству он был освобождён из рабства, служил лидийскому царю Крезу, соперничал славою со знаменитыми семью мудрецами тогдашней Греции. А погиб жертвою клеветы в Дельфах. Подбросили обиженные его обличениями дельфийцы в мешок Эзопа золотую чашу из храма. Сбросили его как вора со скалы. За это преступление город потом постигла чума.

Впоследствии эти рассказы сложились в народную книгу об Эзопе (около I века до нашей эры). Этому Эзопу и приписывалось «изобретение» почти всех ходивших в народе басенных сюжетов. Записи сюжетов, сухие и схематичные, служили материалом для школьных упражнений.

Таких сборников было много, тексты в них легко видоизменялись и свободно перерабатывались. До нас дошло свыше 100 рукописей, в которых около 300 различных сюжетов. На них и опирались, создавая свои басни, и Федр, первым занявшийся литературной (стихотворной) разработкой расхожих басенных сюжетов, и Лафонтен, под пером которого басня, почитавшаяся в теории классицизма «низким» жанром, приобрела величие и масштабы истинно высокой поэзии.

Возникнув как жанр дидактической литературы, прозаические басни Эзопа выполняли сугубо нравоучительную функцию. И только спустя столетия басня становится мощной сатирой.

О басне говорят, что ей одинаково присущи черты как стихотворного, так и драматического произведений. Со стихами её сближает, прежде всего, чисто внешняя, формальная сторона: рифма, ритмически организованная речь. Впрочем, надо оговориться: есть и прозаические басни. С драмой басню сближает и обязательность острого конфликта, и стремительность действия, и живой диалог. В XVIII веке было сказано: *«Басня есть малая комедия. Все различие их в том, что в оной звери бывают разумны, а в сей люди есть глупее скотов и, что ещё хуже, злее зверей»*.

Басенный жанр действительно особенный. Миниатюрной комедией нравов считал басню А. П. Сумароков. Басня – и короткий сатирический рассказ, и нравоучение, и аллегория. Автор басни должен обладать природным чувством юмора, потому что смех – главное его оружие.

В России басенная сатирическая традиция до И. Крылова складывалась достаточно долго и сложно. Уже в эпоху классицизма басни А. Кантемира, А. Сумарокова, И. Хемницера имели ярко выраженный сатирический характер и были направлены против бюрократического аппарата. Но, при этом, они продолжали защищать интересы дворянства, и постепенно басня превратилась в моралистическое назидание. А в эпоху сентиментализма басня утратила свою сатирическую силу и по ряду жанровых признаков стала близка, скорее, лирическому стихотворению (басни И. Дмитриева, В. Жуковского). Возрождение и расцвет жанра связаны с баснями И. Крылова, который оживил и преобразил уже однажды существовавшую традицию. В XX веке сатирическая традиция нашла продолжение в творчестве Д. Бедного, И. Батрака, С. Михалкова, С. Маршак, С. Олейника, Н. Фотьева и др.

Басня Д. Бедного, И. Батрака начала XX века стала гневной политической сатирой, революционной «агиткой», приобрела ярко выраженный классовый и социальный характер.

В творчестве баснописцев середины XX века (Д. Демин, С. Олейник, М. Саяпин, Е. Ушан, М. Шевченко, и др.), в силу сложившейся политической и эстетической ситуации басня потеряла злободневность, утратила социальную значимость. Басни указанных авторов прочесть можно было только на страницах периодической печати. С. Маршак «направил сатирические стрелы» в человеческие недостатки, существующие вне времени и пространства. Отдельными изданиями выходили лишь басни С. Михалкова, пользовавшиеся огромной популярностью потому, что писатель старался деликатно обходить стороной изъяны советского общества, и критиковал западный (капиталистический) образ жизни.

С середины XX века к традиционным басенным персонажам, представителям животного и растительного мира писатели стали часто присоединять людей и предметы. Наряду с переосмыслением старых сюжетов, баснописцы охотно создавали новые, подсказанные современной действительностью. Подверглись изменениям и формальные признаки басни: уже не всегда она писалась вольным ямбом и не всегда имела композиционно выделенное моральное поучение. Мораль писатели стали включать в сюжет, а также в способы подачи персонажей, в заглавие. Писатели XX века часто отказываются от прямого дидактизма, в результате чего басню порой трудно отличить от сатирического стихотворения.

Басня, требующая точной реакции на актуальную ситуацию, тонкого вкуса к поэтической метафоре, умения лаконично и образно поражать ироническим смехом типичные людские пороки и заблуждения, позволяет писателю быть всегда в самом центре общественной злобы дня, сохранять и гражданское чутье патриота, и профессиональную форму литератора.

В амурской литературе жанр басни связан с именем Н. И. Фотьева, который пришёл в литературу в советскую эпоху, в конце 1950-х годов – время, когда сатира рассматривалась вне потока литературы социалистического реализма, и сатире отводилось место особенно неприглядное.

Первый сборник с жанровым названием «Басни» вышел в 1957 году в Амурском книжном издательстве. Вторая книга имела «персональное» название «Куриная карьера». Третья – «На законном

основании». Потом были «Претензий нет», «Гляди в корень», «Жертва случая», «Обоюдная польза».

На одной из творческих встреч Николай Иванович сказал: *«Путь в литературу я начал с басен. То есть далеко не так, как многие другие. И этому, наверное, есть объяснение. С ранних лет кроме поэзии я очень любил всякого рода театральные действия, которые, видимо, и подвинули меня к этому жанру. Ведь почти в каждой басне должны быть действия и действующие герои. И автор должен уметь заставить каждого из них играть свою роль как можно ярче и убедительней. Думаю, что также сказалась крестьянская жизнь и влияние родной природы – алтайских гор и тайги. Не случайно ведь В. А. Жуковский, анализируя басенное творчество, отмечает: “Баснописец есть сын природы предпочтительно перед всеми другими стихотворцами”».*

Вряд ли такое обоснование можно подвергнуть сомнению, но стоит добавить, что главной причиной, обратившей Фотьева к жанру басни, стала гражданская позиция писателя, его нежелание мириться с несправедливостью и закрывать глаза на людские пороки, стремление сделать жизнь лучше, а души людей чище. Смех – оружие очень сильное, *«ибо ничто так не обескураживает порока, как сознание, что он угадан и что по поводу его уже раздался смех».*

Дар баснописца довольно редкий (о чём Николай Иванович всегда скромно умалчивал), ведь он должен быть одновременно и сатириком, и драматургом, и поэтом. Не всем это оказывается под силу, тем более в молодом возрасте. Фотьев-баснописец умеет оформить свою мысль доступно, выразительно и понятно. Басня Фотьева представляют собой маленький аллегорический рассказ, преследующий нравоучительные цели. Нравоучение в басне вытекает из осмеяния в ней тех или иных отрицательных человеческих черт и свойств. Трудно сказать, какой недостаток человеческой натуры амурский баснописец не обнажал в своих произведениях. Басни Николая Фотьева всегда были и остаются социально значимыми. В большинстве из них амурский баснописец вскрывает суть самых безобразных явлений советской и постсоветской действительности: хвастовство и краснбайство, косность и грубость, чванство и подхалимство, другие человеческие пороки. Басни Фотьева несут ярко выраженный отпечаток времени. В них рисуется сатирическая картина жизни советского общества. Забытые в наше время явления – очковтирательство, дефицит, выполнение плана – были под пристальным взглядом

баснописца. Своими баснями он боролся против явлений, позорящих социалистический строй.

Авторы, берущиеся за создание басни, должны совмещать в себе дарование сатирика, владея при этом мастерством драматурга. Фотьев писал:

*У басни цель отнюдь не та,
Что у статьи или памфлета,
Она идёт от притч Христа,
С посильной помощью поэта.*

В жизни, к сожалению, часто встречаются расточительство и хамство, угодничество и подхалимство, да и другим порокам человеческой натуры, увы, пока не грозит полное исчезновение. Баснописец высмеивает лодырей, туенядцев, зазнаек, приспособленцев.

«Элегия сатирика» была написана Н. Фотьевым в 1962 году. К сожалению, как показало время, причина «творческой несостоятельности» фотьевского сатирика кроется всё же в «потере нюха», а пороки не вывелись и по сей день.

*Писал сатирик:
– Гибну, братцы,
Схожу со сцены как поэт:
Всё гладко, не к чему придаться,
И для сатиры пищи нет.
Пишу со скорбью эти строки,
Виной сему одно из двух:
Иль вправду вывелись пороки,
Иль потерял сатирик нюх.*

Политическая система, где царило единогласие, воспринимается через сознание Хомяка. Ему очень понравился лягушачий хор. То, как дружно лягушки пели. Но Хомяк с ужасом обнаружил, что лягушки живут в болоте («Единогласие»). Всеобщего послушания требовал и Гусак. А тех, кто не шёл по его стопам и совал свой нос куда не следует, Гусак понижал в чине, учинял разнос. И что же вышло? Теперь гуси держат ровный строй, но ничего, кроме хвоста Гусака, не видят. Пытался выправить свободные души и Заслуженный Утюг:

*Всех под себя подмял, прижал...
И начал править-гладить так,
Что, может, даже злостный враг
Вреда б такого не нанёс.*

*В виду имел я вас, чинуши,
Кто при уме весьма тугом
Стремится выправить все души
Казённым утюгом.*

Начиная свою трудовую деятельность в качестве зоотехника, Николай Фотьев был возмущён тем, что планы и директивы относительно севооборотов, методов и сроков уборки урожая спускаются «сверху» теми, кто мало разбирается в сельском хозяйстве, а людям, выросшим на земле и досконально знающим её возможности, отводится роль бессловесных исполнителей. Не удивительно, что первые его басни были посвящены самым животрепещущим вопросам, которые волновали тогда село. Например, вопрос планирования. Планы и директивы спускались сверху, а земледельцу оставалась только незавидная роль исполнителя. Результаты такой политики Фотьев остроумно и гротескно высмеял в одной из первых своих басен, которая так и называлась «Строго по плану», жёстко раскритиковав известное направление хрущевской сельскохозяйственной политики:

*Однажды житель юга – Слон,
В низы спуская планы,
Как говорится, допустил шаблон –
Велел везде выращивать бананы.
Вот с севера пришёл к нему протест.
Медведь писал: «Нет талых мест.
Все земли мёрзлые, и тут
Бананы не растут».
А Слон угрозы шлёт ему, правоученья:
«Не земли мёрзлые у вас, а настроенья».
Что делать Мишке? Выполняя планы,
Он стал сажать во льдах бананы...*

Внимательный взгляд писателя обнаружил, сколько переполоха вызывает, например, всякий раз на предприятии или в организации

ожидаемый приезд комиссии. И запущенную документацию до-оформляют, и чистоту, о которой никогда прежде не заботились, везде и всюду наводят, и наглядную агитацию обновляют. Остается, пожалуй, толь повесить да оркестр выставить – и парад можно начинать. Мы к таким авралам привыкли, принимаем их как само собой разумеющееся. А вот баснописец справедливо заметил в этом элемент очковтирательства или, как говорят в народе, той самой «показухи», от которой душу воротит. И не только заметил, но и с присущим ему сарказмом высмеял, а точнее, разоблачил в басне, которая так и называется – «Комиссия».

*Свинья что было прыти
Во двор к себе влетела
И – ну скрести в корыте,
И рыло мыть, и тело.
– Что вижу я! – Хохлатка удивилась. –
Ведь ты ж не мылась отродясь.
– Ох, милая. Комиссия явилась.
Да ведь она за вонь и грязь
Меня разложит на лопатки!..
И вот Свинья и хлев в порядке.
Пришла комиссия.
Недурно, – говорит Медведь, – недурно.
Да ты чистюля, вижу я.
– Как видите. Живём культурно, –
С достоинством ответила Свинья.*

Басня удалась потому, что очковтирательство как явление здесь показано не только через убедительный факт, но и через характер. В самом деле, сколько в поведении «чистоплотной» Свиньи умения ловчить, сколько самодовольства, сколько наглости опытного очковтирателя, только и знающего, что пыль в глаза пускать! Это уже не просто характер, это тип, изображённый ярко и верно.

Наверное, именно поэтому басни Николая Фотьева – очень острые, затрагивающие самые злободневные вопросы современности, в центральных периодических изданиях почти никогда не печатали, а когда баснописца принимали в Союз писателей СССР, в 1970 году, то вежливо напомнили, что принимают не за басни, а за прозу. Участь писателя-баснописца была незавидной во все времена. В со-

ветскую эпоху, когда отрицательное заведомо не могло иметь ни малейшего отношения к тогдашней действительности, ситуация обострилась до предела. Рассчитывать на «официальное» признание мог только тот, кто деликатно обходил стороной изъяны тогдашней эпохи. Подобной чести был удостоен только один баснописец – С. Михалков, критиковавший в своих баснях либо западноевропейский образ жизни, либо те пороки, которые существуют вне времени и пространства.

Баснописец Фотьев в восьмидесятые годы прошлого столетия устами своих героев рассуждает о демократии («Две точки зрения»). Многие помнят те события, которые сейчас уже описаны в учебниках истории.

Встречаются демократ и пастух Пахом. Точка зрения Пахома проста: чтобы совладать со стадом, нужно пороть его кнутом: «Зато уж благодать потом. Вот так держать бы и народ». Но демократ имеет своё мнение:

*Народ уподоблять скоту не надо!
Да будет проклят тот злодей,
Кто станет превращать людей
В настёганное стадо.*

Эта басня очень близка по пафосу к политической сатире.

Предметом сатирического изображения становятся пороки личностные: лень, зависть, невежество, лицемерие, жадность, глупость и другие. Носителями этих пороков выступают звери, которых «запустил» в басни Эзоп, наделив весьма узнаваемыми чертами характера.

Как старую знакомую, мы встречаем в баснях Фотьева Лису – хитрую обманщицу, обогащающуюся за счёт влюблённых женихов («Лисья любовь»). Это старый ход Лисы, известный по русским народным сказкам. Но в новых баснях она ловко обманывает ревизора Медведя. Подловив на краже кур Шакала, заставляет его путем шантажа «лисяткам для игры цыплят почаще приносить».

Собаки в баснях разные по характеру и по поведению. Полкан может быть умным и страдать в присутствии дураков Баранов («Баран в ударе»). А может и зазнаться, стать жертвой славы. Наградили его за хорошую службу медалями. Медали звенят, а Полкан волков из-за звона не слышит.

Головокружение от успехов и у Кота, однажды изловившего мышь. Хозяин похвалил, а Кот так о себе возомнил и так славословит себя, что мыши свободно разгуливают по кухне.

Шакал – то подхалим, то подлиза, то смуту сеет. Именно Шакал виновен в том, что звери стали жить по таким законам, когда «услуги за услуги, порука круговая, подкуп, блат»:

*Шакалам весело живётся, сладко.
Они, как говорится, высший свет.
Да только прежнего порядка
В той стороне уж больше нет.*

Волк – злой и неблагодарный. Волки у Фотьева понимают, что живут в иные времена. Видно, все люди знают из басен Крылова о волчьей натуре:

*Как ни рядись, а эти знатоки
То когти разглядят, то хищные клыки.*

Глупость Петуха и непризнанного гения Гусака – тоже стали темой для размышления. А Петух ещё и пьяница («Петух-питух»). Умеренное питье на пиру по поводу покупки нового корыта привело к смертельной схватке, в которой погибли два быка, да и корыто вдребезги разбито («Обмывка»).

Традиционно выступает в роли глупца Баран. То он прорвётся далеко, потому что никто вовремя его не осадит, то с волками дружбу заведёт и пострадает от того.

В баснях Н. Фотьева представлена целая галерея Ослов. Им, как воплощению совершенной глупости и тупости, достаётся больше всего.

Типичен и образ Оsla в басне «Артист», написанной настолько просто и выразительно, что она могла бы украсить любую школьную хрестоматию.

*На сцене у зверей однажды пьеса шла,
И неожиданно беда случилась:
В последнем акте статуя была,
Она упала и разбилась.
Как быть? Спектакль нельзя отставить.*

*И дело выдумка спасла.
Решили вместо статуи поставить
Живого, настоящего Осла.
Стоять ему велели без движений.
Чтоб даже ухом шевельнуть не смел.
Все это, после долгих наставлений,
Осел, хвала ему, уразумел.
Спектакль окончился. Творцам его – почёт.
Летят цветы, несется: «Браво, браво!..».
Осел всё это принял на свой счёт
И важно кланялся налево и направо.*

Перед нами артист, «талантиво» заменивший статую, простоявший без движения целый акт, и принявший аплодисменты зрителей на свой счёт. От этого у него прибавилось важности. Сложно сказать, только ли глупца хотел показать в образе Осла автор. Эта фигура представляется несколько сложнее. Да, конечно, он глуп, этот Осел. Но ведь говорят почему-то, что хитрость – это ум дурака. Человеку умному, талантливому хитрить некогда, да и едва ли придет в голову. Он занят работой. В ней его призвание, проявление его личности, вся его жизнь. Это глупцы, чаще всего неспособные к чему-то серьёзному в жизни и потому равнодушные к делу, заняты тем, как бы проехаться за чужой счёт, найти тёплое, хорошо оплачиваемое местечко. Обычно они важны, серьезны и немногословны. Они выжидают в поисках удобного момента. Так что Осёл, который терпеливо стоял вместо статуи, не так уж и безобиден. В этих его поклонах виден, хотя и довольно грубый, но точный расчёт – примазаться к чужой славе, что-то извлечь из неё для себя.

А вот ответственный руководитель, мудрствующий над тем, как бы перебраться в другой район, где он ещё не успел примелькаться («Примелькался»). Ещё один ответственный, но уже не заменимый, которого на всех собраниях ругают, ставят «на вид», дают выговоры, «но всё-таки никак не заменяют, хотя давно пора» («Незаменимый Осёл»). Почему незаменимый? – с таким руководителем, видимо, легче ужиться. Поэтому его постоянно выдвигают «с ухмылкой в кулак, хоть выдвинут заведомый дурак». В басне «Глядя в корень» рассказывается об Осле, которого зачислили «в молочный скот. И хоть он громче всех ревёт и до отвала ест и пьёт, но от него пока нет ни телят, ни молока».

И вдруг перед читателем появляются неожиданные для басен образы: спесивый Мухомор, для которого поганки – выгодное окружение, ведь:

*Чем ничтожней окружение,
Тем выше и заметней Я.*

Невежественный Хомяк, брезгливо дёрнувший губой, узнав, что очередь стоит за духовной пищей – книгами.

В истории басен неоднократно встречались «ценители» искусства в образе Блохи, считающей себя избранной тварью – «её величеством». Н. Фотьев обличает невежество посредством Блохи, случайно попавшей в музей и давшей свою оценку статуе Венере: «Венера-де не стоит и гроша». А всё оттого, что не смогла Блоха прокусить мраморную статую. Не правда ли, очень напоминает Лисицу, которой не достался виноград?

Обличение неблагодарности – традиционная тема для басни. Вспомним неблагодарного Волка у Крылова. У Фотьева басня о неблагодарности имеет трагический сюжет.

Коростель спасает скот во время засухи, выводит стада в край изобилия. Но:

*И с рёвом, с топотом стада,
Тесня друг друга, ринулись туда.
Все тут нашли еду, питьё, постель.
А что ж спаситель – Коростель?
Попав под множество копыт,
Он был затоптан и забыт.*

Сколько написано и романов, и повестей, и рассказов о величии и славе. А в баснях обыкновенно величие осуждается. Кто же из героев велик? Слон, который «нрав имел несуетной», или Обезьяна, привлекающая к себе внимание?

*Но как она ни верещала,
Весь пыл на то употребля...
Низы и ухом не вели.
Ведь, кто действительно велик,
Тому шумиха не нужна.*

Сороки, решившие обратить на себя внимание, кричат истошно и бранятся, едва завидев Медведя, Рысь или Лису: «Дрянь, дрянь, дрянь». Мораль такова:

*Ведь тот, кто всех хулить привык,
Скорей ничтожен, чем велик.*

В баснях разных авторов часто осуждается такой порок, как лесь: «Что лесь вредна, то каждый знает», но «в сердце лстец всегда отыщет уголок».

Не обошёл лесь вниманием и амурский баснописец.

Хвалили косолапого Медведя лстецы только за то, «что Мишка был в чинах и силе» («Зачем хвалили»). А Верблюда лесь погубила. Он от льстивых слов в свой адрес так задрал голову, что упал с обрыва.

Традиционна лесь и хвала царю зверей. Сюжет басни «Лев торжествует» таков. Мудрый Слон сказал Льву, что самое позорное на свете – лесь, угодничество и подхалимаж. Лев выгнал из своих владений всё подхалимское отродье. Но тогда гиены, волки и шакалы завыли, восхваляя мудрость Льва. И Лев решил именно их взять в помощники.

О том, что легко живётся подлизам, мы узнаём из басни «Обоюдная польза». Малявка Мопс вылизывает старого Бульдога: «А чтобы тот лизал почаще, Бульдог кормил его послаще». Невольно на память приходит сатирическое стихотворение Маяковского «Подлиза». Вывод один: «Как видим, всякое лизанье / Своё имеет оправданье».

У творческих людей – будь то художник, музыкант или поэт – есть критик. Задача его – помочь читателю или зрителю увидеть самое главное в творении. Но как часто критиками оказываются люди, которые не могут по достоинству оценить творения мастера и ищут недостатки и огрехи. Такие критики живут в баснях Фотьева. Это Топтыгин, оценивающий картину Зайца («Профилактика»), Гусь и Кукушка как музыкальные критики («Гусь», «Разные души»).

Многие басни Фотьева можно оценивать как оружие в борьбе с социальными пороками общества: карьеризмом, казнокрадством, судебным произволом. Когда-то ещё Н.В. Гоголь призывал «клеить публично прячущийся порок». Амурский баснописец клеймит Барсука, который разучился отличать, где своё лежит, а где чужое. Претензии комиссии он не принимает, так как пост этот ему

доверил Лев. А Барсук с ним делится добром. Народное добро сосёт и Комар.

Верным средством заставить правдолюба замолчать – «всунуть тому кусок пожирнее». Так рассуждает Лев. И нахал-критикан «В кусок вцепившись мёртвой хваткой, он рта раскрыть уже не мог» («Верное средство»). Медведь избавился от критика Зайца, повысив того в должности. А когда Заяц не справился с заданием, уволил на законном основании («На законном основании»).

Неправедный суд – постоянный объект сатиры. Жизнь даёт огромный материал для обличения судопроизводства. Не мог не написать об этом и Фотьев. Судьи у него: Гусак («Не по чину»), Осёл («Тонкий расчёт»). Почему именно они? Да потому, что «чем меньше у судьи ума, тем проще нам вести дела», – утверждает Волк.

О том, что «частенько в суд ведут не тех, кто первым преступил закон», мы узнаём из басни о воровстве «Лиха беда начало». Лиса, Енот, Шакал воровали, а отвечал перед судом Шарик.

Злободневной всегда была проблема патриотизма. Басня «Отрава», написанная задолго до появления в нашем обиходе дошираков, сникерсов, хот-догов и прочей заморской пищи, а также боевиков низкой пробы, сегодня актуальна как никогда.

*Какой-то Ирод иль Урод,
Чтоб покорить чужой народ,
Решил снабжать его задаром
Особой выделки товаром.*

Всё было у этого товара: и штемпеля, и ярлыки. Но народ ту пищу быстро разжевал и рассудил довольно здраво: «Красивая отравка». Уместно вспомнить знаменитую басню С. Михалкова с моралью: «А сало русское едят».

Нынешнее время богато интересными словечками типа *бомонд*, *гламур*. В годы создания басни «Элита» словечек этих не было, но явление только стало называться по-другому, а суть явления осталась прежней.

*В одном лесу, где всё пока нормально шло,
Кому-то в голову взбрело
Особый провести отбор,
Чтобы звериную элиту*

*Взять под особую защиту.
И вот сооружение – забор.
А в том заборе – хитрый лаз.
Кто ловок, тот пролезет, тот – элита,
Как говорится, высший класс,
Тому особое корыто.
Медведь, Верблюд, Олень и Слон не пролезли.
А все, кто ползать мог да извиваться,
Сумели так иль сяк пробраться.
Тихонько проползла, конечно, и Улита.
И стало ясно, кто элита.*

Осмеяние порока у Н. Фотьева всегда озарено светом благоговения перед правдой, справедливостью, умом или народной смекалкой. Достойны уважения герои басен, которые противопоставлены Лисам, Волкам или Шакалам. Это умный рассудительный Ёж («Разговор начистоту»), Сова, объяснившая Воробью, в чём разница между Соловьём и им («Чик-Чирик»). Это и работяги Вол и Конь, которые «познали и тяжкий труд, и лихо, и сомненья». Это и Слон, не терпящий пустой суеты и понимающий, чем вредна лесть («Лев торжествующий»). Честный Трезор-ревизор. Этими образами утверждается уважение и любовь к труду, служение общественной пользе.

Амурский баснописец всегда искал новые художественные средства для обогащения и развития этого жанра.

Николай Фотьев даёт своим басням яркие, выразительные, запоминающиеся названия, которые не только ориентирует читателя на постижение авторской позиции, но и приглашает его к творческому воссозданию «смысла» текста. Заглавие несёт в себе определённую мысль, представленную читателю ещё до знакомства с основным текстом.

Амурский баснописец отдаёт предпочтение заглавиям эмоционально-оценочного характера, ориентированным на создание сатирического эффекта: 1) пословичные («Кто ищет, тот найдёт», «Не место красит», «Пороть – не шить» и т. п.); 2) в виде категоричной оценки («Перестарался», «Каждому своё», «Перевоспитал» и т. д.); 3) в виде эмоционального вопроса («За что?», «Как быть», «Кто прав» и др.); 4) в виде философской оппозиции («Положение и уважение», «Нюх и слух», «Старое и новое» и пр.); 5) персонажные

(«Шакалы-самохвалы», «Нужный Заяц», «Перспективный Баран» и др.); 6) называющие проблему и тему произведения («Ревизия», «Культурная жизнь», «Жертва случая» и пр.).

И. С. Назарова выявила следующие группы идейного репертуара басен Н. И. Фотьева: 1) прав всегда тот, кто сильнее; 2) положение в обществе портит человека, но не условия его жизни; 3) дела народные мало интересуют представителей власти; 4) благополучное и стабильное существование власть имущих обеспечивается усилиями множества людей; 5) правда для такого общества более чем опасна; 6) власть заинтересована в том, чтобы народ научился думать; 7) судят совсем не тех, кого надо; 8) выжить при такой системе могут немногие; 9) на грани распада в таком обществе находятся искусство и культура.

Условно басни Н. Фотьева можно разделить на две группы: в одной действуют лжегерой и разоблачитель, в другой – страдающий и лжеспаситель. Писатель создаёт очень яркие, запоминающиеся персонажи двух типов: руководители (глупцы, хитрецы, тираны и др.) и подчинённые (бездумные исполнители, хитрецы, запуганные и бесправные герои, подхалимы, трудяги и борцы за правду и т. д.). Такое деление героев соответствует той социальной роли, которую они выполняют.

В баснях Фотьева выделяется менее распространённый и не связанный с социальной характеристикой персонажа тип, – обыватели, глупцы, хитрецы, пьяницы и пр. Особые типы героев возникают у Н. Фотьева и в баснях об искусстве. Он высмеивает либо отсутствие таланта, либо его бестолковых ценителей.

Необходимо отметить, что характер персонажей существенно изменился в творчестве баснописцев XX века – С. Маршака, С. Михалкова, Н. Фотьева, которые, развивая реалистические традиции, заложенные их предшественниками, всё чаще используют нетрадиционные для басни образы персонажей-людей. В творчестве Н. Фотьева, по подсчётам И. С. Назаровой, *«таких басен особенно много: они составляют примерно четверть (около ста) от общего количества (более четырёхсот) произведений. Героями его басен всё чаще становятся люди, предметы, явления природы»*.

Обращаясь к образам персонажей-людей, писатель нередко выходит за рамки сложившейся традиции и называет своих героев по имени, в то время как в классической басне достаточно было указать на род деятельности персонажа или на какую-либо черту его харак-

тера. При этом художник использует преимущественно фольклорные имена, которые позволяют героям оставаться образами-аллегориями.

Частое использование в качестве персонажей образов людей приводит к тому, что фотьевская басня становится максимально приближенной к действительности и в то же время не перестаёт быть басней. Её аллегорические персонажи интересуют автора, в первую очередь, как носители определённых сюжетных функций, а не как характеры.

В басне «Жертва случая» есть и весёлый рассказ и обличающее иносказание, несмотря на её краткость и шутливость. Под прицел Фотьева-баснописца попали хвастуны и краснобаи – любители звонких обещаний, подхалимы и обладатели других пороков, с которыми должна бороться сатира.

В басне «Здравомыслящие» герои её колхозники Ерёма и Фома, позавтракав, на все лады склоняют свой колхоз и других колхозников. Они, мол только и болеют, что «за своё корытце». Один поехал на базар, другой ушёл на охоту. Осудив соседей за то, что у них не болит душу за общее дело, Ерёма говорит:

*– Ну ладно, брат. Заговорились мы с тобою,
Пойду свой огородец прополю,
А то жена устроит перепалку,
Да и тебе пора уж на рыбалку.*

Всё. Басня окончена. В ней нет даже привычной морали двух строчек, набранных после отступа:

*Ну что сказать работничку такому?..
Не походите на Ерёму.*

Однако из «обязательной нравоучительной сентенции» басня обнажает истинную сущность своих героев. Они с наслаждением крикуют тех, кто отлынивает от работы, но сами – ничуть не лучше, если не хуже.

Одной из специфических черт фотьевских басен является отсутствие композиционно выделенного поучения. Как правило, оно содержится в сюжете, в заглавии, в способе подачи персонажа. Для Н. Фотьева важнее яркий сатирический рассказ, который позволяет

читателю самому сделать нужное обобщение, создать моральное поучение именно из диалога с ним рождается мораль. Цель баснописца – воздействовать смехом, комическим рассказом, а не открытым нравоучением. Отказ от прямого дидактизма позволяет Н. Фотьеву активно вовлекать читателя в процесс создания морального поучения.

Даже в тех случаях, когда мораль в его баснях является композиционно выделенной, он использует такие моральные сентенции, которые с трудом можно назвать моралью в традиционном понимании этого слова: мораль-оговорка, мораль-сожаление, мораль-вопрос.

Среди выделенных разновидностей моральных поучений, мораль-вопрос характерна только для басен Н. Фотьева. Причины частого использования подобной «морали» заложены в особенностях общественно-политической ситуации в стране. Будучи едким сатириком, Н. Фотьев вскрывал суть самых безобразных явлений советской действительности, о которых он не всегда мог заявить прямо. Такая форма морали является одним из проявлений «эзопова языка», тем более что в сборниках, опубликованных во второй половине 1980-х годов, отмеченных «гласностью», количество таких басен значительно уменьшается.

Моральные сентенции фотьевских басен афористичны, они сочетают в себе глубину мысли и лаконичность формы: *«Ведь чем ничтожней окружение, / Тем выше и заметней я»* («Мухомор»); *«Ведь дело вовсе не в гнезде, / А в том, какого рода птица»* («Воронье счастье») и др.

Фотьев стремится следовать лучшим традициям басенного жанра. Он знает, что дидактический эффект сатирической миниатюры будет точным и действенным только в том случае, если сюжет басни не является иллюстрацией к авторской «морали», а «мораль», в свою очередь, не является лишь дидактическим приложением к смешному сюжету. А. Ривлин пишет: *«Фотьев часто обходится без морализующих концовок, предоставляя возможность делать выводы самому читателю, зная, что он, читатель, сам всё поймёт. Так оно и происходит на самом деле – настолько четка и ясна авторская позиция, сатирическая направленность большинства его произведений»* («Амурская правда», 1966, 20 июля).

Таковы басни «Учёный воробей», «От семи нянек», «Не так, так эдак».

О «воробьях» стремящихся стать частью большой науки писалось не мало, но Фотьев в басне «Учёный воробей» сказал об этом явле-

нии современного общества по-особому, по-своему, так, как до него никто не говорил, избегая стандартных концовок-моралей.

*Воробышек наукой занялся
Он сел на ворохе овса
И заявил: – Найду секрет,
Как получать большие урожаи!
С тех пор прошло немало лет,
Воробышек всё также продолжает
Долбить овёс да ворошить,
А проку нет и на полушку.
И то сказать, что ему спешить,
Коли нашёл обильную кормушку?..*

Следующая басня также о неучах.

*Слон Мишке саженцев прислал.
Медведь в охпку их собрал,
Понюхал, повертел, да посильней
О пень поколотил,
Чтоб выбить мусор из их корней.
Потом помыл их, обсушил
И вокруг берлоги рассадил.
Стал результатов ждать.
Возможно, сад и вырос бы, как знать...
Но не пришлось ему шуметь,
Цвести и полниться плодами,
Поскольку саженцы Медведь
Воткнул не вниз, а вверх корнями.*

В этой басне также нет традиционного вывода-морали. И без этого басня бьёт точно в цель.

В басне «Чистюля» изображены любители показухи. К ним примыкают ловкачи-очковтиратели, которые не против пошуметь о своих мнимых хозяйственных успехах («Действенное соревнование»). Поделом достается и подхалимам: они не имеют собственного мнения и во всём полагаются на руководящие указания («Когда заглядывают в рот»). В жизни ещё нередко встречаются руководители, не доверяющие молодым кадрам. Наверняка, таким перестраховщикам,

не замечающим и не выдвигающих способных, растущих посвящена басня «Зрелые огурцы». О халтурщиках на поприще искусства Н. Фотьев пишет в баснях «Вороний дар», «Эволюция дарования».

В басне «Претензий нет» говорится о том, что Лев, глава лесной конторы, груб, спесив, самовольничает. Подчинённые недовольны начальством:

– Так, так, тут надо разобраться, –
Решил, узнав об этом Лев.
И экстренно велел зверькам
В пещере у него собраться,
Спросил: «У всех претензии назрели?
– У всех, – ответили зверюшки хором.
Лев хмурит бровь: – Забыли вы о деле
Бездельники, лентяи, болтуны!
Не разговоры мне нужны,
А дело, дело, дело!!! –
И по пещере загремело
Такое грозное рычанье,
Что у несчастного собрания
В глазах от страха помутился свет.
Когда же Лев умолк и лянул на Зайчишку,
Косой ушанку взяв подмышку, сказал:
– П-п-ретензий больше нет...

По мысли С. Демидова, «комментарии излишни»: «Мораль подтекста бьёт прямо. Руководитель полностью разоблачён, его метод руководства саркастически высмеян, а значит, осуждён и обезврежен. Но косвенным сатирическим объектом этой басни является и сам коллектив лесной конторы, Зайчишка, у которого после начальственного окрика улетучиваются все претензии» («Амурская правда», 1962, 3 июня).

На этом несоответствии действия и его результата, единстве сатирических объектов при их противоположности и строится басня, в этом – секрет её комизма, смеха, переходящего в сарказм. Такое же воздействие читателей производят басни «Незаменимый Осёл», «Своевременная помощь», «Верблюд», построенные приблизительно таким же образом, как и басня «Претензий нет».

Оценивая басни Н. Фотьева, амурский поэт И. Игнатенко сказал: «Лаконичные вступления подготавливают нас к восприятию даль-

нейшего изложения мысли, которая развивается динамично и увлекательно. Каждая строка таит в себе новый поворот действия, новые подробности в событиях и характерах, во взаимоотношениях героев. В немалой степени этому содействует комический диалог: в прямой речи дается та “изюминка”, по которой мы безошибочно угадываем потаённые особенности персонажей».

Образ героя-рассказчика в баснях Н. Фотьева не менялся, ритмико-интонационная структура, как правило, всегда была направлена на создание образа «лукавого» повествователя, который только делает вид, что является рассказчиком, занимающим нейтральную позицию. На самом деле ему уже заранее известен исход басни, поэтому он посмеивается над героями, к одним выражает пренебрежение, к другим – симпатию.

Бывает, что Фотьеву очень хочется высказать какую-то наболевшую мысль, выразить свое беспокойство или возмущение по конкретному житейскому поводу.

*Однажды по дурной дороге
С великим грузом шёл обоз.
И столько претерпел в итоге.
Такой большой урон понес;
Что созван был на этот счёт
Особый сход.
– Под суд виновников! Под суд! –
Кричат истцы многогласно, –
Пускай ответственность несут
За все разбитые колеса,
За то, что груз не довели,
Что лошадей не сберегли!..
Шумит-гудит почтенный сход,
Никак к согласью не придет,
Кого судить. Да слава богу,
Нашёлся тут один
Разумный гражданин
И вспомнил... про дорогу.
Бывает, загубив почин,
Находят люди множество причин.
А глядь – причин совсем немного:
Не подготовлена дорога.*

Или:

*Осёл отправился в поход
По вверенным хлевам и загородкам,
Чтоб доглядеть домашний скот,
Который знал он лишь по сводкам.
И вот в одном из дальних мест
Он видит труп овцы.
— А что это она не пьет, не ест? —
Спросил он у шнырявшей тут Лисы. —
Лежит в какой-то яме
И вверх ногами?
— Издохла, — пригорюнилась Лиса, —
Бедняжку стригли без конца,
И с пищей было очень худо.
— Издохла? Что ты порешишь чепуху-то!
Да можно ли издохнуть, коль по сводке
Все овцы целы в околотке?!
Встречаются порой инспектора
То здесь, то там,
Что верят не своим глазам,
А громким рапортам
Иль росчерку казённого пера.*

Безотказно работает сатирический образ, когда автору удаётся изобразить комичную ситуацию, которая моментально стыкуется в читательском сознании с актуальной конкретикой современности:

*Был лозунг дан: «В делах, в быту
Блюсти всемерно чистоту!»
— За чистоту-у-у! — вскричала Грязь...
И тем от гибели спаслась.*

Фотьев создаёт в своих баснях образы полнокровные, живые и поэтому саморазоблачительные, жизненные прототипы которых узнаются буквально в лицо, и понятны, конкретны, предметны авторские идеи:

Серка за то, что раз увез Изрядный воз,
Пожаловали званием «Тяжеловоз»
И соответственно повысили оклад.
Серко безмерно рад:
– Приятно все же звание иметь!
Не надобно, как лошади, потеть,
Возить огромные воза,
За званье платят – и хватает за глаза!
И, позабывши про хомут
И тяжкий труд,
Среди уюта и тепла
Он знай жиреет на обильном рационе.
Беда, коль важные дела
Везут такие-то вот кони!

А вот ещё одна острозлободневная ситуация:

Два друга – Тит да Митрофан –
Решили плыть за океан
Проведать новые края.
И вот построена ладья,
Есть добрый парус, руль,
компас и продовольствия запас.
Пора бы плыть, да Митрофану
Всё кажется: вдали полно туману
Висит какая-то вуаль.
– Неясно, – говорит, – неясно
А коль неясно, то опасно.
– Так это же морская даль,
Она всегда как бы в дыму! –
Пытался Тит внушить ему
А тот своё: – Темно. Нельзя, нельзя.
Дождаться ясной надо бы погоды
И так прошли не месяцы, а годы –
Всё плавали у бережка друзья...

Н. Фотьев умело использует ритм и рифму, чтобы более точно охарактеризовать происходящее. Например, начало басни «Гусь-

передовик» выдержано в лёгком ритме, используются только мужские рифмы:

*Гусь на слёте заявил:
– Я жалеть не буду сил,
План свой выполню вдвойне,
Пусть равняются по мне!
И вот, услышав тот призыв,
О Гусаке взялась вещать
Лесная вся печать.*

Уже здесь замечен еле уловимый перебой ритма, настораживающий читателя. Далее происходит следующее:

*А Гусь, уплыв к себе в залив
И схоронясь под сенью ив,
Лишь ел, да пил, да спал с похмелья.
Он чуть не умер от безделья...*

Хорошо акцентирован сменой ритма контраст между словами и делами Гусака. Внутренняя рифма «уплыв – в залив» не случайна, она оттеняет быстроту, с которой болтун удалился с трибуны. А рифма «с похмелья – безделья» удачно передаёт безмятежность и самоуспокоенность этого «передовика».

Особенности вольного стиха – неравноstopность строк, характер рифм и способов рифмовки и др. – позволяют баснописцу наиболее точно определить позицию рассказчика по отношению к персонажам. Он уже не воспитатель и наставник, в отличие от античных баснописцев и русских и западноевропейских авторов XVIII века, а почти такой же персонаж, как и другие. Автор не навязывает читателю своего мнения открыто, а выражает его опосредованно, в данном случае, через ритмико-интонационную структуру басни. Вольный стих во многом способствует реализации разговорного характера жанра и его сатирической направленности.

Басни Фотьева – явление национального масштаба. Как справедливо заметил Игорь Ерёмин, некоторые из них можно назвать «образцами этого трудного жанра». Басня – жанр канонический, но Фотьев никогда не следовал слепо уже сложившейся традиции. Н. Фотьев – продолжатель реалистической сатирической традиции

в жанре басни. Его произведения чрезвычайно злободневны, имеют ярко выраженный социальный характер, хотя, как писатель-реалист он не обходит стороной и бытовые темы, желая запечатлеть действительность с эпической широтой.

Басни Фотьева знаменуют новый этап развития жанра в XX веке. Жанровая модель басни была существенно трансформирована им в соответствии с основными тенденциями литературного процесса второй половины XX века. Фотьев активно вступает в диалог с читателем, в ходе которого становится очевидным моральное поучение, обнажается сатирическая сущность его басен. Будучи последователем крыловской традиции, Фотьев делает акцент на сатирический рассказ, а не на моральную сентенцию. Он приверженец «сатирической», а не «морализаторской» басни, что отражается в композиции большинства его произведений. Басни Фотьева отличаются чрезвычайной злободневностью, социальной значимостью. Амурский баснописец достигает нового звучания традиционных сюжетов, изменяя либо мотивы осуществления уже известных функций, либо атрибуты героев, что неизбежно влечёт за собой изменение конфликта и сюжета, а, следовательно, и морали басни. Аллегоричность, лаконичность, живая народная речь с её лексическим богатством ставят басни амурского баснописца Фотьева в один ряд со знаменитыми баснями.

Многие дальневосточные авторы пробовали писать басни, но с годами это временное увлечение проходило, один Николай Фотьев преданно служил этому своеобразному жанру на протяжении всего своего творческого пути.

«И многое слову дано...»: проза

*Я буду вполне удовлетворен,
если мои рассказы прибавят
в чьей-то душе хоть капельку
доброты и нежности
по отношению к земле и природе.*
Николай Фотьев

Первые рассказы Н. Фотьева появились в конце 1960-х годов. Сборник «Те далёкие свидания», в который вошли четырнадцать произведений, увидел свет в 1968 году. Позже были опубликованы

ещё четыре прозаические книги: «Мужчины в доме» (1971), «Горная малина» (1981), «Коренные берега» (1982) и «Деревенская родня» (1992). Среди многочисленных рассказов писателя (всего – тридцать восемь) есть замечательные произведения о детях («Савка», «Ребята Зарубины» (1968), «Находка», «Мужчины в доме» (1971), «Кить» (1992) и пр.), о животных («Последняя зима» (1968), «Василиса» (1992) и др.), лирические рассказы, посвящённые тонкому и поэтичному описанию родной природы («Высокий день» (1968), «Трава-мурава» (1971), «Вечерняя песня» (1982) и т. п.).

Первая прозаическая книга Фотьева «Те далёкие свидания» отмечена печатью первого опыта – как большинство начинающих прозаиков, Николай Фотьев обратился к личному опыту жизни, к прошлому и пережитому, то дополняя воспоминания и впечатления лирическим, душевным узором, то пытаясь придать чистой лирике смысловую глубину, подтекст и мораль, – но в любом из этих случаев основу сюжета составляет факт, происшествие, случай.

По мнению И. Литвиненко, *«очерковая “фактографичность”, столь характерная для первой книги рассказов молодого в то время писателя, вовсе не выглядит неким барьером, который автор стремится поскорее преодолеть, чтобы подняться на желанный литературно-художественный уровень. Чувствуется, что здесь у Фотьева не “барьер” и не “этап”, подлежащий преодолению, а родная стихия, где ему всё знакомо и дорого, а если и хочется каких-то перемен, то единственно на пути совершенствования мастерства, обретения ещё большей раскованности и удовольствия от работы».*

Открывает сборник рассказ «Запах кедра», в главном герое которого, Илье Леонидовиче, легко угадывается сам автор, менее ярко прорисованы образы его напарников по сбору орехов в Сутарских кедрачах – охотоведа Виктора Николаевича и пенсионера, «мужичка-лесовичка» Ивана Кузьмича. Рассказ «Запах кедра» вводит нас в мир автора с очень доброй и светлой памятью. Учитель рисования Илья Леонидович заболел, простудившись на этюдах. В полузабытьи, в полувяви вспоминает он осенние отпускные дни. Дни эти предстают перед ним добротой тайги, щедро отпустившей ему радость – смоляной запах кедра, берёзовое сияние, сладкую боль в сердце, нежность к земле. *«Приснилось ему приятное. И всё, что приснилось, было скорее воспоминанием, только более ярким, чем обычно. Всё казалось теперь интересным и значительным. Состояние было таким, словно он долго скитался в чужих краях, а теперь вернулся и увидел, как хорошо на родине, как любезен её каждый уголок».*

К этой концовке, к мыслям о том, сколько прекрасных чувств рождает в человеке любовь к природе, отчей земле писатель приводит читателя исподволь.

Все произведения, составившие первую прозаическую книгу Н. Фотьева, отмечены мастерством владения материалом, лиричностью, объёмной обрисовкой характеров.

В центре рассказа «Те далекие свидания», давшему название сборнику, – Геннадий Николаевич, человек, сменивший *«много профессий, пока не остановился на журналистике»*. Читатель узнаёт о том, как после долгой разлуки приезжает к родственникам в глухую таёжную деревню Геннадий Николаевич. За прошедшие годы от села Стародубки, что стояло в стороне от больших дорог, уцелело теперь только три дома да пасека. *«Там, где стояла изба, в которой родился Геннадий Николаевич, осталась лишь яма, заросшая крапивой. Осины таких заросших ям виднелись повсюду»*. Живут в этих трёх домах хорошие, трудолюбивые люди, но и они рано или поздно переселятся в более оживлённые места. И ничего не останется от бывшей Стародубки.

Чувства, которые испытывает герой рассказа – воспоминания детства, встреча с уходящей из жизни бабушкой – всколыхнули в нём горячую волну признательности и грусти. Доверительно и лирично повествует автор о встрече с детством, с родными, грустит по ушедшему и незавидной судьбе Стародубки. И то настроение, которое он хочет создать своим рассказом, охватывает читателя. О чём этот рассказ? О том, что все мы вышли из нашего детства. О том, что, говоря словами К. Г. Паустовского, как ни грустно подчас в этом мире, жизнь всё же прекрасна. Прекрасны человеческие отношения, освящённые узами духовного и кровного родства. Рассказ вызывает целую гамму самых неожиданных чувств. Это может сделать только произведение настоящего художника.

В рассказе «Мужчины в доме» создан обаятельный образ деревенского паренька Афоньки Горяева, приехавшего в город учиться. Трудолюбие, чуткость и заботливость – вот секреты его обаяния. В рассказе поднята и интересно решена тема ответственности человека не только за себя и свои поступки, но и за судьбы других людей, детские судьбы.

Глубина мыслей и острота переживаний Изота Петровича – героя рассказа «Трава-мурава», доверительность интонации повествования, помогают автору полнее и ярче раскрыть тему любви к Родине,

высокого предназначения человека на земле, бережного отношения к природе.

Н. Фотьев владеет искусством художественной детализации, позволяющим ему сделать образ зримым и осязаемым. Например: *«Хорошо слушать, как падает первая одинокая шишка. Постучает и замолчит. Ну, кажется, застряла. Ан нет. После продолжительной паузы снизу слышится удар о землю. Кедр слишком высок, чтобы сразу услышать падение».*

Действие в рассказах «В распутицу» и «Авария» развивается стремительно, в них нет вступлений и экспозиций. В самых первых фразах автор вводит в повествование главного героя, обозначает конфликт произведения. Стремясь добиться максимальной действенности изложения, он ни на шаг не отходит в сторону от основной (и, как правило, единственной) сюжетной линии, не занимается излишней детализацией в сценах, не даёт развёрнутых картин природы, подробных описаний внешности персонажей. Герой этих произведений действует в экстремальных условиях.

В рассказе «В распутицу» речь идёт о трудных годах Великой Отечественной войны. Главный герой произведения ветеринар Тарас Калягин во время одного из тяжёлых боёв потерял руку и потому раньше других вернулся с фронта в родную Овсянку. И хотя Тарас стал инвалидом, он и дома по хозяйству помогает, и на своей главной работе – спасение колхозных «животин» – безотказный человек. Так, однажды он отправился в соседнюю деревню, где не могла «растелиться» корова. Встретив в пути голодного волка, герой, ни минуты не сомневаясь, вступил с ним ожесточённую схватку. Тарас понимал, что не имеет морального права вернуться домой. Корова, которая в любой момент может погибнуть, является единственной кормилицей в семье старухи, обратившейся к Тарасу за помощью. Обстоятельства становятся для героев Фотьева серьёзнейшим испытанием, характер персонажа, как в баснях, раскрывается через поступок, действие.

Автору удалось создать характер сильный, цельный, запоминающийся. Причём он не идеализирует своего героя. Он даже скуп на краски и характеристики, предоставляя читателю право самому делать обобщения и выводы. И в этом – одна из особенностей творческой манеры писателя.

«Авария» – самый короткий и самый, пожалуй, типичный фотьевский рассказ в сборнике «Те далёкие свидания». В нём без особого

труда можно вычленить «зону факта» и «зону вымысла». Юрка, водитель автобуса, не справился с управлением, и машина упала с моста. Пассажиры, к счастью, не пострадали. Приехал автоинспектор, составил протокол. Между делом, вскользь Юрка сказал, что на мосту за рулём он отвлекся: увидел мальчишек, которые топили собаку в канаве. Конечно же, это обстоятельство не уменьшает вину неудачливого шофера, придётся ему и штраф платить, и ущерб возмещать, но лейтенант-инспектор смотрит на Юрку с недоверием, потом с удивлением, потом вроде бы даже с сочувствием... И вот для читателя, тоже становится не таким уж и важным центральный сюжетный момент – авария пассажирского автобуса (а ведь дело нешуточное: с моста упал, могли быть и жертвы!), и вместе с лейтенантом, вместе с автором читатели начинают сочувственно думать о собаке, которую хотели утопить в грязной канаве злые подростки-велосипедисты.

«Собака явно не хотела умирать, она искала спасения. Один берег у канавы был высок и крут, а на пологом, усыпанном камнями, куда можно было выбраться, стояли эти ребята и не подпускали её. Она плавала кругами, а её били, били, били... Били дети! За что? Кто их родители?»

Если бы пасмурный день, если бы не сияло солнце, если бы не так весело и радостно шумели пассажиры в автобусе, если бы Юркин трехлетний Виталька не просил привезти из лесу зайчика, если бы не так хорошо было на душе в этот день, он, может, не испытал бы столь сильной боли, протеста и негодования...».

Вот это неожиданное смещение акцента, внезапное переключение авторского и читательского внимания на некую побочную тему, которая вдруг становится главной, в то время как факт или событие, из которых сюжет был изначально построен, словно затуманиваются и ускользают, почти забываясь, – этот приём становится у Фотьева, что называется, «коронным», так или иначе, присутствует в большинстве его рассказов и повестей. Приём этот незаметен, пожалуй, только в чисто лирических зарисовках-новеллах о природе, о детях, да ещё в немногих рассказах более позднего времени, где автор отступает от «чистого факта» и пытается использовать одно из средств высшего писательского мастерства – художественный вымысел.

В центр сюжета рассказа «Курносенький» Фотьев поставил персонаж яркий, подчёркнуто неординарный, типичный «чудак». *«Был он не то чтобы неуклюж – просто громоздок и весь как бы на шарнирах. Рассказывая что-нибудь или спрашивая, сильно жестикулировал, потряхивал головой, локтями, плечами – и оттого был похож*

на какую-то матёрую птицу, распускающую крылья. Ходил он пружинисто, приседая и переваливаясь. Лицо его было страшновато, потому что левую бровь, подглазье и отчасти висок опоясывал багровый глубокий шрам – след лошадиного копыта. Нос громадный, горбатый, хрящеватый. И, наконец, большие скулы, большие уши, мощная жилистая шея с выдающимся кадыком. От всего этого Колька казался человеком диковатым и разбойным... Был он чрезвычайно любознателен, бесцеремонен, как медведь, и по-мужички неотёсан».

Над этим Колькой и посмеиваются, и сторонятся его на всякий случай, побаиваясь его острого языка. Он тоже из тех, кто привык резать «правду-матку» невзирая на лица и обстоятельства. Друзей у него, понятное дело, нет. Хотя с ним не дружат, но уважают – тем уважением, в котором главное – не тёплые чувства, а полная, абсолютная уверенность в душевно-глубинной, нерушимой праведности человека. Колька-чудак и слабого в обиду не даст, и беспорядок в любом его виде не примет – даже если все давно попривыкли и притерпелись к этому беспорядку. Помимо чисто художественных достоинств рассказ примечателен глубокой верой в талантливость и нравственную силу простого деревенского парня.

Рассказ «Курносенький» построен из реальных фактов авторской биографии: «...С тех пор прошло много лет. Я помню фамилии многих ребят, учившихся со мной, но лица сгладились в памяти. И только один Колька Авдеев стоит передо мной как живой. Все эти годы я ничего не слышал о нём. Но недавно, читая газету, я наткнулся на знакомую фамилию: Авдеев Н. И. Кандидат наук. Лауреат... Подумалось, что это, наверно, Колька – Курносенький».

И все же образ Кольки Авдеева, несмотря на всю его заземленность, статичность, явно перспективен, «потенциален» – в нём уже заметны черты будущих фотьевских «чудаков», которым предстоит вскоре украсить собою лучшие сочинения прозаика – такие, как «Товар лицом» и «Умирал ямщик».

В рассказах «Умирал ямщик» (1981), «Товар лицом» (1982) встречаются и тщательно завуалирован автором драматизм как будто совсем случайно пробивается через анекдотичную, по сути, ситуацию. В таких рассказах нет драматически напряжённого сюжета, с героями не происходит ничего сверхъестественного, что позволяет проводить параллель с творческими принципами изображения В. Шукшина.

Валентин Пенегин из рассказа «Умирал ямщик» – самый обыкновенный вроде человек: работает в комбинате бытового обслуживания

ния, «лишнего не пил, зарабатывал неплохо. Имел жену, двоих детей. Дома всё было, что по нынешним временам требуется... И лад в семье был. Правда, жена не сразу свыклась с его характером. Что думает Валентин, то и говорит, невзирая ни на что. Нет, он не оскорбляет никого, не скандалит. Просто уточняет любит, чтоб все было без фальши». Ясно: чудак человек из «неудобных» в общении и постоянно вносящих в ровны поток привычного быта неожиданные всплески и завихрения.

В клубе идёт концерт, хор поёт «Степь да степь кругом замерзал ямщик...». Песня кончается, все хлопают, а Пенегин кричит со своего места, что не «замерзал» надо петь, а «умирал». На него шикают, обзывают пьяным дураком, требуют вывести его из зала. Подходит милиционер – и точно, выводит Пенегина: «Пойдёмте, пойдёмте... Не будем срывать концерт».

Милиционеру, а потом и руководителю хора, которые, слава богу, не обзывают дураком, а внимательно и без иронии выслушивают этого странного, возбуждённого человека, Пенегин объясняет: «Испортили... Такую песню испортили! Деятели! Им лишь бы музыка, а слова – хоть какие. Да ведь у песни-то два крыла должно быть. Слова – одно крыло, музыка – другое. А у вас одно крыло машет, другое пашет... Да как же так можно! Полон зал народу, и вы врётё ему: “Замерза-а-ал”... Да как же так! – один замерзает, а другой рядышком стоит и спокойно слушает его наказ. Пой, мол, птишечка, пой, замерзай себе... Я-то жив-здоров, без горюшка домой доберусь. Разве можно из благородной человеческой драмы делать такую глупость! И никто не замечает. Будто так и надо. Хлопают...».

Что за случай? В чём дело? Как понять все это, и надо ли понимать крикуна-правдолюбца, не лучше ли, действительно, взашей вытолкать, чтобы не устраивал беспорядок?.. Не так ли и относимся мы обычно к таким вот «чудикам», оберегая свои привычные и позитивные даже удобные заблуждения? А если все-таки выслушать, постараться вникнуть, поверить, понять? Ведь понял же и согласился с Пенегиним строгий милиционер, а хормейстер даже вышел на сцену «и, дождавшись тишины, сказал: “Дорогие товарищи! От имени нашего хора выражаю благодарность товарищу Пенегину за деловое замечание по существу известной вам народной песни. Спасибо!..”. А в зале вдруг захлопали. В том самом зале, который полчаса назад орал и шикал на Пенегина!».

Да неужели и правда есть большая беда в том, что ямщик этот не замерзает, как поют артисты, а умирает?.. Курьёзная эта история имеет, оказывается, начало в далеком прошлом, когда Пенегину было восемь лет, и шла война, и отец, возвращаясь домой по ранению, не дошёл до своей деревни – в дороге умер. И вот тогда-то, слушая патефон, Валька Пенегин впервые заплакал от песни... *«Хлопали ставни, завывал буран, сгущались сумерки, а из ящика на табуретке все звучала эта печальная и красивая песня. И виделся Вальке не ямщик в тулупе, а отец – тоже в тулупе и в заячьей шапке. Таким он и запомнился в прощальный день, когда уходил на войну... Таким вот и маячил то ли песенный ямщик, то ли родной отец где-то на краю большой степи, а мимо, как белые толстые волки, неслись и неслись косматые летучие снега и плакала вьюга... И Валька тихонько плакал».*

Так ясно виделся отец, умирающий от фронтовых ран где-то на пустынной степной дороге, и так больно резала детскую душу печальная, затухающая музыка песни, что потом, когда Валька слышал, как его односельчане запевают «замерзал ямщик», – чувствовал резкую фальшь, неправду. *«Как это люди не поймут, что ямщик не мог замерзнуть на глазах у своего товарища. Не мог замерзнуть! Ведь при нём был товарищ – живой и здоровый. И в тулупе, как все ямщики... Да коснись Вальки, он последнее дырявое пальтишко отдал бы, чтобы спасти товарища. На закорки посадил бы его и понёс. А тут и тулупы у обоих, и лошадушки. И вот – нате вам – замерзал!.. Да не бывает так у людей, у товарищей – тем более. «Умирал», как на пластинке, – это другое дело. Тут все правильно. Умирал отчего-то человек, в степи, в дороге. Может, и погода была хорошая, и тулупы тёплые, и пимы, и поесть было чего, и лошади сытые, но вот беда настигла: почувял человек, что умирает. Мало ли что случается в дороге. Может, и жизнь-то у него не очень путёвая была. Может, почувствовал себя виноватым перед кем-то, а может, люди перед нимшибко провинились, всяко бывает. Потому и просил он схоронить его наособицу: вот здесь, в глухой степи, по которой привык ездить и столько всяких дум передумал тут... Валька представлял его одинокую могилку среди степи глухой, неоглядной, над которой только вьюга плачется да волки рыскают, и нет ни одной родной души поблизости, – и сердце у него замирало, сжималось в комочек...».*

Вот сколько важного и глубокого смысла открывается в немногих словах простой песни, когда человек не просто слушает, а именно

вслушивается, вживается в песню, вдумывается в её смысл и боль. А в самом этом человеке, познавшем счастливое приобщение к таинственному и заветному миру народного духа, пробуждаются до той поры дремавшие душевные силы, рождающие святое чувство причастности к большому, родному, всеобщему.

Есть и ещё одно обстоятельство, тоже очень значительное. Неожиданные аплодисменты в адрес чудака Пенегина – это, если подниматься до высокого смысла момента, не что иное, как благодарность соотечественников за то, что им тоже – как и ему, этому «блаженному», «юродивому», – открылось нечто важное и необходимое. Эти аплодисменты и это молчаливое изумление многих людей, одновременно пронзённых сильным душевным волнением, свидетельствуют об огромном потенциале единства, о великой силе слитности, которая, проявляясь иногда в таких неожиданных, даже курьёзных моментах, заявляет о своей неистребимой жизнеспособности, о том, что в случае драматической необходимости она, эта сила, вновь – как это бывало во все века русской истории – проявит себя и поможет выстоять, победить.

Так от малого, даже мелкого факта писатель выходит к обобщениям высокого этического смысла. И чудак Пенегин остаётся в памяти как человек очень понятный и близкий, надёжно-родственный – в том самом смысле, в каком обычно употребляем мы понятие «земляк».

С Макаром Сизякиным в рассказе «Товар лицом» – и того проще история. Ходил на колонку за водой и там оконфузился. Хотелось ему порисоваться, показать себя балагуром и бодряком, отвести душу весёлым, необязательным разговором, а вышло как назло – когда уже всем у колонки стало ясно, какой он бравый да разговорчивый, – поскользнулся Макар на мокром льду и грохнулся, *«ведра железно тявкнули и выдали кудрявые высокие фонтаны»*. Очередь разрешила ему ещё раз наполнить ведра, а он шагнул с ними – и опять полетел на мокрый лед... Можно понять Макара, только что изображавшего из себя бодро-счастливого холостяка и уже, похоже, завоевавшего всеобщую симпатию – в том числе и симпатию молодой соседки, которая, как и все, улыбалась в ответ на его прибаутки, – можно понять, каково ему вдруг оказаться в таком унижительном положении... *«Он ждал, что сзади грянет хохот, шум, подначки. Нет. Никто не смеялся. Многим даже грустно как-то сделалось. Очередь жалела Макара, очередь молчала»*.

Такое неожиданное завершение незамысловатого сюжета, словно оборванного здесь, у водопроводной колонки, поначалу кажется странным. Удивляет, что автор вот так вдруг, на каком-то малозначительном казусе, поставил решительно точку, – ведь можно было бы ещё понаблюдать за Макаром Сизякиным, и наверняка не без интереса. Но после короткого размышления понимаешь, что Фотьев не мог сделать иначе, что это не причуда авторская и тем более не упущение, а все тот же самый его «коронный приём» – неожиданное проявление подтекста, моментальная перестройка мизансцены: персонажи враз исчезают за кулисами действия или же просто выходят из зоны нашего внимания, а на авансцену резко, моментально выдвигается то, что слабо маячило где-то на заднем плане сюжета.

Макар Сизякин уходит, подавленный и смущённый своим внезапным падением, и нам по-человечески жаль его – точно так же, как и людям из очереди возле колонки. Но эта жалость – не сочувствие, а *соучастие*, потому что и нам, и этим вот людям известно о Макаре Сизякине побольше того, что он пытался бодро изображать. Происходит типичная для фотьевских сюжетов переброска от конца к началу, наше произвольное (но автором задуманное и умело «спровоцированное») воспоминание о первых страницах рассказа, где излагались подробности судьбы и характера главного персонажа: серьёзный и работающий, но несчастливый, одинокий: жена умерла, осталось двое ребятишек, погодки Витька и Шурка, пятиклассники...

Когда Макар *«молча подобрал ведра, сунул коромысло под мышку и, не оглядываясь, пошёл прочь»*, затылком чувствуя взгляды и ожидая самого страшного – смеха, подначек, – он (в этом все дело!) ни смеха, ни подначек не слышит – и тут-то догадывается, что его жалеют: по-доброму, по-соседски... В эту напряжённую секунду между Макаром и людьми протягивается связующая нить. Нить *понимания*. Это похоже на взаимное озарение: и люди в Макаре, и Макар в себе видят самое главное, о чём не принято говорить вслух... Неожиданный и никем не предвиденный взаимный контакт, сильный импульс взаимопонимания земляков и соотечественников – в этом состоит итоговый смысл сюжета, и он-то, этот смысл, напрямую сводит действующих лиц рассказа «Товар лицом» с персонажами рассказа «Умирал ямщик». Факт уже и сам по себе интересный, да к тому же ещё и свидетельствующий о том, что у Николая Фотьева есть своя заветная тема.

Рассказы подобного рода обусловлены мировоззренческими установками Н. Фотьева-писателя. Такой тип является органичным для

творчества Н. Фотьева, так как является очень удобной формой для выражения глубинной мировоззренческой установки писателя – противостоять несовершенству мира. Эти рассказы, в основе сюжета которой лежит анекдотическая ситуация, чаще всего не рассчитанная на смех, вернее, она может его вызывать, но не в этом её предназначение. Н. Фотьев, создавая заведомо абсурдную ситуацию, в реальности преследует иную цель: активизировать читательское сознание, направить его на размышления о глобальных проблемах мироздания.

Фотьев-прозаик сделал центральной темой книги «Те далёкие свидания» природу. Но она у автора – не самодовлеющий объект поэтизации, а сфера жизнедеятельности человека. Именно теме отношения к ней человека и посвящена большая часть рассказов сборника.

Проблема разумного использования природных богатств, бережного к ним отношения, давно уже вошла как в нашу жизнь, так и в нашу литературу. И бесспорная заслуга Н. Фотьева в том, что он продолжает эту линию, восстаёт против потребительской «философии» – «на наш век хватит».

Богатства природы на то и существуют, чтобы человек ими пользовался. Вопрос только в том, как пользоваться – рачительно или хищнически. Эта проблема затрагивается Н. Фотьевым в нескольких рассказах, вошедших в сборник «Те далёкие свидания». Автор, в частности, вступает в защиту древнего и почётного ремесла охотника. В рассказе «Кровь за кровь» охотовед Юра Углев долго беседует со старым охотником Евсеем Урмановым. Они «жалковали, что всё меньше остаётся настоящих охотников». Евсей озабочен тем, чтобы в тайге хозяйствовал умный, заботливый человек, а не браконьер, как это ещё случается.

По характеру отношения к природе автор и «подразделяет» персонажей своих рассказов. Любимый герой Н. Фотьева – человек с «чудинкой» для которого радость общения с природой намного превышает «житейской суеты». Таков старик лесник Егор Петрович из рассказа «Грета», ведущий непримиримую вражду с пасечником Пашкой – браконьером, истребляющим оленей.

Радость общения с природой, по справедливому мнению автора, – одна из высших духовных радостей. В рассказе «Лёшка» писатель описывает свои ощущения, вызванные туманом: «Стою в двадцати шагах от палатки, а она еле видна, словно заилленный камень на дне мутного водоёма. Ни с боков, ни сверху ничего больше не разглядишь. Можно вообразить, что кругом лишь туман да вода. Можно

представить, что за нашей палаткой – целый палаточный городок, можно подумать, что в тумане бродят таинственные существа – им только и побродить, пока никто не видит. Лишь прислушаться, можно услышать, как туман шуршит, точно пенится. Плотный туман – когда не видно ни леса, ни гор, только вдалеке тоскливо кричит желна, когда волнами накатывает шум переката, – зрелище красивое».

Общение с природой нередко сопряжено с преодолением трудностей и сопровождается лишениями. Но они, как показывает Н. Фотьев в некоторых своих рассказах, со временем забываются. А человек в итоге испытывает новый подъём сил и прилив энергии. Именно эти чувства живут в душе героя рассказа «Запах кедра» Ильи Леонидовича. Для него *«вообще все таёжные походы – подчас тяжёлые и опасные – по прошествии какого-то времени вспоминались, как праздники»*.

Н. И. Фотьев владеет искусством художественной детализации, позволяющим ему сделать образ зримым и осязаемым. Например: *«Хорошо слушать, как падает первая одинокая шишка. Постукает и замолчит. Ну, кажется, застряла. Ан нет. После продолжительной паузы снизу слышится удар о землю. Кедр слишком высок, чтобы сразу услышать падение»*.

В книге «Коренные берега», обращаясь к своим читателям, Николай Фотьев сказал, что он будет вполне удовлетворен, если его рассказы *«прибавят в чьей-то душе хоть капельку доброты и нежности по отношению к земле и природе»*. Надо сказать, что большинство рассказов и повестей, составляющих книгу «Коренные берега», посвящены теме родного берега, материнского и отцовского дома, преемственности духовных традиций народа. Естественно, что эта тема уже сама по себе мобилизует в первую очередь патриотические, гражданские чувства и устремления автора.

Стержень сюжета рассказа «Тимофеев берег» составлен из воспоминаний о дальней рыбалке с приятелями возле старого амурского селения Сухотино. Из подобного материала другими авторами сделано множество «охотничьих» и «рыбачьих» рассказов, лирических очерков о родной земле и природе. И Фотьев тоже начинает строить сюжет, следуя чисто очерковой, журналистской традиции. Сначала идёт подробное описание места действия, затем к слову приходится невеселая история посёлка – когда-то шумного и многолюдного, а теперь запустелого: *«В Сухотине оставалось только три кры-*

ии...» Далее следуют рыбацкие впечатления – но без обычного в таких случаях восторга, азарта. *«Мы пошли дальше по речке... Где вброд пробирались, а где в обход омутков, завалов и зарослей... Изредка стали ловиться хариусы-белячки...»*. Заметно, что не это для автора самое важное, что о главном речь впереди.

Так и есть. Друзья рыболовы встречаются местных жителей – Костю-бакенщика, временного здесь работника, и старика Тимофея, который в Сухотине родился, прожил безвыездно лет восемьдесят и умереть желает нигде иначе как здесь. Из уст старика Тимофея читатель узнаёт всё самое главное о судьбе села Сухотина и его жителей, последний из которых – вот он: сидит у костра, вспоминает далекие годы, покряхтывает...

Незатейливый вроде бы разговор, и не такие уж удивительные вещи сообщает старик – как строили переселенцы первые дома из чозении, каких огромных калуг вылавливали в Амуре, как сам он задержал нарушителя на границе, – и вся-то беседа течёт бестемно и бессюжетно, никакой особенной логики или «красной нити» нет, фразы иногда обрываются почти на полуслове. И становится ясно, что автору важна не тематика и не фабула разговора, а нечто большее. То, что начинает брезжить за словами и между слов: общая атмосфера доверительности и взаимной симпатии, объединяющая собеседников у костра. Здесь – сердце рассказа, отсюда рождается его идейный и тематический пульс, потому что по тем же законам взаимного доверия и компанейства объединялись когда-то дружные жители села Сухотина – теперь уже бывшего села: вот уже не три, а одна только крыша осталась... Фотьев знает: кто участвовал в таких вот беседах у вечернего костра, тот припомнит и добрую атмосферу приятельства, и настроение тёплой дружеской доверительности, – это нужно автору, чтобы подготовить читателя к восприятию главной, итоговой мысли – того, что принято называть идейной основой произведения.

«Может, способность тосковать и привязываться к родившей тебя земле есть самое великое изобретение природы?». Вопрос стоит в самом конце большого абзаца, состоящего почти из одних вопросов. Ответы подразумеваются, но вопросы не риторические. Потому что не так уж легко на душе у автора и у читателя... Понятно, что тяга к родимому берегу в человеке естественна и благородна, симпатичен поэтому старик Тимофей, однако в конце рассказа читатель узнаёт, что и Тимофея уж нет, а вместе с ним исчезла с лица

земли и последняя крыша, обозначавшая селение Сухотино: «За бывшие здешние подворья уже дрались между собою разные хваткие травы».

Но как бы там ни было на душе, а художественный, эстетический результат однозначен. «Тимофеев берег», этот малый кусочек амурской земли, приобретает значение символа, в котором отражается одна из не очень веселых сторон нашей жизни: река времени подмывает коренной берег традиционного народного духа, бывшее порастает быльем, и сегодняшняя новь не всегда удачно заменяет эту утрату...

«Дочитав рассказ до последней точки, видишь сразу всю логику авторского замысла – своеобразную кольцевую композицию, увязанную, однако, не фабульным узлом, а способом чисто эмоциональным: от зачина к финалу тянется луч светлой грусти. В середине сюжета этот луч немного колеблется, как от ветра вода, грусть уступает место мягкому юмору и деловой мужиковской беседе, – и опять вытягивается в струну печального, минорного тона... Автору удаётся не нарушить, не расплескать эту грусть неосторожным, не к месту сказанным словом» (И. Литвиненко).

«В избе было пусто, гулко и темно. Пахло подпольем и холодным печным нутром. Погудывали мухи и комары». В общем эмоциональном контексте это вполне гармоничные, почти на слух и обоняние принимаемые образы: гудение мух в пустой избе, запах остывшего печного пепла... А вот пример не менее гармоничного, но уже зрительного образа. Речь идёт о том, что старик Тимофей почти совсем слепой: *«Малоподвижные глаза его, казалось, сплошь были наполнены белёсым дымом...»*.

Любовь к природе, ощущение слитности с ней, уважительное и покровительственное отношение к живому населению зелёного мира – всё это входит важной частью в самосознание патриота и гражданина, но ценно и само по себе, как истинно человеческая способность к пониманию добра и неприятию зла. Фотьев доказывает, что для выражения всех этих настроений и чувств ему бывает достаточно использовать своё умение точной словесной изобразительности. Вот сидит на склоне дамбы Василий Федотыч Просянкин, герой рассказа «Коренные берега», и смотрит на половодную, вспененную, бурлящую Зею: *«Ишь ты, матушка, вышла из берегов!»*. По реке плывут брёвна, никому до них нет дела, и Василию Федотычу такая бесхозяйственность не по душе. Посещают его и другие мысли: о хлебе, который не берегут, кусками выбрасывают; о домашней

скотине, которую разучились держать и выкармливать; и вообще народ нынче разобщён, каждый в своей квартире с удобствами как крот в норе. А собрались бы все дружно, включились бы в общее, горячее, весёлое дело – хоть бы вот в такую страду, на спасение этих самых брёвен, что плывут по реке «мимо рта».

Вокруг Просянного суетятся, гомонят ребяташки, и он умело организует их в тимуровскую бригаду: наловили плавника бабке Андросихе на дрова. Сам по себе фрагмент выписан живо, диалоги портреты детей вполне достоверны, вдохновение общей полезной работы пронизывает весь эпизод.

Но есть в книге и чисто лирические рассказы, в которых писатель показывает всё своё мастерство. Своеобразие таланта Николая Фотьева в том, что он и в прозе может быть проникновенным лириком. Лирические рассказы составляют важную часть его литературного наследия. Лирическое начало органично вплетается в ткань фотьевской прозы. Некоторые из созданных им пейзажных зарисовок вполне могут существовать как самостоятельные произведения: «Ребята Зарубины» (1968), «Коренные берега» (1982), «Те далёкие свидания» (1968), «Трава-мурава» (1971), «За ту любовь» (1992) и пр.

Некоторые лирические рассказы по силе эмоционального воздействия близки к стихотворению в прозе. Так, в рассказе «Высокий день» звучит мотив восхищения красотой родной земли в удивительно-проникновенных строки о родном крае: *«...Течёт Амур, плывут по нему солнечные блики, похожие на улыбки, светятся высокие сопки; чистыми, звонкими красками, сияет бездонное небо, а на нём – солнце. Стоит тишина, сквозь которую доносятся сонные скрипы колёс и монотонное тарыхтение движка, а вдаль улетают две прекрасные птицы и уносят что-то очень дорогое человеческому сердцу. Мир тебе, прекрасный день, высокий день!»*.

Некоторые лирические рассказы Н. Фотьева написаны без присутствия лирического «я» рассказчика. Как правило, композиционно они лишены чётко выраженного событийного центра. Сюжеты этих произведений представляют собой ряд картин и сцен, связанных не причинно-следственными или пространственно-временными отношениями, как это чаще бывает в эпическом произведении, а объединённых по принципу ассоциативного мышления, характерного для лирики. Каждый предмет или явление окружающего мира словно пропущены через призму сознания главного героя, увидены его глазами. Именно лирико-психологический план в рассказе, воспомина-

ния и раздумья героев, наполненные самыми разными чувствами, смена одного эмоционального состояния другим, и становятся той основой, которая движет повествование.

Субъективизации повествования в лирических рассказах писателя способствует несобственно-авторское повествование и несобственно-прямая речь. В рассказах функции описания часто отдаются герою, достаточно трудно провести границу между речью автора и речью персонажа.

Значительное место несобственно-авторского повествования, отсутствие чётко выраженного событийного центра в сюжете и ассоциативный принцип связи событий позволяют рассматривать рассказы Н. Фотьева, написанные от лица повествователя, как лирическую прозу. Персонажи его произведений – лирические герои писателя.

Лирических рассказов в творческом наследии писателя немного, что можно объяснить, что Н. И. Фотьев стремился объяснить разнообразные стороны действительности с объективной точки зрения. Н. Фотьев, столь поэтичный в изображении родной природы, всё-таки меньше всего является лириком.

Рассказы о детях – неотъемлемая и значимая часть прозаического наследия Николая Ивановича Фотьева. Дети являются героями его рассказов «Савка», «Ребята Зарубины», «Лёшка», «Испыток» (1968), «Находка», «Семкин сон», «Мужчины в доме» (1971), «Кить» (1992).

Рассказы Н. Фотьева о детях представляют собой особый художественный мир, повествующий о том, что такое и кто такой ребёнок, что такое всё, окружающее его. Указанные выше произведения обладают всеми качествами, которыми отличается литература для детей как важнейшее средство формирования личности ребёнка, его эстетического и нравственного воспитания. В них присутствуют умеренный дидактизм, мягкий юмор, занимательный сюжет. Они написаны хорошим литературным языком – точным, образным, эмоциональным, – соответствующим особенностям детского восприятия. Фотьев умеет воспроизвести психологию детей и подростков.

Не случайно о таланте Н. Фотьева – детского писателя заговорили сразу же после выхода в свет первого сборника его рассказов «Те далёкие свидания» (1968). В рецензии Е. Шилов указал, что особенно удались Н. Фотьеву рассказы о детях: «Хорош, сочен рассказ “Савка”» («Ленинский путь», 1969, 12 марта). Другой критик – Н. Улаев, говоря о достоинствах рассказов Н. Фотьева, вошедших в его следующую книгу «Мужчины в доме» (1971), отмечает: «Рассказы “Находка”, “Сёмкин сон”, “Мужчины в доме” подтвер-

ждает, что писатель имеет все данные для создания увлекательных произведений для детей. Привлекают доверительный тон рассказчика, хорошее знание темы и глубокое уважение к читателю» («Дальний Восток», 1972, № 7).

В рассказе «Савка» перед нами предстаёт обаятельный образ пятилетнего мальчугана. Тонко и умело показывает автор, как проявляется привязанность Савки к своим старшим друзьям – соседским ребятам, как растёт в нём чувство большой человеческой любви. Савка Медведев – *«коренастенький, словно породистый петушок»*, – топчется на толстой чурке и кричит соседям: *«Горелкины-ы-ы! Тас-сыте нам тё-ё-ёр-ку!»*. Может, уж полчаса прошло, как Савкина мать послала его к Горелкиным за тёркой, давно мог сбегать Савка, да неохота какать по росе, и он стоит и надрывается: *«Горелкины-ы-ы!»*. Зато, завидев своих друзей, Савка срывается с места и по той же росе, не замечая её, мчится навстречу.

Маленький человек Савка Медведев живёт на таёжной заимке, где всего несколько домов, и он всем своим мальчишеским сердцем привязался к ребятам постарше, к братьям Кольке, Лёньке и Мише Кулагиным. Что тёрка, за которой посылает мать? Братья Кулагины любят мастерить, и они доверяют маленькому Савке и пилу и долото, и другие настоящие инструменты. А потом приходит время, когда братья уезжают в город учиться и Савка остается один. С ровесниками водиться Савке совсем не интересно. Им только бы игрушки, а Савка научился понимать настоящую мужскую работу. Савку принимаешь безоговорочно с того самого момента, когда он петушком топчется на чурке и требует от соседей терку. Вместе с ним тоскуешь и переживаешь, когда братья Кулагины уезжают, и ждёшь их возвращения.

В основу сюжета рассказа «Ребята Зарубины» Николай Фотьев положил, по сути, анекдотическую ситуацию, которая, безусловно, вызывает у читателя смех, однако не в этом её истинное предназначение. На самом деле в этом произведении Н. Фотьев, как и во многих других рассказах, а также в баснях, преследует иную цель: ненавязчиво активизировать читательское сознание, направить его на размышления о важных проблемах мироздания.

События в рассказе развиваются в течение одного дня, только в конце рассказа автор описывает утро следующего. Н. Фотьев рассказывает о том, как два брата, Федька и Тимка Зарубины – ученики третьего класса, долго и нехотя собираются в школу, а уже по дороге туда придумывают разные истории для того, чтобы с полпути вер-

нуться обратно домой. При этом художественно достоверно у амурского писателя проникновение в психологию ребёнка – очень ценное качество для художника, посвятившего своё творчество детям. Буквально во всём – в языке, в передаче образа мыслей маленьких героев, в их поступках, – отражены основные особенности детского восприятия.

В ярких юмористических сценах, рисующих героев дома, Н. Фотьеву удаётся показать логику их мышления и поведения. Несмотря на многочисленные угрозы со стороны отца: *«Ну, кому сказал?! <...> Вот как возьму верёвку, да вытащу из-под тулупа, да как волью хорошенько!..»*, братья поднимаются с постели только после слов матери: *«Давайте вставайте. Уже блины испеклись. <...> Давайте. Горяченькие, с маслицем»*.

Однако, поднимаясь, Тимка с Федькой делают вид, что встали совсем не из-за блинов, и, что, напротив, до блинов им нет никакого дела. Поэтому потник и тулуп, на котором спали, ребята убирают *«кряхтя, вздыхая и потягиваясь»*. Затем *«они не спеша натягивают рубашки, не спеша застегивают пуговицы»*, *«медленно-медленно двигаются по избе, словно после тяжкого перехода или непомерно трудной работы»*. В этом сравнении видна лёгкая авторская ирония, насмешки над ребятами. Кроме того, использованный писателем повтор дееспричастия *не спеша*, а также употребление близкого ему по значению наречия *медленно-медленно*, позволил Н. Фотьеву добиться большей выразительности в обрисовке характеров братьев. Тимка и Федька ведут себя так, будто они вдруг осознали необходимость ходить в школу – и именно поэтому наконец-то встали с постели. На самом деле, понятно, что их действиями в данный момент руководит иное: желание поскорее попробовать блины, но чтобы не выдать настоящей причины своего пробуждения, герои вынуждены «маскироваться» – делать всё медленно, нехотя.

В этом эпизоде прозаик не только мастерски сумел отразить особенности детской психологии, но и очень выразительными штрихами нарисовал портреты родителей мальчишек. На протяжении всего рассказа писатель ни разу не даёт им развёрнутых портретных характеристик, почти нигде, за исключением начала рассказа, не останавливается детально на их действиях и поступках. Характеры матери и отца Н. Фотьев создаёт посредством их речи, обращённой к детям. Прочитанные выше высказывания взрослых персонажей, и, главное, реакция на них со стороны детей, сразу же позволяют читателям сделать определённые выводы об их характерах.

Отец, как может показаться читателю, строгий, грубый, с детьми особенно не церемонится, не стесняется в выражениях. Это подтверждается целым рядом других его высказываний: *«Ну! Вы долго ещё будете валяться, поросята ленивые?»*; *«Но, но, поторапливайтесь. У, засони! <...> Слышал я, мать, что они, стервецы, всё время опаздывают»*; *«Себя уладить не можете, сопляки»* и др. Однако Н. Фотьев показывает, что в восприятии Тимки и Федьки отец хоть и строг и не всегда бывает справедливым по отношению к ним, всё же во многом является для них примером. Так, наматывая портянки, герои рассуждают: *«Вроде бы нормально. Почти как у отца»*. Именно отец вступился за ребят в тот момент, когда на них «напала» сухановская тёлка. И хотя Тимка однажды и думает об отце: *«У, злыдень»*, он тут же находит ему оправдание: *«...знал бы ты...»*, успокаивая себя тем, что если бы отец знал, почему ребята не хотят ходить в школу, то разговаривал бы с ними иначе.

Образ матери, как и во многих других произведениях Н. Фотьева («Горная малина», «Родительский день», «За отчим порогом» и др.) – воплощение добра, чуткости, великодушия, мудрости. Именно она пытается понять, почему Тимка с Федькой не хотят ходить в школу и среди причин, названных ею, одна *«Может, вам не под силу, учиться-то? Может учитель у вас больно строгий, так боитесь его? Или ещё что?»* оказывается истинной. Но даже не в этом главное. Гораздо важнее то, что чуткое материнское сердце подсказывает ей, что ребята не просто так не хотят ходить в школу, что на это должна быть какая-то веская причина.

По мере повествования Н. Фотьев постепенно усиливает юмористическое начало в рассказе, намеренно акцентируя внимание на характере поведения Тимки и Федьки. Встав с постели, Тимка с Федькой *«долго умываются, посматривая в окна», «медленно задвигаются за стол», «долго и вяло разминают портянки»*. Причём за блины они принимаются *«с полным основанием», «медленно и долго жуют», оправдывая себя тем, что «отец и мать сами учили за столом не спешить»*. В данном контексте ссылка на то, что так учили отец и мать, безусловно, вызывает смех, поскольку до этого автор неоднократно рисовал ситуации, когда Федька с Тимкой не слишком-то прислушались к замечаниям родителей и даже спорили с отцом.

Однако наивысшей степени развития юмористическое начало достигает в тот момент, когда герои Н. Фотьева принимают за намазывание портянок и обувание сапог: *«Тимка с Федькой кряхтят,*

сопят, вроде бы досадуя, что портянка не так подворачивается. Страхивают портянку, подрыгивая ногой, и начинают всё сначала. Та-ак. <...> Нога в портянке даже красивая получилась.

Теперь надо затолкать её в сапог. Да так, чтоб удержатся портянку, чтоб не раскрутилась, пока нога идёт в голенище. Тьфу ты, пропасть! Ведь раскрутилась! Снова надо заворачивать. Та-ак. Нога засунута в голенище. Теперь надо половчей ухватиться за голенище пальцами. А пальцы почему-то не слушаются, всё срываются. Раз, другой, третий. Тьфу!.. Наконец, сапог натянут. Надо потоптаться на месте и прочувствовать, ловко ли обулся. Ну, так и есть! И жмёт, и трёт, чёрт побери. Нельзя, нельзя так. Ногу загубишь! И вот, упираясь со всей мочи босой ногой в обутую, приходится стягивать сапог, выматывать силы и тратить время, потеть и отдыхать. Потом всё начинать сызнова. А время идёт. Ну и хорошо, что идёт. На улице уже совсем светло. Наверняка сегодня опоздали».

Комизм в данной ситуации возникает благодаря внезапному обнажению в последних фразах эпизода истинных мотивов поведения героев: фраза, выражающая явное сожаление «А время идёт», сменяется совсем противоположной, свидетельствующей, скорее, о радости «Ну и хорошо, что идёт». Как оказалось, на самом деле героями руководило желание в очередной раз пропустить занятия в школе. В принципе, мотивы такого поведения фотьевских персонажей были известны с самого начала, однако автор сумел нарисовать очень убедительную картину, как Тимка с Федькой «переживают» из-за того, что не могут, как положено, надеть сапоги, хотя и стараются изо всех сил «кряхтят, сопят, вроде бы досадуя, что портянка не так подворачивается» и при этом даже рассуждают, как взрослые «Нельзя, нельзя так. Ногу загубишь!».

Эффект «правдоподобия» описываемых событий достигается тем, что автор сумел не только глубоко проникнуть в психологию юных героев, но и отразить мельчайшие движения их детского сознания. Широкое использование эмоциональных выражений «Тьфу ты, пропасть! Ведь раскрутилась!»; «Раз, другой, третий. Тьфу!..»; «Ну, так и есть! И жмёт, и трёт, чёрт побери» также позволяет читателю поверить в искренность выражаемых героями чувств.

Позже, по дороге в школу, ребята ни на минуту не перестают думать о том, как бы им вернуться домой, что находит отражение в интересных диалогах:

«– Ты ничего не слышишь? – прислушиваясь и морщась, спрашивает Тимка.

– Нет, а что?

– Да вроде тайга шумит».

«– Ну, пойдём, что ли, – говорит Федька.

– Погоди ещё. Знаешь что?

– Ну?

– А это... Тёлка ведь бодается.

– Ну?

– Бодается. Все про то знают. Раньше была меньше – и нас боялась.

– Ну?

– А теперь подросла и сильно растравленная стала.

– Ну да! – хмыкнул Федька».

Приведённые диалоги характеризуются некоторой недосказанностью, поэтому читателю становится понятно, о чём идёт речь только после авторских комментариев. В первом случае писатель поясняет: «Тайга шумит – быть бурану»; во втором – передаёт размышления Федьки: «А почему бы и нет? Ведь правда, что сухановская тёлка бодается? Правда. Лог узкий, тёлка на дороге встала, не пускает». В отличие от читателя, ребята Зарубины, озабоченные тем, чтобы найти хоть какие-нибудь, даже самые сомнительные, причины вернуться домой, почти с полуслова понимают друг друга – и этим, безусловно, объясняется и авторская ирония по отношению к героям, и лёгкая насмешка над детской непосредственностью и наивностью со стороны читателей.

Мастерство Николая Фотьева – детского писателя заключается в том, что он активно вводит в рассказ ситуативный юмор, понятный юным читателям. Н. Фотьева рассказывает увлекательную и смешную историю о том, как неделю назад по дороге в школу ребята Зарубины искупались в реке, ещё не совсем замёрзшей, после обвалились в снегу и обледеневшие «припустили домой». «То-то было хорошо!» – заканчивает историю писатель. Кроме очевидной авторской иронии, заключающейся в последней фразе, здесь ещё и восхищение маленькими героями, которые решились на столь отчаянный поступок.

Дело в том, что ребята Зарубины, несмотря на все вышеперечисленные обстоятельства (авторская ирония, комичные ситуации), на самом деле не так уж смешны. Помимо смеха, их образы вызывают у читателя и сочувствие.

Тимка с Федькой оказались в очень сложной ситуации. Они уверены, что учитель Николай Андреевич их не любит, и именно в силу этой причины мальчишки не желают ходить в школу. Однако Н. Фотьев подчёркивает, что это очень субъективное ощущение. Совершенно очевидно, что учитель не испытывает к ребятам Зарубиным неприязни, как раз наоборот, они ему нравятся, он умиляется их внешним видом, отсюда – повышенное внимание к ребятам: *«В тот день, когда появились они в школе, Николай Андреевич поставил их рядышком у доски и долго рассматривал. На Федьке и Тимке были одинаковые рубашки и штаны, оба были маленькие, круглолицые, хмурые»*. Другой эпизод, подтверждающий эту мысль: *«При виде ребят Зарубиных учитель всегда посмеивался... <...> ...как только они появлялись, Николай Андреевич самолично открывал дверь, кланялся, улыбался и приглашал их как самых что ни на есть дорогих гостей»*.

Читатель понимает, что проблема не в том, что Николай Андреевич не любит детей, тем более что это не так, проблема в другом – в неумении педагога найти общий язык с детьми, заглянуть в душу ребёнка и, наконец, интуитивно почувствовать – комфортно ли ему в той или иной ситуации.

Именно поэтому автору ближе позиция детей: *«Пора вставать и Тимке с Федькой, но вставать не хочется. И спать не спится, и вставать не могу. Не хочется идти в школу. Господи! До чего же не хочется!»*.

Таким образом, в «Ребятах Зарубиных», как это обычно бывает у Н. Фотьева, за большим количеством комичных ситуаций скрывается емкий смысл.

Смешной рассказ о том, как дети придумывают разные истории для того, чтобы не пойти в школу, в конце концов, оказывается не таким уж смешным. На самом деле писатель ненавязчиво акцентирует внимание читателя на серьёзной проблеме: проблеме отсутствия педагогического такта. На протяжении всего рассказа Фотьев уводит читателя от этой проблемы, пытается скрыть её за комичными ситуациями и образами, но при этом проблема никуда не исчезает, а как раз наоборот, ещё сильнее заявляет о себе.

И даже благополучный финал рассказа не отменяет всей важности поставленной проблемы. Николая Андреевича перевели в другую школу, и к ребятам пришла новая учительница, которая в первый же день напротив Тимкиной фамилии в журнале *«аккуратно*

вывела рядом с двойками пузатенькую пятёрку». «А на завтра вот что произошло. Поднялись утром Тимка с Федькой и вовремя в школу собрались. А оказалось, что выходной, воскресенье». Смешной, на первый взгляд, финал рассказа заставляет задуматься над очень серьёзными вопросами и, в первую очередь, над вопросом о том, насколько важно для детей чуткое, неформальное отношение.

В рассказе «Ребята Зарубины», как и в большинстве других произведений, Н. Фотьев в занимательной форме решает серьёзные морально-этические проблемы. Писатель с юмором говорит о важных вещах, не снижая при этом их значимости. Кроме того, обращаясь к детскому творчеству, Н. Фотьев никогда не уходит от правды жизни, не создаёт фантастических ситуаций, не притягивает «удобный», счастливый конец. Отчасти благодаря именно этому обстоятельству, рассказы Н. Фотьева близки и понятны детям.

К жанру повести писатель впервые обратился ещё в конце 1950-х годов, сразу же после того, как вышла в свет первая книга его басен: тогда он приступил к работе над повестью «В поле прописан». Кроме этого произведения перу писателя принадлежит ещё шесть повестей, созданных в 1960–1980-е годы: «Шиповник» («Мужчины в доме», 1971), «Родительский день» («Горная малина», 1981; «Коренные берега», 1982; «Вы остаётесь за нас», 1987), «Горная малина» («Горная малина», 1981; «Коренные берега», 1982; «Вы остаётесь за нас», 1987), «Глухой туман» («Горная малина», 1981; «Коренные берега», 1982), «За отчим порогом» («Деревенская родня», 1992), «Жених запаса» («Деревенская родня», 1992).

Повесть – жанр, история которого насчитывает несколько веков, всегда занимала «особенное место» и являлась «самой традиционной и распространённой» «повествовательной формой в художественном познании действительности».

Повесть позволяет писателям с особенной полнотой отражать многообразие идейно-художественных исканий своего времени. В своё время В. Белинский отмечал, что повесть может «вмещать в себя всё, что хотите, – и лёгкий очерк нравов, и колкую сатирическую насмешку над человеком и обществом, и глубокое таинство души, и жестокую игру страстей».

Действительно, повесть в системе повествовательных жанров занимает едва ли не самую «выгодную» позицию. В отличие от рассказа, она способна к многостороннему, широкому отображению жизни. Повесть может развиваться в рамках любого художественного метода, направления, литературной школы, о чём свидетельствует обшир-

ная история её развития. Повесть – более «оперативный» жанр, вследствие чего она просто «обгоняет» в своём развитии роман, требующий глубокого и всестороннего осмысления изображаемого материала.

В переломные эпохи повесть как бы заменяет собой роман и отчасти даже принимает на себя некоторые его функции. Для неё становится характерным «перемещение центра тяжести на характер», и получает развитие тенденция не только к анализу, но и к синтезу. Повесть, как и роман, стремится к широким эпическим обобщениям. Не случайно жанровую принадлежность своего первого прозаического произведения «В поле прописан» Н. Фотьев первоначально обозначил как роман.

В своих повестях Н. Фотьев показывает, прежде всего, судьбу частного человека, рисует обыкновенную, каждодневную жизнь. При этом его герой изображается не как готовый и неизменный, а как становящийся, изменяющийся, воспитуемый жизнью. Это лицо не героичное ни в эпическом, ни в трагическом смысле этого слова. Этот герой объединяет в себе как положительные, так и отрицательные черты, как низкие, так и высокие, как смешные, так и серьёзные.

Постоянно развивающийся, становящийся герой, стал характерным и для фотьевской повести, взявшей на себя обязанность рассказывать об истории человеческой души.

Многие исследователи литературы отмечают, что 1960–1980-е годы характерным для повести стало перемещение центра тяжести на характер героя. Центральной проблемой в повести 1960–1980-х годов стала проблема героя, образ которого был обусловлен принципами решения человеческого характера.

Накопив первый опыт прозаика, Фотьев решительно взялся за большую повесть. Он убедился, как много добротного литературного материала, пригодного для художественной обработки, содержится в глубоких пластах человеческой памяти. Свежие, искрящиеся юмором, наполненные уважением и любовью к дорогим землякам рассказы о жизни сибиряков-алтайцев, вошедшие в сборник «Те далекие свидания», явились канвой, своеобразным литературным прологом к большой литературной форме, которую автор решил прописать подробнее, тщательнее, красочнее... И родилась книга повестей «Вы остаетесь за нас» (1974).

Первые строки повести «Вы остаётесь за нас» (1974) переносят читателя в небольшую алтайскую деревню начала 1930-х годов, в семью вернувшегося из Красной Армии Ивана Осокина.

История семьи Осокиных прослежена автором ещё с тех времен, когда на Алтае укоренялись новожила-переселенцы, тут и там по речным берегам возникали заимки, разрастались деревни, через горы и чащи торились тележные тракты, тянулись промысловые тропы... От страницы к странице ровным ходом идёт внимательное, со знанием дела описание крестьянского быта, хозяйства, устава, одна другую сменяют картины народной жизни, наполненной ежедневными заботами о пропитании, разнообразнейшими проявлениями материальных и духовных традиций. Осторожно и бережно воссоздает Николай Фотьев портреты, характеры, судьбы своих персонажей – легко догадываешься о причинах его теплого чувства к ним: ведь эти персонажи не выдуманы и не сконструированы – они взяты из души, из сердца, из памяти.

Удивительно, какой животворной, бездонной может быть память человека – если он жил, а не существовал, если не только смотрел, но видел, не только внимал, но вникал, если жизнь проходила не рядом с ним, а сквозь него, запечатлевая в душе и сознании неизгладимые временем образы. Сколько мелких (мельчайших!) и таких дорогих, ничем не заменимых подробностей наполняют книгу Фотьева «Вы остаетесь за нас». Порою кажется даже, что невозможно столько всего и так точно помнить, что не обошлось тут без помощи воображения. И это, несомненно, так – но в том-то и дело, что воображение автора не своевольно, оно питается не фантазией, а правдой. Правдой памяти.

Существенно то, что большая часть впечатлений, составляющих основу сюжетного материала, используется, в оригинале: в том «первичном» виде, какой они имели в момент «отложения» – ещё без последующих «поправок» и наслоений, – а поскольку автор был в ту пору мальчишкой, то естественно, что главными, наиболее подробно выписанными персонажами повести стали Генка Осокин и его сверстники. Это никоим образом не означает, будто взрослые персонажи находятся в тени, на заднем плане повествования. Образы матери и отца, деда и бабушки, соседей и односельчан действуют на читательское воображение не менее впечатляюще, и впечатление это ещё более усиливается именно тем, что окрашено детским – обострённым и непосредственным – восприятием. Этот далеко не новый в литературе творческий ход позволил Фотьеву показать всю фактуру и конкретику жизни таёжных людей в наиболее ярком, сочном, запоминающемся виде – как это бывает при самом первом, дет-

ском соприкосновении с пёстрой действительностью, когда каждый новый шаг обещает открытие, удивление, потрясение.

Вот почему так живописны и увлекательны в книге описания будничных хозяйственных забот, и строительство нового дома, и священнодействие печника, и трудная пахота таёжной целинной земли, охота и рыбная ловля, косьба, жатва, бортничество... Автор более чем внимателен: он скрупулезен, ни одна мало-мальски приметная подробность не выскальзывает из-под его пера. Даже то, как мальчишки учатся наматывать портянки и обуваться, описано так, что и посочувствуешь им, и улыбнешься, а главное – надолго запомнится эта простая житейская сценка. Или то, как Генка Осокин постигал таинство и торжество поэзии, как насмелился зарифмовать домашнее сочинение, а учительница Нонна Васильевна «от доски всему классу тетрадку показывала, чтоб все видели стихи и пятёрочку под ними». Или как отец, уходя на фронт, по-мужиковски серьёзно наставлял сыновей: *«Ну, мужички мои. Вы остаётесь за нас. Так держите же высоко честь свою. Держите дом. Берегите мать. Она у вас одна... – Потом к Катерине повернулся. – Ну, дорогая моя жена. Не печалься. Береги сынов... Пусть всё ладно будет. Жди... – Никогда не видели ребята Осокины, чтоб отец слезу выронил. А тут выронил, и – не одну. – Ну, прощайте. Всего вам хорошего. – Ещё раз обнял всех вместе. Когда бы и куда бы ни отправлялся Иван, не было у него привычки оглядываться. А тут оглянулся и рукой помахал»...*

Николай Фотьев рассказывает о трудном военном детстве. Но пафос повествования не в изображении трудностей. Главное для художника – это красота труда, который делает людей духовно богатыми и требовательными к себе. Лучшие страницы повести – это рассказ о детях, которые обстоятельно, со знанием дела, не хуже любого взрослого, выполняют порученную им работу: *«Главный пекарь, конечно, Генка. Так мать велела. Вот он снимает с припечка квашню, развязывает наквашенник, и в нос бьёт кисловатый вкусный, с хмелинкой запах дрожжей и хлеба. Вот квашня стоит на лавке, а в ней большая тёрка установлена. Лёшка моет картошку и червивины выколупывает, а Генка трёт. Если на треть истереть картошку, то запросто пальцы ободрать. Это уж сколько раз было. Осторожней надо. Полведра Генка изотрёт, полведра Лёшка. По справедливости. Потом главный пекарь две больших пригоршни муки бросит в квашню и веселком перемешает хорошенько, завяжет наквашенник и на шесток квашню поставит, к теплу поближе. Печь*

всегда тёплая. А завтра утречком, когда квашня подойдёт, надо ещё пригоршни три муки бросить и окончательно замесить. Это самая тяжёлая работа – окончательный замес».

Быт, события далёкого времени даются в повести через восприятие сына Осокиных – Генки.

Первая часть повести «Детство» – своеобразное открытие мира ребёнком, смутно помнящим своего отца, для которого совершенно неясно, что «отец делать будет, что он умеет». Разговоры взрослых с непонятными словами, вроде «конфликт, китайцы, ка-ве-же-де»; дедушка «с прокуренными пальцами», от которого пахнет «смолой и стружками, льном и коноплёй, медовухой и воском, хлебным квасом и кожей, да ещё чем-то лесным – то ли травой древесной, то ли кореньями»; бабушка, которая «немножко пахнет капустой и огурцами, немножко суслом и дрожжами, немного луком и укропом» – первые далёкие, но навсегда врезавшиеся в память дорогие впечатления детства. С любовью и теплотой вспоминает автор детские забавы и игры, среди которых вдруг неожиданно обретает смысл фраза взрослых, адресованная ребятишкам: «Тише вы, бокоёрзики...», первое знакомство с тайнами родных мест, щедрой и суровой природой.

В этом открытии мира, в постепенном мужании детей определяющее место автор отводит повседневному труду, нелёгкой работе отца, деда, матери. Прославление людей труда, стремление отыскать героическое в незаметном, будничном и определяет пафос повествования. Не случайно именно труд определяет мировоззрение по существу неграмотной семьи Осокиных, уважительное отношение к «иногородцам» – алтайцам, ойротам, шорцам, казахам. Дед Фёдор Романович никогда не верил, что есть народы первосортные и второсортные, да сам жену взял из зырян.

Лучшие страницы повести рисуют красоту труда: «Генке всегда страсть как глянулось смотреть на сильную мужскую работу. Дрова ли мужик колет, землю ли копает, сено ли мечет или мосток ладит – всё это самое отрадное зрелище...». «Любо смотреть на сильную и дружную работу! Идут мужики с широких покотей к лозу, выстроились косым широким крылом, как журавли в полёте и машут косами, будто крыльями».

Постепенно, мучительно герою открывается великое предназначение быть на земле человеком, «пожить на земле славно и оставить после себя что-то вечное».

Переезд семьи, вступление в колхоз, школа, война, на которую ушли отцы, чтобы исполнить до конца свой воинский долг, пасть смертью храбрых «где-то в Латвии, близ деревни Шварцы», и, наконец, выбор пути, решение большого вопроса – как стать полноправным гражданином Родины, как достойно пронести по миру эстафету отцов – пожалуй, основные вопросы, решаемые в повести.

Повесть «Вы остаётесь за нас» подкупает теплотой авторского позициии, неторопливой манерой изложения. Из таких-то зримых и трогательных, весёлых и грустных картин, картинок, историй, случаев и складывает Николай Фотьев своё неторопливое, обстоятельное повествование, в котором легко узнается конкретное время действия, его живые, меняющиеся приметы: становление колхозов в Сибири, нарастание предвоенной тревоги, и начало самой войны, и её тяжкие, суровые сроки, когда, кажется, даже дети выросли по закону военной поры: год за два.

Эта книга заинтересовывает исподволь, постепенно затягивает. Героям повести не то чтобы сопереживаешь, а, пожалуй, с любопытством (с искренним, живым любопытством) следишь за их перемещениями во времени и пространстве, за их взрослением и возмужанием. Плюс к тому ещё и такое важное обстоятельство, как читательское удовольствие от восприятия добротного, полноценного литературного текста – тот самый эффект, что в теории искусства обозначается термином «гедонический» и без учёта которого невозможно всерьёз говорить об эстетической состоятельности литературно-художественного произведения.

Подводя итог, можно со всей определенностью констатировать главное: работа над книгой «Вы остаетесь за нас» стала для Николая Фотьева важнейшим этапом целенаправленного совершенствования художнических, «литературно-изобразительных» навыков, и результаты этого профессионального совершенствования не замедлили сказаться в последующих произведениях писателя.

Повествование повести «За отчим порогом» (1992) ведётся от лица автобиографического персонажа – паренька Генки Осокина, который родился и вырос на таёжном прииске Ушпа. Устройство, внешний вид избы не представляют герою-повествователю чем-то новым и необычным: изба и подворье согласуются с традиционными особенностями обстановки русского крестьянского дома.

Дом – это то, что связано с землёй. Глубинное родство с землёй всегда рассматривалось как первооснова русского национального

характера. Дом строился своими руками, и человек считал его своей плотью и кровью. Дом – воплощение индивидуальных качеств людей, живущих в нём. Дом – основа человеческой жизни, единственная защита от событий внешнего мира.

В повести «За отчим порогом» помимо брусовой избы, составляющими осокинского подворья являются баня, пригон, огород и пашня. Из рассуждений Генки о заготовке дров и сена становится известно о существовании дровяника и сеновала. Печь в семье Осокиных является почти живым существом (автор сравнивает её с коровой-кормилицей), центром всего дома. Когда Осокины принялись за перестройку дома, стены которого «сильно скособочились и прогнили», то по поводу того, «ломать печку или оставить», был созван семейный совет. И даже маленькая Маруся – сестра Генки, «когда стали ломать печку», «загорюнилась»: «Печушка!.. Не будет больше печушки!.. – Её успокаивали, посулили ещё лучше изладить печку-матушку – больше и теплее. Жаль Марусе печку. Как же. Сколько помнит себя, столько и играла на печке. Как зима, так на печке больше. Там особый мир у неё. Там жили её куколки, лошадки, зверушки всякие из тряпочек и картошек. И ночевать там любо было. То с мамой, то с братками. Для всех печка служила службу верную. Жарила, парила, варила, простуду выводила. Сколько косточек прогрела. <...> Русская печь, незащищённая, открытая солнцу и ветрам со всех сторон, – зрелище печальное. Есть в ней сходство с коровой-кормилицей, которую, хочешь не хочешь, а надо вести на убой».

Напомним, что основным элементом крестьянской избы у В. Белова в «Привычном деле» и у В. Распутина в «Прощании с Матёрой» также является печь. Она считается центром дома и разделяет его на две половины: мужскую и женскую – это согласуется с крестьянскими традициями. Убранство дома Осокиных отвечает традициям русской крестьянской семьи. Это необходимые предметы, которые нужны человеку в хозяйстве: стол, лавка, полати, кадки, ящики, бадейки, чугуны, лампа. Изба Осокиных предстаёт как семейный микрокосм, в котором всё находится на своих местах. Есть в убранстве избы вещи, принадлежащие женской половине дома. Среди них самопряха, с помощью которой Катерина Осокина, мать Генки, пряла льняные нитки на дратву. Мужчинам принадлежат такие вещи, как лыжи, ружья (в подворье – нарты и пчелиные улья, сани). Эти вещи свидетельствуют о роде занятий мужчин – промысле и охоте.

Дом, всегда являвшийся защитой, убежищем, в народных поверьях постоянно противопоставлялся всему остальному, «чужому»

и обычно враждебному миру, кроме того, дом считался символом связи поколений. Тяжёлое ощущение вызывает у Осокиных вид разрушенного дома: *«Геннадий орудовал на крыше, а труба дымила: последний раз топилась печь, которую тоже ломать придётся. Катерина, подлив Красульку, готовила завтрак да укладывала-увязывала пожитки и всякую мелочь. Федюшка в деревянной ступе большим двуручным пестом толоч на крупу последние пригоршни чумизы. Сестрёнка расплакалась, когда увидела, что изба стоит без крыши, кругом валяются тесины, пыль столбом»*. Похожее чувство горечи, в связи с сожжением избы, испытывает Дарья Пинигина в «Прощании с Матерой» В. Распутина. Она подготавливает избу к смерти, оmyвает и уходит, чтобы не видеть тяжёлого зрелища.

Но вот в силу обстоятельств главный герой попадает в общежитие. Если в пространстве дома предметный мир показывается изнутри, глазами Генки Осокина, то в общежитии он рассматривается извне и содержит оценку героя, зачастую неодобрительную.

Общежитие в повести «За отчим порогом» представляет собой деревянный двухэтажный дом. Внизу – квартиры с отдельным входом с улицы, вверху, куда вела специальная лестница, – общежитие. Самые большие и светлые комнаты занимали студенты старших курсов. Среди студентов были «совсем взрослые ребята, почти мужчины, и громоздкие толстоногие девицы в дорогах шубках, или “дошках”, как их называли. Попадались среди эвакуированных и бедные фитильные салаги вроде Энгельса Леднева. Эвакуированные держались особняком. Это был народ взрослый, хорошо одетый, неплохо упитанный и, наверное, денежный». Автор подчёркивает разнородность людей, находящихся в общем пространстве общежития – помещения, в котором проживает множество людей.

Внутри общежития комнаты разделяет длинный коридор. В одной из комнат стояли бочки с водой для умывания. Туалет находится во дворе, что крайне неудобно, особенно зимой: пригревшись в постели, ребята не могли заставить себя подняться, встать было «хуже каторги»: *«Для облегчения только и остаётся, что ругаться, ругаться, ругаться. На всех. И на себя тоже»*. Во дворе общежития находится баня – *«приземистое широкое здание с пологой крышей – черным-черна. И чем только не пахнет в ней. Ходят сюда мужики в спецовках и фуфайках, пропитанных мазутом, угольной пылью, креозотом, кузбасслаком и прочей “химией”, кочегары и грузчики, токари и слесари, ассенизаторы и железнодорожники, фэзэушники*

и студенты. Баня великоутроби́ста. Предбанник – тоже». Баня – единственное место, где герой чувствовал себя комфортно: «А по стенам – радиаторы, и такие горячие! И лавки впритык к радиаторам. Если народу немного и есть свободное местечко, то лучшего и желать не надо. Садись не раздеваясь, приваливайся спиной в уголок, а ногу – под самый радиатор – и блаженствуй. И со спины греет, и с боков. Оттаеешь, и в сон тебя клонит, глаза слипаются». Иногда в бане Генке удавалось побеседовать с «каким-нибудь дяденькой или дедушкой» о войне, жизни, учёбе, родителях и получить совет, поддержку или утешение, таким образом успокоиться и настроиться на лучшее будущее.

Комендант не получал денег на надлежащий ремонт и отопление – время военное, «всем нынче трудно». Окна комнаты ребята заби́ли досками и засыпали опилками, стены смежной пустующей комнаты были в инее.

Отапливала общежитие убогая печька: «Печка-голландка – тоже под самый потолок. Но, как говорят, велика фигура, да дура. Не топи́лась голландка. Дымоходы обвалились. Поэтому рядом с круглой этой высокой “домной”, как Моська возле слона, ютилась черномазая буржуйка на полведра угля разовой закладки. Труба от буржуйки наискось втыкалась в бок голландки и во время ветров сильно дымила». Образ печки-голландки противопоставлен образу русской печи. Голландка не топи́лась и не могла выполнять функции домашней печи, которая являлась центром дома и объединяла людей, живущих вместе. Все живущие в комнате, несмотря на общность жилплощади, жили своей отдельной жизнью. У каждого была своя койка, своя тумбочка, своя еда, которую присылали родственники: «Дружескую беседу Лёвки и Генки прервал Марк Рейман. Сильно запыхавшийся, он вкатился в комнату – весь меховой, румяный с мороза. Похвалил, что уголь раздобыли и печку докрасна накалили: “Моводцы!” Затем, сняв дорожное пальто и оставшись в меховой душегрейке, уселся возле своей тумбочки и, как обычно, отвернувшись от ребят, не торопясь, начал “шамать”. А уж “шамать”-то у него всегда имеется. И шпик, и колбасу, и масло ему регулярно поставляют в посылках. Запах от его тумбочки идёт такой, что голова кружится и озвереть можно». Этот эпизод моделирует в миниатюре отношения между людьми в общежитии, где каждый сам по себе и не чувствует связи с другими людьми, как это бывает в семье.

Среди необходимых предметов комнаты в общежитии стол, табуретки, по́лынный веник. О роде деятельности обитателей (учёба)

свидетельствуют чернила на столе, книги. Необходимо было парням узнавать и о ходе военных действий на фронте – отцы и родственники были на войне. В комнате для прослушивания сводок Информбюро было радио, читались газеты. А на стене висели портреты маршалов, которые ребята вырезали из газет.

Потеря связи между людьми в общежитии свидетельствует о кризисном состоянии мира (утрате вечных ценностей, потери слаженности жизни). Уже с первых дней, проведённых в общежитии, герой испытывает разочарованность: здешние порядки ему не нравятся: *«В общежитии, где поселились ушпинские, всегда стоял шум. <...> Самые большие и светлые комнаты занимали студенты старших курсов. <...> Там и гитары у них из рук в руки ходили, и патефон горланил, и сами ребята частенько хором пели. <...> Ушпинским такая “культура” не нравилась»*. Песня, звучащая в общежитии, противопоставлена домашним, деревенским песням о родном крае, который так любил Генка. Это говорит о тесной духовной связи парня с родным домом и о неприятии чужой «культуры». Именно поэтому главный герой скучает по родной деревне и дому. Используя приём психологического параллелизма, писатель подчёркивает, что вынужденный покинуть отчий дом во второй раз и вернуться в общежитие после каникул, Генка переживает разлуку тяжело: *«День расставания был теперь ещё тоскливее, чем в первый раз. Серый, туманный. Коровы осень чуяли, ревели в поскотине протяжно. Сквозь туман и морось из Зимнего лога слышались жалобные крики желны. Вершины гор прикрылись клубами туч, словно кутались в них, ожидая прихода зимы»*.

Отношения между людьми иные, нежели в доме. Обособленность жителей общежития и неустроенность быта толкают Генку и его товарищей на обман и воровство. Генка, поддавшись уговорам Лёвки Головина, занял денег у Ваньки Шаврина и украл колбасу у Марка Реймана. Становится ясно, что в общежитии происходит изменение представлений о человеке и вечных ценностях, обостряется ощущение пустоты, усиливается внутренний разлад героев: *«Терялось что-то единственное, дорогое, давнее. Дружба, связь душевная рвалась»*. Фотьев обращает внимание на потерю связи между людьми и слаженности жизни, на утрату вечных ценностей, на внутренний разлад в душе героев. Всё это способствует возвращению Генки Осокина и его друзей в родную деревню и дом, где они обретают гармонию с собой и семьёй.

Необходимо добавить, что противопоставление дома и общези-тия переходит у Н. Фотьева в противопоставление города и деревни, что позволяет говорить об особенностях мироощущения писателя, близкого писателям-деревенщикам В. Белову и В. Распутину. Таким образом, анализ пространственных образов произведений амурского автора позволяет сделать вывод о правомерности включения творчества Н. И. Фотьева в контекст русской литературы второй половины XX века.

В повести «За отчим порогом» символична встреча «естественного человека» – Генки Осокина, с жуликами-картёжниками на рынке Бийска, которые, обманывая наивных и доверчивых людей, зарабатывают себе на жизнь. Этот эпизод моделирует в миниатюре отношения между людьми в городском пространстве. Генка не может понять и принять этого: *«Душа Геннадия протестовала: откуда и почему всякое такое жульё берётся? Ведь всех рожали матери человеческие. Все одним воз-духом дышат, одну земную пищу едят, одни законы для всех, почему?»*.

Генка Осокин, как и его родители, живёт по законам природы. Рассказывая об уходе героя в город на учёбу, Фотьев обращает вни-мание на то, что он не просто оставил семью, а, подобно растению, «отпочковался» от неё. Позже и сам Генка придёт к мысли о един-стве всего живого на земле. Возвращаясь домой на каникулы, он за-мечает, что весна, как женщина-крестьянка, усердно, не покладая рук, выполняет свою нелёгкую работу: *«Управилась весна со снегом, будто горячую страду отвела. Круглосуточно трудилась»*.

В 1981 году в московском издательстве «Современник» был из-дан сборник повестей и рассказов «Горная малина». Открывается он повестью «Родительский день», знакомой читателям по публикации в журнале «Дальний Восток».

Ирина Мерзликина в родительский день поминает ушедших из жизни близких и родных ей людей: *«Праздник этот всегда бывает во вторник, но ещё за день до него становится она задумчивой, кротко-печальной и молчаливо-благодичной...»*

Конечно, она и в будние дни помнит о родителях и родных, но в этот день, во вторник, после пасхи, вспоминает особенно. Вспо-минает, как положено по давнему обычаю, как привыкла, и чтоб ничто не мешало, чтобы всё вспомнилось и увиделось как наяву.

Тогда и думается хорошо, и плачется. И рассуждает она светло, и даже беседует мысленно с теми, кого уж нет давно в живых. И вроде облегчится душа, успокоится, и жизнь, и люди делаются ближе, понятней, дороже. И хочется пожить ещё, посмотреть на

белый свет и успеть побольше сделать такого, что было бы людям в радость и облегчение».

Так начинается повесть и в том же светло-печальном, лирическом ключе продолжается вплоть до следующих заключительных фраз: *«Помянула... Вспомнила... И всю жизнь ещё раз на весы положила, и как судьбу со стороны посмотрела. Вот она, её жизнь человеческая. Не счесть людей на земле. Есть судьбы и жизни схожие, есть разные и очень разные. А Ирине вот такая выпала...»*.

Судьба Ирины Мерзликиной в повести учит светлому отношению к окружающему миру, доброму отношению к людям.

Главный герой большинства фотьевских произведений – «естественный человек», основополагающие ценности бытия которого неразрывно связаны с землёй. Так, «кровь и плоть» обретает в представлениях Ирины Мерзликиной душа человеческая: *«А душа-то, она тоже корни имеет. Большие корни!»*. Да и «того бога, что проживал где-то в небесах и которого никто никогда не видел», «Ирина не признавала». Она верит только в то «высшее», что живёт *«в самих людях, в деревьях, в травах, в земле родящей, в воде и в воздухе»*.

Существование «естественного человека» тесно сопряжено с глубокими философскими раздумьями о жизни и смерти, о непрерывности человеческих поколений, о сохранении памяти, корней и традиций. Ирина Мерзликина считает, что человек приходит в этот мир для того, чтобы продолжить жизнь на земле в детях и внуках, оставить память не только о себе, но и своих предках. Она остро ощущает себя связующим звеном в цепи поколений, и даже в родительский день, один из самых главных дней в её жизни, Ирина думает не только о тех, кого уже нет в живых, но и о тех, у кого ещё всё впереди: *«Нет, не может Ирина не думать о жизни и о смене молодой. После неё остаются дети и внуки, и ей не всё едино, какие они, как без неё жить будут. И теперь она не только ушедших вспоминает, но и сравнивает их с теперешними и не хочет, чтоб теперешие в чём-то уступали тем, кто жизнь для них поставил»*. В преддверии родительского дня героиня Фотьева переживает особые чувства и, несмотря на преклонный возраст, находит в себе силы справиться с такой работой, которую в обычные дни ей делать в тягость: *«В последние годы Ирине всё трудней управляться враз с квашонкой и вытопкой печи, но в родительский день к завтраку у неё уже всё готово: испечены и помазаны масляным крылышком шанежки, печенюшки и калачи, сварены и покрашены яички»*.

Но не только Ирина Мерзликина, умудрённая опытом, вырастившая детей и внуков, мыслит себя звеном в непрерывной цепи поколений. Это ощущение знакомо и молодому Веньке Прохорову («Горная малина», 1981), для которого каждый житель приисковой заимки продолжатель своего рода. Глядя на двоюродного брата Авдоську, отец которого погиб на войне, Венька думает: *«...нет Александра Пименова – дяди Сани. Война взяла. И всё же, как будто есть – вот он, в сыне своём, в Авдоське»*.

Образ фотьевского «естественного человека», духовно богатого, нравственно состоятельного, восходит к традиции русской классической литературы, к творчеству Л. Толстого и целого ряда писателей-деревенщиков: все они именно в народе, в простом человеке, тесными узами связанным с землёй, видели носителя идеала, общечеловеческих ценностей.

Заметим, что для «естественного человека» музыка является тем началом, которое должно нести в себе гармонию и объединять людей.

Для Ирины Мерзликиной песня вообще сродни человеческой душе: *«Душа да песни для Ирины – почти одно понятие. Ведь сколько людей через песни сдружились! Иные в ссоре были и то друзьями становились, потому что песни у них ладно получаются, голоса сходятся. Души, значит, близкие»*.

Надо сказать, что персонажи произведений Николая Фотьева – это в основном люди-труженики. Таков и Венька Прохоров, герой повести – «Горная малина», давшей название сборнику.

Живёт Венька Прохоров на заимке, где и в мирное время было не так уж много мужчин. Фронт забрал и тех немногих, из которых далеко не все вернулись в родные края. Так что трудная мужская ноша хозяина и работника рано легла на плечи юного героя. Он не по годам быстро окреп и повзрослел. И за короткое время стал в центре внимания небольшого селения. Дело в том, что смастерил Венька гармошку, научился играть на ней и стал желанным гостем в любом доме. Не одна сверстница или молодуха заглядывалась на него. Мать – Соломея Прохоровна, образ которой чем-то напоминает Ирину из «Родительского дня», – тревожится за него: *«испортят парня эти вечные гулянки, это постоянное женское внимание. Чай, ему ещё и семнадцати нет»*.

Образ героя дан в развитии. Оказывается, Венька не только на гармошке играть, но и многое другое может. Преодолев нелёгкий путь в тридцать километров по горной тайге, он тут же, не отдохнув,

начинает строить себе жилье. Пока только шалашик на ночь. А потом принялся и за избу.

Три дня продолжалась тяжёлая работа. Нехитрое, казалось бы, получилось сооружение. Но ведь строилось в одиночку, молодыми, не окрепшими руками. Уважения достоин этот рано повзрослевший паренёк с далёкой заимки. Немало унаследовал он от своего деда и отца: оба были опытными строителями и охотниками. Недаром он пришёл именно в те места, где они когда-то охотились. Недаром даже во время работы постоянно думает о них. Воспоминания к тому же подогреваются разными обстоятельствами. Вот случайно найденная гильза от патрона, очень похожая на те, которые были у отца. Вот встреча со старым алтайцем Тайдоном, который хорошо знал Дрона и Аверьяна.

Почему повесть названа «Горная малина»? Ведь несмотря на то, что описанию природы посвящены многие страницы, о малине сказано совсем не много. Может быть, потому, что в поисках подходящей стоянки Венька случайно нашёл место, сплошь покрытое зарослями горного малинника? Может быть. Но возможно и другое. Ведь Венька уходит в тайгу не просто за добычей, но и для того, чтобы проверить себя, свои силы и возможности. Свой экзамен он сдаёт в красивейшем месте – среди зарослей малинника. Так горная малина приобретает некое символическое значение, напоминая читателю, что жизнь в тайге прекрасна, но и трудна, что путь туда, где растёт горная малина, нелёгок и непрост.

Герой показан настолько выразительно, что уже нетрудно мысленно представить его дальнейший жизненный путь. Это наверняка будет путь человека с добрым и открытым сердцем, с умными и старательными руками.

Запоминаются в повести и второстепенные персонажи. Это Авдонька, Тайдон, мать Веньки – Соломея. Надо заметить, что исключительная черта большинства героев Фотьева – их отзывчивость и доброта. Может быть, этому способствует их постоянная связь с природой. Красота её размягчает душу. Да и жизнь и работа в трудных таёжных условиях поневоле приучает к взаимовыручке.

Нет, не скажешь, что герои писателя вовсе без недостатков. Автор умеет подметить и какие-то отрицательные или смешные черты в их поведении, в характере, во внешности, чтобы с мягкой усмешкой сказать об этом. Но тем самым его герои, не лишаясь своего обаяния, становятся только естественней, ближе и понятней читателю.

Сюжет повести «Глухой туман» хорошо продуман. Стиль четок. Язык лаконичен. Она психологична. В ней повествуется о тонких взаимоотношениях в непривычных для большинства из нас условиях – во время плавания по таёжной реке.

Хорошие люди – главные герои повести: Герасим Иванович Карбасов и Петр Агеевич Малахов. Первый – поисковик, разведчик-археолог, второй – журналист и художник. Первый, как пишет автор, *«терпел предкандидатские лишения. Таскал тяжёлые сидоры, лез через опасные пороги, кормил таежного гнуса, шёл на медведя, чтоб не загнуться с голоду, спал в палатках, месяцами не видел молодой жены и сынишки»*. Второй *«когда-то был районным газетчиком, потом его взяли в областную газету, в сельскохозяйственный отдел, где и работал он уже много лет. В газете он считался “аграрником”. И, конечно, его чаще всего посылали в хлебные места, в степные. Лишь изредка командировали в связи с какой-нибудь кампанией куда-нибудь в леса и горы. А такие-то места ему как раз и нравились – нравились больше, ибо и вырос он не в степи»*.

Разные люди – Карбасов и Малахов. И не только по профессии, но и по характеру. Один – человек волевой, целеустремленный, другой – натура художническая, склонная и пошутить, и чисто поребачьи в минуты отдыха побаловаться. Не в первый раз отправляются они в долгое путешествие по тайге, и всегда все проходило гладко. Не сказывалась разница характеров в их взаимоотношениях. Но когда-то должна была все-таки сказаться. И вот это произошло. Карбасов удручён тем, что экспедиция никаких результатов пока не принесла, и потому не скрывает свою злость, конфликтует с окружающими.

Автор решает в своём произведении серьёзную жизненную и общественно важную проблему – проблему отношений между руководителем и подчинёнными. Пусть конфликт происходит в небольшом коллективе, в необычных условиях. Своей остроты он от этого не теряет.

Карбасов постоянно превышает свои полномочия. Этого-то как раз и не понимает Малахов. *«Надо было знать, что и для чего делается. Ведь он тоже чувствовал себя ответственным за плавание. Карбасов же, видимо считал, что за всё отвечает только он и всё делаться должно, как скажет он. Он, наверное, привык к этому, когда брал себе в помощники студентов»*.

– А может, вот так лучше? – спрашивал Малахов.

– Делай, что говорят!

– Да не могу я делать то, чего не понимаю!.. Объясни, чёрт возьми!...».

Так постепенно назревает конфликт. Его кульминацией стала гибель щенка, которым Карбасов очень дорожил. Щенок попал под лесину, которую Петр Агеевич тащил к костру.

Происходит резкое объяснение. «Я тебя никогда не считал другом!» – заявляет Карбасов. И Малахов, оскорблённый, покидает экспедицию поздно вечером, в глухой туман.

В общем-то, конец у повести благополучный: Малахов и до места без особых приключений добрался, и с Карбасовым с течением времени помирился. Но в экспедиции они уже вместе не ходили. Что же это – несовместимость? Да нет, дело гораздо сложнее. Дело в назначении человека, в его поведении на работе и в обществе, в его отношении к товарищам и вообще к людям, с которыми приходится сталкиваться. Подчёркивая положительные качества Карбасова – его прямоту, честность, трудолюбие, – автор все-таки отдаёт предпочтение Малахову. Он добрей, отзывчивей, человечней.

Конфликт разрешен в пользу сердечного, а не бездушного отношения к людям. Впрочем, хотя противоборство двух начал и является центральным в повести, она не ограничивается только им. Широко и точно, до деталей, показаны и быт таёжной деревни, и её жители, и картины таёжной природы.

Излюбленным приёмом писателя в изображении извечной связи между человеком и природой является психологический параллелизм. Так, в повести «Глухой туман» туман не только природное явление, но и символ глубокого внутреннего разлада, «неразберихи» в душе главного героя – Петра Агеича Малахова, разочаровавшегося во время таёжного похода в своём спутнике и близком друге Геннадии Ивановиче Карбасове: *«Ах, какой это был туман! И такая глушь от него! Такая тишина! Он обступал со всех сторон, напоминая густые кучевые облака, которые пробивает иной раз самолёт. Туман, казалось, чуть-чуть шуршал и пенился возле ушей, как парное молоко. Было в этом что-то таинственное и зловещее. Казалось, сделаешь шаг и провалишься в бездну»*. Туман, «глухой, тяжёлый, плотный», поглощает всё вокруг так же, как и тяжёлые раздумья поглощают душу героя.

Но природа не враждебна по отношению к Малахову. Ведь именно благодаря туману, герой, оказавшийся один среди ночи в лесу, сориентировался в пространстве и выбрался из тайги: *«Просто надо*

держаться ближе к чистой белой стене тумана, где нет деревьев. Там река. Если уходить далеко, стена эта виднеется сквозь прозрачные стволы деревьев справа. Это даже хорошо, что есть белая стена». Фотьев настойчиво напоминает, что человек и природа – единое целое, и как только Пётр Агеич почувствовал это, у него словно открылось второе дыхание, и он благополучно добрался до посёлка: «Кочки, валежник, ямы, колдобины, сучья, трава, непролазный кустарник, сухие завалы, мхи... Сколько всего этого прошёл Пётр Агеич! А не устал. Нет. Его словно несло, толкало что-то дальше, вперёд. Наверное, он всю ночь вот так шёл бы, пока не упал в изнеможении».

Главной в прозаическом творчестве Н. Фотьева является тема связи человека с природой. Тематический диапазон повестей амурского автора довольно широк: от развития самосознания юноши до темы памяти, неразрывной связи поколений. Однако какую бы тему не затрагивал амурский автор, он всегда обращается к первооснове человеческого существования: к связи человека с природой. Эта связь интересует писателя в нравственно-философском аспекте: у Н. Фотьева только тот достоин называться человеком, кто мыслит себя частичкой природы, ощущает тесное, неразрывное единство с окружающим миром. Причём само понимание природы у писателя усложняется – это мировоззренческий, философский контекст, включающий человека с его духовностью в систему мироздания. Николай Фотьев кровно связан с землёй, он был заядлым рыбаком и охотником. «Человеком природы» назвал его известный амурский прозаик, поэт, публицист и добрый знакомый – Алексей Воронков. Фотьев не просто любит родную землю, он испытывает к ней сыновние чувства. Земля для него – символ жизни.

Так сложилась судьба, что Николай Фотьев стал городским жителем, но на лоно природы его тянуло всегда. Будучи журналистом, он вдоль и поперек исколесил амурскую землю, не переставая восхищаться её бескрайними просторами. Да и в свободное от работы время писатель не засиживался в городской квартире, а вместе с друзьями отправлялся туда, где ещё «не ступала нога человека» и куда добраться можно было только на вертолёте, на бронетранспортёре или на вездеходе. При этом он никогда не пасовал перед трудностями. Талантливый амурский прозаик Борис Машук, исходивший вместе с Фотьевым немало путей-дорог, в своё время делился с читателями газеты «Амурская правда» невыдуманными историями о том, как «путешественники» не раз оказывались лицом к лицу со смертью,

чудом оставались живы, но, едва оправившись, вновь шли навстречу трудностям, поскольку знали, что в них закаляется человек, воспитывается твёрдость духа: *«Можно вспомнить, как на одной из рыба-лок, “удачно кувыркнувшись” из лодки, мы выгребали на берег под шуриание весенней шуги. Или как в поисках выхода из западни не-сколько раз спускались и поднимались среди отвесных склонов пере-вала, чувствуя хруст в коленях и цепляясь за редкий кустик, радуясь острому выступу камня»* («Амурская правда», 1997, 11 декабря).

Человека Николай Иванович Фотьев видит через природу, а при-роду через человека, тем самым, реализуя в своём творчестве мысль о единстве всего сущего на земле. Мысль о единстве всего сущего на земле является лейтмотивом всех повестей Н. Фотьева и реализуется, так же как и у В. Астафьева в «Царь-рыбе», через принцип ассо-циаций между человеком и природой. Принцип ассоциаций, орга-нично вплетающийся в ткань произведений, становится направляю-щей сознания и поступков главных героев. Вся структура образов, начиная от образов персонажей и заканчивая изобразительно-выразительными средствами, выдержана у Н. Фотьева в одном ключе: человека он видит через природу, а природу через человека. Их отношение прозаик предлагает рассматривать как отношение род-ственное, как отношение между матерью и её детьми. Принцип ассо-циаций, способствующий наиболее полной реализации этой мысли, по существу, становится принципом поэтики фотьевских повестей, вскрывая главную, исходную позицию автора.

Основным принципом типологии персонажей в повестях Н. Фотье-ва является характер их отношения к природе, который одновре-менно выступает и в качестве главного мерила нравственной зрело-сти действующих лиц.

В повести «Шиповник» (1971), например, судьба Пашки Трима-сова – бывшего заключённого, на протяжении всего произведения настойчиво пытающегося понять своё предназначение в жизни, упо-добляется течению реки. В финале повести, когда герой приходит к определенному миропониманию, автор пишет: *«Пашкина жизнь вошла в берега»*. Тесную связь между миром природы и миром чело-века чувствует и сам герой. Он замечает, что *«травы и деревья отряхнулись, разделись перед сном»*, а *«белый, раздумчивый снег»* будто бы *«усыплял их»*.

Герой повести «За отчим порогом» (1992) – Генка Осокин – тоже живет по законам природы. Рассказывая об уходе героя в город на учебу, Фотьев обращает внимание на то, что он не просто оставил

семью, а, подобно растению, «отпочковался» от неё. Позже и сам Генка придет к мысли о единстве всего живого на земле. Возвращаясь домой на каникулы, он замечает, что весна, как женщина-крестьянка, усердно, не покладая рук, выполняет свою нелегкую работу: *«Управилась весна со снегом, будто горячую страду отвела. Круглосуточно трудилась»*.

Фотьевских персонажей можно разделить на два типа: «естественный человек», который мыслит себя как органичную, неотъемлемую часть всего живого на земле и «человек-хищник», смысл жизни которого заключается в удовлетворении своих собственных потребностей, чаще всего, материальных. Необходимо подчеркнуть, что эти типы героев, также как и басенные персонажи Н. Фотьева, встраиваются в традиционную схему «герой – антигерой».

Необходимо отметить, что типы персонажей «естественный человек» и «человек-хищник» не являются художественным открытием Н. Фотьева – они имеют богатую литературную традицию. Тип «человека-хищника», прожигающего свою жизнь в погоне за материальными ценностями, и не замечающего высшего смысла жизни получил развитие в творчестве Ф. Достоевского, Л. Толстого, А. Чехова, В. Астафьева, В. Распутина, Ю. Трифонова и др. К художественному осмыслению типа «естественного человека» в русской литературе обращались А. Пушкин, М. Лермонтов, Л. Толстой и целый ряд писателей-деревенщиков.

Образ фотьевского героя «естественного человека» восходит к традиции русской классической литературы и писателей-деревенщиков, которые, несмотря на ряд отличий, также эту традицию унаследовали: все они именно в народе, в простом человеке, тесными узами связанным с землёй, видят носителя идеала, нравственных ценностей.

Герои Н. Фотьева, не обладающие выдающейся внешностью и физической силой, несут в себе огромный нравственный потенциал, духовную мощь, что сближает их с героями писателей-деревенщиков.

В поздних повестях автор, как правило, вообще избегает описания внешности героев. Их образы строятся на детальном воспроизведении мыслей, чувств и действий. Отсутствие портрета в данном случае довольно значимо: Н. Фотьев ещё раз подчёркивает то, что ценность человеческой личности определяется поступками, а не внешностью.

Чувство единения с природой позволяет героям ощущать себя частицей всего сущего, звеном в непрерывной цепи поколений. «Естественный человек» Н. Фотьева, так же как и герои Л. Толстого и мастеров «деревенской прозы», – полуязычник, полухристианин. Поэтому именно стремление прозреть в непосредственно данном жизненном материале является доминирующим принципом поэтики фотьевских повестей, направленным «на поиск» глубинных опор духовного существования современного человека. Это является свидетельством близости творческого метода прозаика и писателей-деревенщиков. Отсюда, от полуязыческого, полухристианского мироощущения, философское отношение к бытию, простота и в то же время глубина осмысления жизни и смерти – взгляды, которые уже сложились у пожилых и зрелых героев Н. Фотьева и ещё только начинают складываться у молодых. Однако эволюция развития образа молодого «естественного человека» свидетельствует о том, что он непременно придёт к тому мудрому мироотношению, которое свойственно пожилым и зрелым персонажам.

Противопоставляя в сознании «естественного человека» «своё» и «чужое» пространства, Н. Фотьев, вслед за Л. Толстым и деревенщиками, избегает поэтизации современной деревни: её идиллический облик живёт лишь в памяти тех героев, которые уже прожили большую часть своей жизни. Осуждая современный уклад, они при этом не являются морализаторами, а выступают в качестве «учителей», духовных наставников молодого поколения, стремясь передать им свой богатый нравственный опыт.

Почти во всех повестях Николая Фотьева гармоничному «естественному человеку» противопоставлен «человек-хищник», разрушающий мир внутри и вне себя, поскольку смысл его жизни заключается в удовлетворении своих собственных потребностей, чаще всего материальных.

В повести «Шиповник» писатель даёт отрицательную характеристику современного городского человека. Роман Рунов является завсегда-таем ресторана. Он – мастер своего дела, «специалист первого класса», целеустремлённый, настойчивый и трудолюбивый человек. Его друг – Пашка Тримасов, чувствующий тонкую, едва уловимую связь между всем живым на земле, вспоминает, что ещё в школе Роман «в радиотехнике разбирался как профессор»: *«Если бы все так своё дело знали, как Роман Рунов, жизнь, может, распрекрасная была бы»*. Но работа, первоначально приносившая Роману духовное удовлетво-

ние, постепенно становится для него средством достижения материального благополучия, комфорта. При этом он не опускается до гонки за рублём, его задача – не жалкое накопительство, а престиж в обществе. Всю неделю он работает только для того, чтобы в субботу отдохнуть в ресторане, и, возможно, даже потратить на это все свои сбережения. *«Ведь не каждый день сидим, а по субботам. И ресторан, между прочим, для того и существует. Есть деньги – иди, нет – сиди дома»*, – «с сознанием полной правоты» рассуждает герой. Он без сожаления «сорит» деньгами, создавая, таким образом, иллюзию внешнего благополучия, лоска. Жизнь превращается для Романа в игру. Пашка замечает, что *«Роман отличается странным каким-то вкусом насчёт девушек. Выберет – смотреть жалко. Зато, говорит, легко расстанусь. Вы долго ищете и переживаете потом, а я спокоен»*. Причина такой жизненной позиции кроется, скорее всего, в равнодушии: именно пустота души, безразличие к окружающим людям определяют «амбивалентность» характера героя, позволяющую ему с лёгкостью имитировать и страстную любовь, и глубокое спокойствие. Жизнь Романа Рунова, внешне яркая, деятельная, насыщенная событиями, на самом деле является скучной и однообразной, превращается в замкнутый круг. Её смысл сводится к одному – к посещению ресторана. Там все, от официанток до вахтёров, знают и уважают Романа, благодаря чему он чувствует себя в этом заведении «своим»: *«Шейк откалывает, пушинкой порхает вокруг своей голена-стенькой и носатой подружки»*. Пашке же ресторан и его посетители внушают глубокое отвращение: *«В ресторане как всегда было полно народу. Играл оркестр. Этот оркестр – просто наказание. Электрические гитары, пианино или, как его там малюсенькое, но тоже электро, труба визжит, саксофон воеет. Адская музыка! А как разговаривать? Кричать. Как в лесу? Все тянутся к уху друг друга, тужатся, голоса хриплые. Шум такой, что голова пухнет. Отдых называется. Пашка всегда ждёт не дожждётся, когда оркестр замолчит, чтоб ему сдохнуть»*. В конце концов, он признаётся Роману: *«Не могу я в этой клоаке! <...> Лучшие уж под забором...»*.

Основная причина нравственной деградации видится писателю в утрате связей современного человека с природой, в его отрыве от корней. Отражением этой тенденции является «человек-хищник», смысл жизни которого заключается в удовлетворении своих собственных потребностей, чаще всего, материальных. В этом смысле довольно символично то, что автор, как правило, не указывает на то,

где родился герой, принадлежащий типу «человек-хищник», где живут его предки и родственники. Чаще всего, «человек-хищник» – городской житель. В городе, как пространстве максимально отдалённом от живого природного мира, система ценностей «естественного человека», которая, согласно Н. Фотьеву, и определяет основу нравственного «кодекса» народной жизни, существенно трансформируется, теряет свою сущность. Особое значение для «человека-хищника» приобретают явления, связанные с удовлетворением его материальных, а не духовных потребностей. В современном мире материальная ценность вещей заслоняет человека, он оценивается обществом по тому, насколько дорогими вещами он обладает. Единственная ценность для «человека-хищника» – это деньги. Ценности «естественного человека» – земля, труд, память о предках, женщина-мать – превращаются в его сознании в антиценности. Человек, живущий в городе, бесцеремонно вмешивается в жизнь природы и пытается навязать ей свои условия игры, что неизбежно влечёт за собой катастрофу. Разрушая тонкие, едва уловимые связи между всем живым в окружающем его мире, «человек-хищник» подвергает разрушению самого себя, как неотъемлемую часть природы.

В городе, как пространстве максимально отдалённом от живого природного мира, система ценностей «естественного человека», которая, согласно Н. Фотьеву, и определяет основу нравственного «кодекса» народной жизни, существенно трансформируется, теряет свою сущность. Особое значение для «человека-хищника» приобретают явления, связанные с удовлетворением его материальных, а не духовных потребностей. Персонажи, принадлежащие этому типу, по словам Ирины Мерзликиной, «...говорят о всяких нарядах, да модах, да машинах, да театрах, да книгах, да коврах, да мехах, да квартирах со всеми удобствами». Писатель очень точно передал характер взаимоотношений между человеком и вещью, присущий, преимущественно, литературе XX столетия. В современном мире материальная ценность вещей заслоняет человека, он оценивается обществом по тому, насколько дорогими вещами он обладает. И если Роман Рунов не придаёт значения предметам материального быта, то ряд других героев Фотьева превращается в рабов вещей. Они живут и трудятся только ради их приобретения.

К числу таких персонажей относится Зинка, сестра Пашки Тримакова, и её муж: *«Зинка официанткой работает, звонкую копейку зашибает. Зятюха шоферит и тоже с места не сдвинется, если впере-*

ди монета не маячит. Интерес, мол, должен быть, интерес... Только и бубнит про это. Квартира так себе. Зато мебель самая дорогая, не притронься, не дыши на неё». А в холодильнике у них «всегда неприкосновенный запас на случай, если нужного человека угостить придётся». Пашка с позиции «естественного человека», для которого гораздо важнее духовное содержание человека, нежели его возможности обладать теми или иными вещами, вообще отказывает видеть в них людей: «Да разве ж это люди? Ты мне, а я тебе».

Автор не только рисует картину мещанского быта, но и в очередной раз подчёркивает мысль о губительном влиянии цивилизации на человека. Зинка не чувствует того, что они с Пашкой – дети одной матери, родственные души. Пашка, вынужденный из-за отсутствия собственного жилья какое-то время побыть у сестры, чувствует себя «чужим» в её семье: ему даже «заказано» заглядывать в холодильник. Отношения между близкими людьми противоположны тем, которые рисует Н. Фотьев на страницах «Горной малины», «Глухого тумана», «За отчим порогом»: Венька Прохоров («Горная малина», 1981) и Генка Осокин, находясь вдали от дома, ни на минуту не прекращают думать о родителях, о младших братьях и сестрах; с особым трепетом относится к матери и Пётр Агеич Малахов («Глухой туман», 1982).

К числу персонажей, подобных Зинке и её мужу, относятся многочисленные образы людей творческих профессий из повести «Жених запаса»: Ашот Годиани, Веня Жмуркин, Миша Розин и др. Работа для них – это, в первую очередь, возможность зарабатывать деньги, которые можно потратить на приобретение самых различных вещей: Ашот Годиани, например, «клепает» на «Волгу», Миша Розин вкладывает деньги в строительство кооперативной квартиры на юге Украины, Веня Жмуркин преследует более мелочные цели – «в перстнях ходит и самые модные одёжки носит». Все они живут по принципу, очень точно сформулированному Мишей Розины: «Если можно взять кусок с маслом, то почему бы его не взять».

Н. Фотьев создаёт в произведении яркие картины нравственного распада личности, целиком зависящей от власти денег. Веня Жмуркин, будучи совершенно бесталанным, использует самые безнравственные способы зарабатывания денег. У него существует свой метод заключения выгодных сделок: «Является он по выбранному адресу и с такой важной физиономией начинает советовать, как и что лучше оформить – кабинет там, интерьер холла, или Доску почёта.

Рассуждая, раскрывает модный кейс и раскладывает перед нужным человеком множество фоторепродукций с тех или иных якобы его работ, которые экспонировались на республиканских выставках и высоко, очень высоко оценены. Заказчик-то всё равно не знает, чьи это работы... Во время демонстрации образцов Веня вдруг "случайно" обнаруживает в кейсе парочку бутылок коньяку, коробочку прекрасных конфет и баночку паюсной икры. И вот, смотришь, после дегустации деликатесов уже по рукам бьют – сделка состоялась».

Рассуждения о губительной власти денег автор вкладывает в уста Петра Лучина, взгляды которого довольно близки автору. Пётр знал, «какое это безграничное вместилище человеческого труда – деньги. Какое верное и жестокое средство обуздания, закабаления и унижения человека! Какой надёжный способ накопления чужой силы и власти в одних руках!

Капитал... Те, кто владеет капиталом, стремятся употребить его с наибольшей выгодой для себя, стремятся завладеть ещё большим капиталом. И тут все средства хороши. В том числе и самые подлые».

Именно желание заполучить как можно больше денег заставляет человека идти наперекор природе. Писатель затрагивает в повести ту же проблему, которая была поднята В. Распутиным в «Прощании с Матёрой»: вмешательство неразумной человеческой воли в естественный ход вещей. Правда, в «Женихе запаса» она не столь глобальна – речь идёт только об «усмирении» реки и о затоплении территории, незаселенной людьми, но сам факт насилия над природой, вызванный жадой наживы, поражает Петра Лучина до глубины души: «Как всё тут было разворочено! Раскопано, разъезжено, расхристанно! <...> Река, которую предстояло усмирить, казалась уже ручной, одомашненной, обиженной. Велико было всё вокруг и страшно».

Единственная ценность для «человека-хищника» – это деньги. Ценности «естественного человека» – земля, труд, память о предках, женщина-мать – превращаются в его сознании в антиценности. Человек, живущий в городе, бесцеремонно вмешивается в жизнь природы и пытается навязать ей свои условия игры, что неизбежно влечёт за собой катастрофу. Разрушая тонкие, едва уловимые связи между всем живым в окружающем его мире, «человек-хищник» подвергает разрушению самого себя, как неотъемлемую часть природы. Земля для него – не кормилица и поилица, как для «естественного человека», а всего лишь одна из многочисленных сфер деятельности. И если «естественный человек» ухаживает за землей, лелеет её как живое су-

щество, то «человек-хищник» на ней работает в строго отведённое для этого время. В городе, где живёт Ирина Мерзликина, для прополки используют химикаты, нарушая естественный природный баланс, что вызывает протест у «естественного человека»: *«Роман с Аркадием Савёлычем стоят за то, чтоб с сором природным способом бороться – паровать земли-то. <... > А так-то, говорят, что получают. Пчёлы должны летать по полям, мёд собирать и плодотворную пыльцу разносить, чтоб урожай выше был, а мы пчёл заодно с сорняком убиваем. И не только пчёл - всякую другую насекомость. А насекомость-то – для птиц кормёжка. А птицы всяких вредных червяков и букашек склёвывают. Вот и потянулась, глядишь, верёвочка. Одно тронь - и другое рушится»*. Н. Фотьев показывает возможные последствия такого отношения к природе, к земле. Ирина становится свидетелем того, как людям, находившимся в автобусе, который проезжал мимо полей во время одной из таких прополок, становилось плохо: *«Пассажиры... блевали в автобусе от теперешней прополки»*.

Герой повести «Шиповник» (1971) Пашка Тримасов возвращается из не столь отдалённых мест. Двадцатилетний парень два года отсидел за то, с шумной пьяной компанией на вокзале избил человека в ответ на просьбу покинуть общественное место. *«Судили не большие часу. Потом в колонию препроводили»*. Там и познакомился Пашка с сердечным стариком, он тоже сидел вроде бы за *«пустяковое дело»* – *«чуть не весь институт спалил»*. Душевный старик, преподавателем работал. Для Пашки он был просто – Абрамыч. Однажды старик ошибся и вместо чая приготовил чефир, сердце не выдержало, и он умер. Пашка в память о нём в мёрзлую землю посадил в жилой зоне шиповник, и с той поры пристало к нему прозвище – Шиповник. После удачного опыта садовода Пашка перешёл к огородничеству: посадил рядом с шиповником огурцы, все заключенные любовались молоденькими огурчиками, *«похожими на бурундучат»*, и никого даже не тянуло выдрать их с корнем. А когда в зону пронесли водку «эки» и потребовалась закуска – попросили её вежливо и стыдливо у Пашки.

И вот поезд мчит Пашку к новой жизни. Назад пути не было. Уходя из зоны, клялся: *«Ребята! Не ждите!»*. Для начала поехал к Вале. Он её ни разу не видел, если не считать портрета в газете. Она депутат райсовета, передовая доярка. Все дружки из колонии кому-то писали письма, решил и Пашка Вале написать. Сначала не хотел, а потом её *«широко, подробно вообразил»*, и неудержимо рука потянулась к перу.

«Валя получала письма и читала, как художественную литературу, подругам показывала, да потом от них отбоя не было; нет ли новых?». Но от Вали он ушёл и от родной бабушки ушёл. Пашка искал себя, старался не «сорваться». Однажды все же одному дураку (так уж получилось, что они его всю жизнь окружали) крепенько поддал. Напрасно дрожал, пронесло, и говорили потом в райгородке, что «жена пострадавшего будто бы даже довольна была».

Незачем пересказывать все мытарства Пашкины, любовные, философские рассуждения. Ясно одно: со старым он завязал наглухо. Снова стал после любимой работы баловаться спортом, живописью, стихата пописывал даже: «И все мне хотелось плакать, припав к дорогой груди».

Только к самому концу повести автор помог ему исправиться окончательно. Пашка закончил техникум, поступил в институт да и в руководящие товарищи пробился, а все потому, что «работал как бешеный». Вот и вся повесть о трудном, мучительном пути Пашки в жизнь. Повесть написана легко, свободно.

Человек, живущий в городе, поступает так, как ему проще, а не так, как того требует природа. И, вопреки наставлениям Аркадия Савёлыча, в городе продолжают жечь осеннюю листву и увозить уличную пыль на свалку, вместо того, чтобы укладывать всё это в специальное место: «Это же такое удобрение, когда перегной из листвы-то получается!».

Труд, не только на земле, но и любой другой, превращается для горожан в обременительную обязанность. Ирина сетует на то, что даже её внук Бориска «ничего физически делать не стремится. В магазин и то не всегда пошёл». Учится, конечно. Так и то вроде – шалей-валяй».

Утрата связей с природой неизбежно влечёт за собой забытьё предков. И хотя в городе тоже поминают, но это, скорее, дань моде, нежели искреннее желание, потребность души, как для «естественного человека»: «Оно и в телевизоре теперь часто показывают, как приходят люди к памятнику, кладут венки, снимают головные уборы и долго стоят в почетном молчании. А то и к самой земле склоняются». Поминование превращается либо в картинное зрелище, либо в непристойность: «Иные, говорят, там рюмки-то специально ёшибают." До драки напиваются». Это вызывает естественный протест в душе героини.

Отсюда – от безразличия к предкам, к корням, от отсутствия чувства непрерывности человеческих поколений – изменение отноше-

ния к женщине. Она для городского человека не женщина-мать, не продолжательница человеческого рода, а всего лишь член общества, мало чем отличающийся от других. Её предназначение в сознании горожан сводится не к тому, чтобы быть хранительницей домашнего очага, рожать и воспитывать детей, а к тому, чтобы быть помощницей мужчине в выполнении тяжёлого физического труда. Так Н. Фотьев на страницах своих повестей отразил одну из центральных метаморфоз советского общества, когда женщина из матери превращалась в совершенно обезличенное существо, в работника, труженика.

Однако и сама женщина не чувствует своего природного назначения – рожать детей. Ирина Мерзликина, одна вырастившая четверых, удивляется тому, что в семье её сына всего лишь один ребёнок – Бориска. Крайне возмущён тем, что современные женщины, живя в достатке, не торопятся иметь детей и Пашка Тримасов: *«Раньше в сто раз хуже жили, а детей рожали, как по конвейеру, и не жаловались на здоровье. А теперь - ци-ви-ли-за-ция!»*.

Следует отметить, что конфликт города и деревни не имеет в повестях Н. Фотьева абсолютного характера. Писатель показал, что и современную деревню не обошли стороной те процессы, которые являются яркой приметой сегодняшнего дня: духовная деградация, нравственное опустошение и т. д. Свидетельство тому – образ завклубом из повести «Глухой туман». Её избушка (именно избушка, а не дом) производит удручающее впечатление на Петра Агеича Малахова: *«...окна, стены, потолок, пол, плита, стол – всё было как бы забрызгано мятой черёмухой. Это были мухи, мухи, мухи. Гул не умолкал, как в ущелье, когда пчёлы всё время помахивают крылышками, чтобы поддерживать нужную вентиляцию и температуру. <...> На столе навалом лежала немытая посуда, и в таком количестве, будто здесь столдовалась, по крайней мере, бригада. На полу – пыль, мусор, ошмётки грязи»*. Н. Фотьев таким образом подчёркивает мысль о том, что человек, оторванный от природы, независимо от того, где он живёт – в городе или в деревне, обречён на нравственную гибель, духовную деградацию. Живя в окружении богатейшей природы, завклубом подаёт на стол сковороду «с консервированными голубцами», банку «покупного варенья». Кроме того, на столе, который «кое-как прибран», «насыпью» лежат «пряники, ломти хлеба». В этом эпизоде нет поэтизации трудовой народной жизни, и «ломти хлеба» не имеют ничего общего с ароматным хлебом и куличами, которые печёт и заботливо укладывает Ирина Мерзликина.

Писатель утверждает, что цивилизация, вторгаясь в быт человека, живущего на земле, разрушает цельность его натуры. Однако духовный и нравственный кризис современного общества не вызывает у прозаика пессимистических настроений.

Герою «хищнику» Н. Фотьев противопоставляет *«естественного человека»*, мыслящего себя неотъемлемой частью всего живого на земле. Конфликт естественного, природного и искусственного, связанного с цивилизацией прослеживается во всём творчестве Н. Фотьева.

В пространстве, где живёт «человек-хищник», музыка разобщает людей, разрывает всякие связи между ними. Похожее впечатление производит ресторан и на Петра Лучина – главного героя повести «Жених запаса» (1992): *«Да и кто в ресторан-то ломится? Рабочие, творцы, деятели? Чёрта с два. Всё больше – калымичики, ханыжки, бездельники, подозрительные какие-то людишки. Духота, бедлам, пьяные речи, дежурные хохмочки, размалёванные лица, табачный дым и эта гроб-музыка, стократно усиленная электричеством. Орёт – как колом по голове. Вскакивай, хватай чего-нибудь, прыгай, трясись и дёргайся, как припадошный. Иначе несовременно будешь выглядеть. Оно, конечно, и гимнастика, чтоб не засиживаться. Но всё-таки, всё-таки... Не то, ребята...»*. Заметим, что для «естественного человека» музыка является тем началом, которое должно нести в себе гармонию и объединять людей.

Противопоставление двух типов персонажей в повестях Н. Фотьева – «естественного человека» и «человека-хищника» не только служит созданию объективной картины современной ему жизни, но и отражает самые существенные её стороны, ярко высветить характерные явления и тенденции и в то же время глубоко проникнуть в психологию каждого типа персонажей, в их внутренний мир.

Фотьевский «естественный человек», кровно связанный с землёй и, как следствие этого, заключающий в себе огромный нравственный потенциал и духовную мощь, почти всегда является главным героем повестей художника, в противовес «человеку-хищнику», который играет в сюжете второстепенную роль. Возможно, что такая расстановка сил выступает одним из средств выражения авторской позиции, которая заключается в вере в торжество разумного начала, в победу гуманного отношения к природе. Проза Н. Фотьева продолжает традиции писателей-деревенщиков, которые именно в народе, в простом человеке, тесными узами связанном с землёй, видели спасительное начало.

Книга «Поехали за орехами» (2010) была подписана в печать спустя несколько месяцев после кончины Николая Ивановича Фотьева. Этой книге как будто предначертано было стать последней в творческой биографии писателя

Своеобразной итоговой чертой стала вступительная статья «Поклон тебе мой, мать-природа родная!..», сопровождающаяся фотографиями писателя среди родных, коллег, друзей. Автор предисловия, Ирина Назарова, подробно повествует о непростом жизненном и творческом пути известного дальневосточного баснописца и прозаика.

В повести «Поехали за орехами» Фотьев остается верным своей главной теме – поклонению матери-природе, родной земле. В содержании повести кроется важная философская мысль автора: наивысшей ценностью человеческого бытия является земля. Она – сама жизнь, «начало всех начал», кормилица, поилица, врачевательница, способная исцелить человека от духовных и физических недугов. Понимание этого присуще и героям повести «Поехали за орехами» – Байкалову, Дайбову, старику Никитичу, которые отправляются в тайгу для того, чтобы укрепить «телом и духом». Внутренняя рифма в названии произведения – это символ гармонии, душевного лада, спокойствия, всего того, что обретают герои, соприкоснувшись с природой. Не случайно именно эта повесть дала название всей книге.

Н. Фотьев не перестает утверждать, что природа исцеляет человеческие души, вселяет в них гармонию и покой. Понимание этого неизменно присуще и героям Фотьева, затеявшим поездку в тайгу. Там они *«отдохнут от всяких бумаг, сбросят лишний вес, зарядятся витаминами, окрепнут телом и духом»*. Покой – один из ключевых образов в художественном мире произведений писателя – не имеет ничего общего с застоем, а означает внутренний лад, уравновешенность, душевную цельность. Байкалов, Дайбов и старик Никитич – герои повести – ни минуты не сидят на месте: они построили добротное жилище, рискуя жизнью, забираются на высоченные кедры, охотятся, с азартом идут по следу медведя.

При этом повесть «Поехали за орехами», как и многие другие произведения амурского писателя, лишена захватывающего сюжета. Неторопливо, с точностью естествоиспытателя Фотьев создает удивительные картины природы, описывает повадки животных и птиц. Особенно достоверно выглядит рассказ о поползнях: *«Весёлые, шустрые, неустомимые, храбрые птахи. То и дело садились они на ворох с шишками, поглядывая, как бы тут пожитья орешками»*.

Кургузые, чем-то похожие на зимородков, эти головастые носатикки с серо-голубоватым пером деловито осматривали всё и вся. Бывало, сидит кто-нибудь, щёлкает орехи или хлеб жуёт, и птахи – тут же <...>. А нос, не по росту большой, похожий на детскую соску или винтовочный патрон, будто для смеху прилаженный, так и стреляет по сторонам, так и целится, что бы такое склонуть подходящее. И смотрит птаха прямо в глаза человеку, как бы стараясь определить, что на уме у него. Сама-то она всем своим видом совершенно открыто заявляет, что всей душой к человеку, только боится немного».

Не упуская ни малейшей детали, с глубоким знанием дела, писатель рассказывает и о том, как нужно собирать орехи: «Хорош кедр, а тут ещё и рядом стоит почти такой же братец. И чтоб не лазать дважды, надо тянуть за собой на бечёвке подлинней жердину и, взобравшись, орудовать ею во все стороны. Обработал боковые сучья и вершинки и до соседа доставай, прогоняй и с него шишки. Вот так за один лаз, глядишь, мешка два и нашибаешь».

Соответствие правде жизни, доскональное знание художником того, о чем он пишет, – отличительное качество прозы амурского автора. В одном из интервью Фотьев сказал: «Я никогда в своих книгах не врал. Пусть даже кому-то что-то покажется скучным, но зато это правда».

Реалистичность повествования усиливается благодаря автобиографическим деталям. Главный герой повести – Андрей Петрович Дайбов, журналист областной газеты, в прошлом занимавшийся «сельским трудом и лесным промыслом», а потому не желающий мириться с неразумным отношением человека к природе. Немало страниц в произведении – страстные внутренние монологи героя, возмущённого браконьерством, использованием химических удобрений для уничтожения сорняков: «Посевное зерно из-за клеща или ещё чего-то обязательно обрабатывается ядом. И не только клещ гибнет, но и всякая мелкая птишка, успевшая где-нибудь поклевать это зернышко. Сорняки убивают ядом, а вместе с ними гибнут многие виды насекомых, которые служили либо санитарами, либо кормом для птицы. Гибнут, конечно, и опыляющие насекомые, в том числе пчёлки и шмели. Да что пчёлки. Сколько крупных животных погибло!».

Дайбов понимает, что современный человек, бесцеремонно вмешивающийся в жизнь природы и разрушающий тонкие, едва уловимые связи между всем живым, подвергает разрушению самого себя:

«Бедна природа – бедны и радости, и не столько уж будет доброты и красоты в человеке, не та будет любовь его к родным местам, а значит, и к родине. Вот куда ниточка тянется!».

Природа, будучи живым существом, не терпит потребительского отношения к себе. В повести есть символический эпизод, рассказывающий о том, как Байкалов и Дайбов нашли старый «колот» («тяжёлая чурка на длинных ногах-жердинах»), который считался запрещённым, потому что он портил кору на кедрах, и пользовались им только браконьеры: «Дайбов с Байкаловым вовсе не собирались применять его. Они просто попробовали. Ведь когда-то, бывало, от удара “колотом” шишки как град сыпались. А тут – ни одной. <...> Значит, одна надежда – лазить».

Собрался лезть Дайбов. И только поднял голову, чтоб ещё раз осмотреть вершину, как в воздухе шумнуло и в переносе ему саднуло чем-то. Из глаз посыпались искорки. Шишка прилетела. Единственная, будто в наказание за то, что по кедру стукали».

Фотьев не устаёт напоминать читателю о том, что человек находится под властью законов более могущественных и непреодолимых, чем те, которые были изобретены родом людским, – законов природы.

Повесть «Поехали за орехами» демонстрирует мастерство писателя-портретиста. Особенно колоритным оказался старик Никитич – Лука Никитич Сарафанов: «Это был невысокий, костисто-угловатый человек с впалым животом, маленькой петушиной головой и единственным глазом, бесцеремонный до неприличия, почти уж старик, не носивший ни усов, ни бороды. У него были хорошие вены, витиевато оплетающие руки и шею, хороший аппетит, шарнирная подвижность, несколько бестолковая, торопливая с запинками речь. Он редко бывал совершенно трезвым и перебивал чужую речь, неожиданно подскакивал, приседал и значительно вскидывал костистый, прокуренный палец-коготок, посверкивая при этом недоверчивым серым глазом. <...> Одетый в простенький серый костюмишко, мятый, взъерошенный, сумбурно-колючий, он более всего напоминал воинственного воробышку, что делало его не столько опасным, сколько потешным или неудобным». Под стать внешнему облику героя и его речь, яркая, выразительная, эмоциональная. Увидев, на какие высокие кедровые ветви придётся забираться его «согласникам», Никитич говорит: «Надули нас. Хренушки залезешь на такие небоскребы!..».

Вторая повесть – «Юбилей» – на первый взгляд может показаться далёкой от главной фотьевской темы – темы природы. Николай Ива-

нович, словно предвидя близкий конец, решился опубликовать произведение, более тридцати лет пролежавшее в столе. Такова участь повести «В поле прописан», которая после незначительной доработки получила другое название – «Юбилей». Об истории создания и публикации произведения Фотьев рассказывает в предисловии «От автора»: *«...это повесть о том, как во времена Хрущёва, Брежнева и Суслова “поднимали” сельское хозяйство, “догоняли” Америку и воспитывали нового человека»*. Далее в предисловии писатель возвращается к событиям и героям некогда неизданной повести «В поле прописан», явившейся его первым прозаическим опытом. Рукопись повести, в которой руководящие персоны были представлены не в лучшем свете получилась настолько остросоциальной, в духе Фотьева-баснописца, уже отредактированная в издательстве и отправленная в Читту, где начинающий автор намеревался участвовать в литературном семинаре, так и не дошла до места, «потерялась».

На страницах «Юбилея» Николай Фотьев, так же как когда-то в повести «В поле прописан», занимает позицию человека, не желающего мириться с изъянами сложившейся системы управления в государстве. Он задаётся такими вопросами, которые мучают «всякого сколько-нибудь честного» жителя нашей страны. Не случайно, многие сюжетные ситуации в повести перекликаются с первыми баснями писателя, посвящёнными самым больным, самым животрепещущим проблемам тогдашнего села. Повесть со столь сложной судьбой повествует о том, как в середине XX века «поднимали» сельское хозяйство, повсеместно взращивали «королеву полей», о том, как трудно было людям, кровно связанным с землёй, реализовывать «аграрные знания, опыт, здравый смысл», одним словом, о том, «как раскрестьянивались селяне».

А стоило ли сегодня публиковать произведение, рассказывающее о событиях давно прошедших, и чем «Юбилей» может быть интересен современному читателю? Николай Иванович предвидел возможное недоумение по этому поводу и в том же предисловии пояснил: *«Всё имеет свои истоки. Они там – в том времени. Там многое было посеяно. А плоды пожинаем теперь»*. С писателем трудно не согласиться. Любому здравомыслящему человеку понятно, что причины некоторых сегодняшних неудач действительно следует искать в прошлом. Велик список имён тех русских писателей, которые в разное время пытались осмыслить настоящее и прочертить перспективы дальнейшего развития России, обращаясь к её историческому прошлому.

Повесть «Юбилей» – это размышление о том, почему мы так долго шли к гласности, к открытой правде. Ведь не будь застоя, народ

созрел бы гораздо раньше. Эти же мысли звучат в очерке «По старым и новым дорогам» (Н. И. Фотьев называет его генеральной репетицией перед повестью), который ещё в конце 1980-х был опубликован в четырёх номерах газеты «Амурская правда». Рассуждая на эту тему, Н.И. Фотьев затрагивает самые насущные и животрепещущие проблемы современности.

Главный герой повести – молодой зоотехник Алексей Лузин – возмущён, что планы и директивы относительно севооборотов методов и сроков уборки урожая спускаются «сверху» теми, кто мало разбирается в сельском хозяйстве, а людям, выросшим на земле и досконально знающим её возможности, отводится незавидная роль бессловесных исполнителей: *«Один из председателей, коренной житель, хозяйственный и осторожный поначалу ни за что не хотел иметь дела с “королевой полей”... Его один раз вызывали на бюро, второй... После третьего он срочно собрал свой актив и объявил: “Товарищи! Оказывается, это не просто кукуруза, а по-ли-ти-ческая кукуруза! Так что придётся, товарищи, сеять...”»*.

За остросоциальной проблематикой «Юбилея» кроется главная философская мысль автора: земля – наивысшая ценность человеческого бытия. Осознаёт это и главный герой повести. По дороге на поле Лузин видит пойму реки и косогор, которые «в лучах утра» сверкают *«миллионами алмазных искр»*, будто *«само солнце окропило всё вокруг чем-то влажным и блестящим»*, слышит *«зазорные петушиные вскрики фазанов и дребезжащие, похожие на тележный скрип, голоса лениво летящих куда-то цапель»*. Эти «малые радости» наполняют душу героя «покоем, добротой, доверием»: *«Жива земля. Живы меньшие братья. И слава богу!»*.

В произведении нет захватывающего сюжета. Но в процессе чтения не торопитесь откладывать книгу в сторону. Перелистывая её страницы, вы узнаете о том, как герои, рискуя жизнью, забираются на высоченные кедры, охотятся, с азартом выслеживают медведя, насладитесь удивительными картинами природы, получите удовольствие от великолепного чувства юмора Николая Ивановича Фотьева. А главное – ровный, неторопливый тон повествования позволит вам на какое-то время забыть о городской суете и ощутить живительную силу природы.

В каждом произведении Н. Фотьева стоит жизненно важная проблема. Это потому, что писатель по художнической натуре своей реалист. Он знает действительность не понаслышке, а так, как она выглядит на самом деле. Проза Н. Фотьева продолжает традиции «деревенской прозы». Рассказы и повести писателя не обладают художественной масштабностью и ярко выраженной оригинальностью,

но в них затронуты проблемы своей страны и эпохи, отвечающие духовным и интеллектуальным запросам современников.

Н. Фотьев в своих прозаических произведениях стремился одновременно раскрывать содержание изображаемого во всей широте обстоятельств и при этом глубоко постигать духовно-нравственный облик человека, коренные начала его характера через изображение нравственных и социально-психологических конфликтов между героями или героем и средой.

Произведения Фотьева-прозаика выполняют в составе литературного процесса благую и ответственную роль. Они насущны и необходимы для большой литературы и общества в целом.

«Слышный сердцу зов земли...»: публицистика

*Он сменил много профессий, пока не
остановился на журналистике.*

*Но и ею увлёкся не настолько,
чтобы работать с наслаждением.
Жить, конечно, можно, но испытывать
то изумительное состояние духа,
которое посещало его вот здесь,
на пенечке, – увы! – не получалось.*

Николай Фотьев

Когда заходит речь о человеке деловитом, активном – часто говорят, что он, мол, славится словом и делом. Николай Фотьев начинал с «дела». Приехал на Амур с родного Алтая и, как признается в одной из книг, «бог знает почему, почувствовал, что проживу тут долго». Так оно и случилось – накрепко, по-хозяйски привязался к амурской земле. Вскоре к «делу» прибавилось и «слово» – Фотьев начал сотрудничать в местной печати, да так удачно, что его приняли в штат зейской районной газеты, а затем пригласили в областные «Амурский комсомолец» и «Амурскую правду».

Журналистское слово Фотьева звучало весомо, убедительно, оперативно. «Эта книга о земле амурской, о земле, на которой стою», –

так охарактеризовал свой сборник очерков Н. Фотьев. Очерки, составившие книгу «Земля, на которой стою» (1973), писались в течение нескольких лет, свежими записями пополнялись писательские блокноты, некоторые очерки в своих первоначальных вариантах были опубликованы в областных газетах, передавались по радио. Но жизнь не стоит на месте. И герои очерков Н. Фотьева росли, занимались своими делами, и у писателя появилась закономерная потребность собрать их воедино. Поэтому сборник «Земля, на которой стою» можно рассматривать как своеобразный итог работы Н. Фотьева в жанре очерка примерно за десятилетие.

Книга очерков «Земля, на которой стою» (1973) и сейчас читается с живым интересом, потому что страницы этого произведения наполнены той самой живой жизнью, которая всегда присутствует в лучших произведениях отечественной очерковой прозы.

Главный герой очерка – агроном Дмитрий Иванович Белько, директор учебно-опытного хозяйства. Он один из тех людей, трудом и совестью, надеждой и верой которых земля наша не захирела даже в самые недобрые для неё времена, когда она оказалась в печальном качестве дитяти, отданного на попечение семи нянек. *«Земля – наивысшая ценность... Все мы пока по земле ходим, от неё кормимся. И разве не парадокс, что всё мало-мальски ценное обычно закрепляется за кем-то (говорим же – материально ответственное лицо), а земля – конкретно ни за кем. Она будто бы и так обойдется... Совершенно необходимо закреплять за рабочим машину, станок, инструмент. Шофёр на ключ закрывает машину, чтоб никто к ней не лез посторонний. Мастер отвечает за цех, кладовщик – за склад, капитан – за судно, доярка – за группу коров. А кто конкретно отвечает за каждый клочок земли? Колхоз или совхоз отвечает вообще, то есть в случае чего и спросить бывает не с кого... Вот и надо, чтобы земля была разбита как бы на цеха. Ты за этот цех отвечаешь, я за тот. Причём земля – дело сложное, с налёту не поймешь её, не найдешь с ней общий язык. Значит, на годы и закреплять надо людей на участках... Получаешь с урожая, значит, думать будешь, изучать агротехнику, будешь стараться меньше труда вогнать, пореже машины ломать и все делать вовремя, чтоб и погоду обхитрить и прочие напасти, и получить побольше хлеба. Тут всё будешь творить с умом и расчётом...»*

Дмитрий Белько не выглядит обладателем неких «секретов», терпеливо дождавшимся благоприятного часа, чтобы, наконец, обнаро-

довать эти драгоценные «профессиональные тайны». Автор очерка постоянно подчёркивает, что никаких таких «секретов» у Дмитрия Ивановича нет, если, конечно, не считать за тайну умение трезво мыслить и пользоваться опытом удачливых предшественников, пусть даже они хозяйствовали на этом поле во времена очень давние. *«...Мы говорили в тот вечер о том, что – без расчёта, без ума и ответственности за каждое поле – дело дошло до того, что пшеницы, например, получать стали меньше, чем получали её простые наши деды вот на этой же самой земле, а пахали они не трактором, а лошадкой...»*

Действительно, странно: в 1913 году, с которым иногда сравнивают наши сегодняшние достижения, амурские крестьяне, оказывается, брали хлеба значительно больше, чем получают его сегодня. И резонно недоумение автора очерка: *«В чём причина? Ведь мы должны получать все больше и больше. На нас работало новое время – время двадцатого века с его удивительной наукой и техникой, на нас работала социалистическая система земледелия»*. И, взвесив все доводы, приведя все возможные аргументы, Фотьев делает вывод, неожиданно очень простой: *«Когда больше придерживались исторически сложившегося опыта, урожайность была значительно выше»*.

Казалось бы, ну и что? Каждому ясно, что такое вековой народный опыт и как надо к нему относиться. Но Фотьева поразил и понастоящему захватил не внешний, а внутренний смысл этого простейшего вывода. Наступил момент, когда он – может быть, впервые? – почувствовал чисто писательский, художнический интерес к своему герою и к ситуации, в которой герой существует и действует. Размышляя о вековечном опыте земледела-хозяина, Н. Фотьев не мог не увидеть крестьянина-переселенца, самого первого пахаря приамурской нивы. Здесь меняется текст очерка, создаётся новое качество текста – то самое качество, которое позволило редактору в издательской аннотации назвать книгу Фотьева «Земля, на которой стою» первой большой прозаической работой молодого литератора.

Перемена происходит явная, бросающаяся в глаза: меняются и тон, и словарь. Сочные слова и точные фразы притягивают, привораживают, просят пройти по ним глазами ещё и ещё раз...

«Может, тот первый переселенец, которого пригнали на Амур извечная нужда и тоска по вольной земле, который удивлялся, что отродясь здесь не было ни княжеских, ни помещичьих земель, – может, не сразу он останавливался там, где сейчас Тамбовка или Пол-

тавка. Может, долго кружил по не тронутой плугом земле, не одну падь вывершил, не один увал перешел, и все прикидывал, где способнее вбить первый кол и насовсем пускать корни. Мужик был дотошный, любознательный, умный, сноровистый. Не каждому доверяли выбирать то место, где будут селиться миром. Ходил мужик по степи и определял, откуда солнца большие, откуда – ветру, где земля удерживает влагу, а где нет, где вкусна, напоиста водичка, а где пресноватая, где хрусткий да жирный чернозем, а где суглинок мазливый да клеклый. Мужик останавливался и поглядывал вдаль. Бездомный азиатский ветер трепал полы его домотканого зипуна. Мужик удивлялся: «Экая ширь не обжита! Сколько новины! Добра-то сколько!..» И потыкивал, покапывал он землю заступом, привезенным сюда наравне с серпом, косой, сохой и топором, подолгу мля в руках хрусткий, задеревенелый, только что срезанный ломоть чернозема. И, может, наш чернозем похож был на тамбовский или полтавский. И само местечко, может, смахивало на одно из тех, что осталось там, за Уральским хребтом или Москвой».

Это не «лирическое отступление» и не «исторический экскурс», как может показаться на поверхностный взгляд. Секрет в том, что образ главного героя очерка, современного амурского агронома Дмитрия Ивановича Белько, история его борьбы за разумное и хозяйское отношение к земле воспринимаются в тесной и логической связи с образом крестьянина-предка. И сама по себе победа передового агронома обретает особый смысл, ибо это уже не просто преодоление косности в крестьянском деле, а правильное и праведное наследование святой, единственной, веками проверенной истины.

Новый уровень текста, его более высокое, надфактурное качество становятся для автора неожиданным стимулом для усиленной работы именно в этом, литературно-художественном направлении.

И хотя Фотьеву ещё непривычно обходиться без цифр, таблиц и другого статистического материала, потребного для доказательства частных, сопутствующих главному выводов, – всё же наиболее яркими, определяющими и смысл, и тон повествования, становятся страницы, где автор отдается живописному и образному слову – но, не увлекаясь, всегда заботясь о том, чтобы краски и образы ложились в общий рисунок текста уместно и с пользой для общего смысла.

«Поля учебно-опытного сельхозтехникума. Дмитрий Иванович ведёт меня показать их пешком... Стоит жара. Постройки виднеющейся километрах в трех опытной станции и высокие ее тополя,

как бы отделяясь от земли, колеблются и приплясывают в зыбком стеклянно-студенистом мареве. Где-то поверху над ними прошиваются воздух и тихо позванивают пчелы, ликуя, взхлеб заливаются жаворонок. Белокрылый лунь зигзагами плывет над яркими зелеными, нацелив черную голову отвесно вниз. Вдалеке движется чуть видимое облачко пыли и краснеет «Беларусь». Несмотря на жару, мне очень нравится эта степная пора. Сейчас все здесь как-то ослепительно ярко и чисто. Эта яркость и чистота идет от зеленей. Чистые зеленые поля, чистое голубое небо, кротко и ласково глядящие в небо разводя дальних озер и лиманов. Степь сейчас в состоянии детства или отрочества...».

Природно данные Николаю Фотьеву острый глаз наблюдателя жизни и тонкий вкус художника помогали обходиться без художественного вымысла, находя вдохновение в тщательной словесной обработке накопленных впечатлений, воспоминаний, размышлений. «И занятие это, судя по множеству счастливых находок, по изяществу пируэтов тренированного стиля, доставляет автору истинное удовольствие. И читателю, если он настроен внимательно и доброжелательно, тоже достаются маленькие радости, когда образ волнуется, слово отзывается в уме и в душе, а мысль убеждает» (И. Литвиненко).

Изначальное уважение к почве, которая его родила и взрастила помогало Н. Фотьеву не проходить мимо злободневных проблем, смело браться за острые «очерковые» темы, удачно сочетая пафос и гражданскую взыскательность публициста с умением обеспечить свои очерки добротной литературной формой.

Очерк «Избушка» был напечатан в литературно-художественном сборнике «Приамурье моё – 1983». Начало текста похоже на типичный зачин рассказа-воспоминания: «В отпускное и другое удобное время ездил я, бывало, на Верхний Амур. Привязался – душой прикипел к его высоким берегам, таким прочным и чистым, гулким и отзывчивым ко всякому звуку. Эти места чем-то напоминали мне родину – Горный Алтай с его Катунью и Бией...». По всему видно, что речь пойдет о каком-нибудь памятном приключении, о незабываемых встречах с природой и тому подобных впечатлениях заядлого амурского рыболова и путешественника. Ожидания сбываются: автор, действительно, не спеша, развивает свой обычный «мемуарный» сюжет, вспоминая, куда и с кем ехал по реке на моторной лодке, не упускает случая к месту и к слову дать попутную познавательную информацию о зейских достопримечательностях.

На хорошем берегу вдали от городской суеты друзья порывались, отдохнули, да так понравилось, что решили на этом вот славном месте построить избушку – вроде постоянной базы отдыха и для себя, и для любого желающего. Сказано – сделано. В очередной отпуск, не жалея трудов, собрали из подручного материала немудрящий, но крепкий сруб, навели кровлю, устроили вход и окошко, стол и нары, а потом на самом видном месте начертали химическим карандашом: «Добро пожаловать». *«До чего же все хорошо получилось! Внутри избушка светилась мягким золотистым светом: стены и потолок были чисто отесаны и ошкурены и не успели еще потускнеть. С улицы калило солнцем, избушка просыхала, исходя ароматом смолы и дерева... Выше избушки, на косогорчике, посадили с десяток сосенок, а под берегом, где сочилась вода, натыкали ольховых побегов, которые вскоре и прижились»*. Спустя какое-то время рядом с избушкой поставили ещё и баньку.

Все это описано автором очень подробно, даже любовно, так что не остается никакого сомнения в том, что люди сделали очень хорошее и полезное дело, и главное – не только для себя (это факт крайне важный), но и для других. Удовольствие от успешного завершения нелёгкой работы, вид свежесрубленной избушки рядом с весёлым и шумным ручьем, слова благодарности добровольцам-строителям от тех, кому довелось пожить или переночевать в уютном и приветливом этом жилище, – все эти детали и факты идут неспешным и ровным чередом, вызывая в душе у читателя безусловное одобрение, сопереживание. И вдруг происходит сбой, надлом, неожиданный перепад настроения. «Дело хорошее, – говорят строителям избушки. – Но сожгут ведь». Эти слова словно овевают текст очерка зловещим ветерком, и не так уж долго приходится ждать неминуемого, с досадой теперь ожидаемого финала. *«В марте, после тёмной метельной ночи, знакомый лётчик, пролетавший всякий раз над этим местом, увидел, что избушка и банька сожжены. Две чёрные груды и дымок... Пострадали и сосны. Сожгли всё начисто. Специально. И погоду выбрали самую разбойную... Мы и раньше допускали такое. Но после того как избушка простояла почти два года и всё большую популярность обретала, мы поверили, что здравый смысл и добропорядочность восторжествовали. И вот – сожгли-таки. Канистра бензина. Ночь. Метель. Подлая душа...»*

На этом завершается «очерково-художественная» часть повествования. *«Так окончилась недолгая история нашей избушки. Может,*

и не стоило бы столько думать и рассуждать об этом, но поневоле много всяких вопросов возникает». Фотьев-художник и новеллист-мемуарист уступает место деловому, серьезному публицисту. И протягиваются нити к очерку «Земля, на которой стою», потому что речь, как и там, заходит о хозяйском отношении – только уже не к сельской ниве, а к тайге, к реке, вообще к природе, окружающей наши современные города.

Светлая избушка погибла – и, «тохоже, не просто сожгли её, а, так сказать, во имя “спасения природы”». Ибо и землянки, которые ещё оставались на островах, тоже вскоре были сожжены. Это уже не случайный разбой, а “по закону”, во имя “высшей цел”». А что сосны попутно сгорели – это ведь такой пустяк...

Нет, не затем природа охраняется, чтобы никто, кроме охранников, не пользовался ею. Никто не перестанет ездить и ходить куда-нибудь подальше от городского шума и пыли. Да ещё при такой малой плотности населения, как у нас на Дальнем Востоке... Ведь она, природа-то, вся наша! А конкретно ничья. Ездить на неё никто ещё не запретил. Наоборот, всё время призывают к турпоходам, к вылазкам на природу и так далее. Только вот «охранники» не справляются, не поспевают. Вот и запарились до того, что иного выхода, кроме как жечь, ломать и отваживать людей от постоянных пристанищ, не приходит в голову».

От этой досады и недоумения – прямой путь к важным выводам. «Вообще, то, что не согласуется с нормальными запросами и потребностями, что противоречит традициям и совести, – всё это порождает в душах отнюдь не оптимизм. Это может только наносить вред. Люди перестали чувствовать себя коллективистами, хозяевами и постепенно перестают верить даже в разумные мероприятия. Иные в результате становятся просто циниками, живущими одним днём».

Кажется, на этом можно подвести черту. Но Фотьев, как опытный журналист, видит дальше и глубже локальной проблемы. История погибшей избушки свидетельствует о многом... Не только о печальных последствиях преступного недомыслия. Конкретный факт высвечивает множество других вопросов, связанных с жизнью и бытом современного горожанина-дальневосточника. Фотьев очень логично выходит на тему пригородных коллективных садов, которые «в идеале надо рассматривать не только как подспорье для государственного стола, как активный отдых, освященный осмысленным творческим трудом, дающим физическую и духовную закалку, но и как

своего рода школу для подрастающего поколения. Это возможность для нынешних ребятишек набраться уважения к земле. Всякий обрабатываемый и украшаемый участок земли воспитывает еще и личность. Отсюда-то как раз и начинается хозяин – как в малом, так и в большом».

Фотьев приводит примеры удивительно бессмысленных действий со стороны ответственных руководителей, совершенно необъяснимо препятствующих естественному стремлению людей к земле, к природе. Совершенно справедливо он видит в этом не только хозяйственную, но и социально-психологическую проблему: «...На Дальнем Востоке так много свободной земли и так мало ещё населения. Да будь здесь в десятки раз больше жителей – и тогда всем простора хватит, лишь бы хватило ума ладить с землёй и природой. Мы каждый год вербуем на Дальний Восток переселенцев из западных районов страны. Затрачиваются огромные средства. Но часто получается так: сколько приезжает, столько и уезжает. Ибо жизнь здесь потрудней и подороже, чем, скажем, на Украине, на Кавказе или в Средней Азии. Бывает, уезжают и старожилы. И, видимо, в числе других причин – и та, что не всегда внимательно относимся мы к запросам людей, которые хотели бы пустить здесь поглубже корни...».

Вот так, развивая в себе навыки прозаика-новеллиста, отдавая все больше сил и таланта художественной беллетристике, Николай Фотьев активно и страстно откликался на острую общественную ситуацию, требующую публицистического осмысления.

Заядлый рыболов, неугомонный путешественник, Н. Фотьев исходил и изъездил Приамурье вдоль и поперёк, побывал в самых глухих, диких местах. В сборнике очерков «Реки радости» Н. Фотьева рассказывает о своих странствиях по рекам и речкам Амурской области, о незабываемых встречах с природой, подаривших много радостных и памятных впечатлений.

На первый взгляд, может показаться, что в книге очерков «Реки радости» Н. Фотьев пишет о природе и только о ней. Такое впечатление создаёт и издательская аннотация: «В своих очерках автор рассказывает об Амурской области, рисует яркие и красочные картины её природы, знакомит читателя с растительным и природным миром Приамурья». Однако стоит только прочесть первые страницы начального очерка «Осенние ясные ночи», и убеждаешься, что пишет автор не только об Амурской области, но и о Сибири и о Монголии. Не только о «животном и растительном мире, но и о своём не-

лёгком, военном детстве, об историческом прошлом, об искусстве, о людях, о проблемах, которые ставит перед ними жизнь.

Прежде всего, привлекает к себе главный герой книги. А является им сам автор, завзятый таёжник и рыболов. Да ещё окружающая природа, изображённая Фотьевым в постоянном движении, во взаимодействии с ним. Она не только насыпает на него тучи мошки и комаров, не только мочит дождями и морозит первыми осенними холодами, не только подставляет под ноги многочисленные рытвины и колдобины, не только грозит перевернуть с опасностью для жизни его лодку на одном из гиллойских перекаатов, но одаряет многим чудесным и незабываемым. И свежей ушницей после удачной рыбалки, и целебным таёжным воздухом, и прекрасными пейзажами, и тем состоянием духа, который возможен только вдали от суетности городской жизни, наедине с ней, с природой. И тогда приходят к человеку возвышенные мысли, и захочется ему делать в жизни только хорошее и ещё сильнее любить эту землю и всё земное на ней.

Как правило, на рыбную ловлю писатель отправляется не один. Всегда с ним напарник, человек городской, интеллигент: артист, врач, скульптор, журналист, писатель. Оказавшись в новых для него условиях, человек, обычно, раскрывается с какой-то иной, незнакомой до сих пор стороны. Это не укрылось от зоркого взгляда писателя. С иронией пишет он о тех, кто на рыбалке предпочитает обыкновенную попойку «на лоне природы» или с самого приезда на облюбованное место только и знает, что *«лупок в зенит и лежит себе не шелохнётся... Попробуй расшевелить, так заревёт медведем. Не мешай, дескать. Я отдыхать приехал. И непонятно, зачем это ехал человек за двести километров, если вот так “рыбачить” можно и на первом километре от города»*.

Симпатию автора вызывают люди, которые, как и он сам заражены рыбной ловлей, любят её и знают в ней толк. Общее увлечение быстро и незаметно сближает почти незнакомых до сих пор людей. Именно такое сближение произошло во время «охоты» за тайменями между автором и артистом Виктором Семёновичем, в котором, на первый взгляд, вряд ли можно было заподозрить опытного рыболова и таёжника.

Очерки Фотьева полны глубокого психологизма. Тонко рисует автор состояние человека во время ловли, его азарт, его радость при удаче и разочарование при невезении или какой-нибудь оплошности. При этом писатель не стесняется и самого себя показать в неловком

или даже смешном положении. Это тем более делает и саму книгу, и её героя более привлекательными, жизненно достоверными.

Мастерски изображает Фотьев неповторимые амурские пейзажи, тайгу, многочисленных её обитателей. Причём изображает не только внешне, но и как бы изнутри, пытаясь объяснить с точки зрения разума их поведение.

В каждой строке сборника очерков чувствуется неизбывная любовь к родной природе, к её красотам, к малым и большим творениям. Автор казнит себя за то, что когда-то по ошибке убил лисовина, не жалеет ни сил, ни времени, чтобы выручить козла, запутавшегося рогами в проволоке, с презрением говорит о браконьерах, радуется, что «сам встречался дикой живностью, которая всегда радует физическим совершенством и сноровкой». И далее пишет: «Право же, славно делается на душе, надёжней чувствуешь себя на земле и веришь, что человеческая рука никогда не поднимется на это».

По словам И. Алексеева: «Язык фотьевских очерков прозрачно ясен, предельно сжат и конкретен и, главное, точен, как стрелки хороших часов» («Ленинский путь», 1976, 10 августа). Судите сами вот хотя бы по этому небольшому, взятому без выбора отрывку: «Не часто бывает так, когда твоя душа и душа друга – одна душа. Всё, о чём заходит речь, кажется, ждало именно этого редкого часа. Всё дорого, всё значительно, всё волнует, радует и согревает душу. И вспоминаются такие славные чудеса, такие чудные мелочи. И всё – живое и мёртвое, прошлое и настоящее – наполняется тем удивительным содержанием, когда уместны только мир, добро и удивление. От мураша и букашки, от песчинки малой до звёзд небесных – всё кажется разумным, необходимым, незаменимым и полным величайшего смысла, к которому ты вот-вот сейчас прикоснёшься. Наверное, это и есть радость жизни. Наверное, так радоваться могут только младенцы. И мы вот...».

Наполненные искрящимся юмором, уважением и любовью к землям, ко всему живому, очерки отличаются своеобразным языком. В большей части они представляют собой монолог автора. И с первых же страниц читатель ощущает себя близким собеседником писателя. Настолько непринуждённо и просто ведётся повествование, что оно постепенно переходит в искренний разговор автора с читателем. И это оказывается возможным благодаря элементам народно-разговорной речи, которые широко использует Н. Фотьев. Например: «Вот уже несколько лет кряду рыболовный сезон закрываем мы в этих угодьях

в одно и то же время – в начале октября... На склонах, обращённых к реке, и на лысом крутяке с нашей стороны никакой серьёзной растительности не было. Зато на самом верху... густой толпой стояли дубняк, чернопоберезник и сосны. И если тут, внизу, воздух был почти недвижим, то там то и дело срывался какой-то шалопутный ветер... На той стороне об эту пору почти ежегодно бывают сильные палы».

Элементами разговорного стиля являются и уменьшительно-ласкательные формы: *ушки, шубка, калачик хвоста*, придающие высказыванию народно-поэтическую окраску: *«Вот зацокали сразу две белочки. Обе на одной сосне. Обе с храбрым любопытством уставились на нас сверху. Продолговатые глаза – углом к носу. Бодро торчащие ушки с кисточкой шерсти на концах. Чёрная с серебристой пылью шубка. Пушистый калачик хвоста. Здешные они или с той стороны приплыли? Всё равно привет и уважение!»*.

Н. Фотьев следует давним традициям очерковой литературы, сложившимся ещё в последней трети XIX века. Для передового публициста было естественно стремление завладеть вниманием широких читательских масс. Он обычно выступает как собеседник читателя, доверительно делясь с ним своими сокровенными размышлениями. Такая манера изложения предполагает интимизацию текста, то есть организацию речевых средств, в результате которой создаётся впечатление непринуждённой беседы писателя с читателем. Это достигается благодаря широкому обращению публициста к материалу разговорной и диалектной речи.

Н. Фотьев не пытается создать образ автора, он рисует картины природы, быта, родные и близкие ему, изображает различные жизненные ситуации, участником которых был сам. И народные слова и выражения используются им в большинстве своём совершенно непреднамеренно. Н. Фотьев, ведя рассказ от собственного имени, подчёркивает свою неотделимость от читателей, земляков.

Выросший в диалектной среде (родился он в деревне на Алтае) и подпитываемый истоками народной речи во взрослые годы (после окончания сельхозтехникума работал в хозяйствах Амурской области), писатель сохранил в своей памяти, в речи многие особенности лексики местных говоров. Уже на первых страницах очерков употребляются автором известные с детства, немудрёные слова, без которых невозможно ощутить своеобразие и «поэзию» деревенской жизни: *прясла, пригоны, поскотина, заимка, куть, тусок*. Например,

описание селенья (поселеньица – по-Фотьевски): *«Приземистые, с неровными углами избы. Серебрящиеся тесовые крыши. Кособокие ворота. Белые, из берёзовых жердей прясла. Аспидно-чёрные баньки на задворках. Скотские пригоны и огороженные стожки сена... Широкий охват покотины и сглаженное, истоптанное про-странство внутри её».*

Диалектные слова, как правило, более точно характеризуют обозначаемые реалии, чем их литературные синонимы. Так, *прясло* – это не всякая изгородь, а та, которая сделана из жердей и досок, расположенных горизонтально между столбами. *Покотина* – не просто пастбище, а огороженное со всех сторон.

Часто диалектизмы употребляются в описаниях пейзажа, что придаёт ему локальный характер, индивидуализирует, окрашивает лиризмом. *«Здесь далеко простираются те самые сопки из силикатного песка... Теперь Зея либо вплотную подступает к ним и омывает высокие яры – белогорья, либо уходит в сторону... Обычно белогорья видны ещё издали... Летом они изумрудно-зелёные».* *«Дотемна мы успели пройти это расстояние по всем закустаренным и заkochкаренным кривунам и перекатам, не ленись блеснуть и вдоль и поперёк».*

В этих и других подобных описаниях использованы областные слова, обозначающие и характеризующие особенности местного рельефа, водоёмов: *белогорья* – сопки из силикатного песка; *кривун* – низкое место у излучины реки; *марюшка* – марь, болотное пространство, поросшее кустарником; *лобовина* – верхняя передняя часть возвышенности; *слив* – место слияния двух потоков рек; *бучило* – место падения воды; *шивера* – перекат на мелководной речке. Такие диалектные слова обычно единичны в пейзажных зарисовках, но с их помощью литературный текст приобретает особую тональность, они придают авторскому описанию особый колорит.

Вейник, черноберезник, лиственник, старник, придорожь, осыпь – примеры местных названий деревьев, трав, растений, с помощью которых Н. Фотьев знакомит нас с разнообразием растительного мира Приамурья.

Среди диалектных слов также названия животных: *лисовин* – самец лисы, *гуран* – дикий козёл.

Встречаются в очерках и диалектизмы, обозначающие предметы быта, продукты питания: *очепок* – палка, шест; *горач* – фанерный ящик-рюкзак для сбора грибов и ягод; *огородин* – огородная зелень, овощи.

Большая часть употребляемой Н. Фотьевым диалектной лексики зафиксирована в «Словаре русских говоров Приамурья». Но не из словаря извлекал её писатель, он знает местные говоры «изнутри». Поэтому областные слова просто и естественно входят в повествование, включаются в языковую норму произведения, приравниваются к общепринятой лексике, и большинство их даётся без каких-либо оговорок. Диалектная и литературная лексика оказываются органично спаяны. Особенно это наглядно, когда для обозначения одной и той же реалии, одного понятия используется общерусское слово и его диалектный вариант: *закидушка* и *закидуха*, *косогоры* и *косогорья*, *полукруг* и *полукружье*. Нередко они употребляются в одном контексте: «А из-под листвы этой и на ровных местах, и в косогорьях нет-нет да и покажется фарфорово-белый краешек ядрёного груздочка... Человек бродит с лукошком в косогорах и по гривам, поёт, радуется».

Н. Фотьев использует в основном те диалектизмы, значение которых понятно читателю из контекста. *«Прошлогодня трава и дубовая листва, облетевшая лишь недавно, осенняя и зимняя осыпь – всё было сухим, лёгким, податливым»*. *«Либо гребни на самый стремянь, либо – скорей, скорей к берегу, чтоб не попасть в водопадное бучило и не накрыться, может быть, навеки многотонною волною»*. Это обычные слова, образованные от общерусских корней: *крутяк*, *опływ*, *бучило*, *осыпь*, *придорожь*, *старник*, *горбач*, *рогозулина*. Они не имеют словарных эквивалентов в литературном языке, и значение их можно истолковать только описательно. Например: *придорожь* – растения у обочины дороги; *старник* – старая, высохшая трава; *рогозулина* – ветка с разветвлением в виде рогов. Подобные слова, считается, не вносят дисгармонии в язык произведения. Они близки по форме и значению общерусским словам и отличаются выразительностью.

Писатель разъясняет смысл вводимых в текст диалектизмов, заботясь о том, чтобы читатель правильно его понял. *«И стада валунов, и выступы, и обнажения, и береговые скалы – быки – всё это известковой породы...»*. *«Только зимой, обледенелый и заснеженный, он [Гуран-река] молчит и выплёскивает кое-где дымящиеся наледи. По-местному это называется кипит. И случается, что накипи льда поднимаются на несколько метров»*.

Иногда Н. Фотьев включает разъяснения диалектных слов в ход своих рассуждений. Иногда при этом автор развёртывает перед нами целую картину: *«Гураном речка, наверно, потому и называется, что*

в долине её, в примыкающих распадах, на склонах и сопках по обе стороны во множестве водятся косули, самцы которых позабайкальски и называются гуранами».

Вероятно, Фотьев использует диалектизмы просто для настроения души, для того, чтобы создать впечатление чего-то русского, родного. Например: «Можно услышать, как чухнет где-то кабан». «В ранешние времена рыболовы на Гуране бывали редко». «Рыбина двигалась ко мне. И вдруг ни с места. А силодёром тут не годится. Держу внатяг жилку и тренькая, как струной...».

Некоторые примеры свидетельствуют о сугубо личном, субъективном видении автором окружающего мира. «А берега и острова в багряной кипени кустов разнолесья». «Потом тальник начал редеть и вовсе окончился, зато начались высокие вихлястые кочки, заросшие осокой и могучим вейником». Слово *кипень* в литературном языке употребляется, когда речь идёт о кипящей или бурлящей воде. Писатель путём метафоризации значения создаёт необычный, яркий, красочный образ. Прилагательное *вихлястые* имеет прозрачную внутреннюю форму и отличается экспрессивностью от своих общеупотребительных синонимов – *неустойчивые, качающиеся*.

Наполненные искрящимся юмором, уважением и любовью к землякам, к природе, ко всему живому, очерки, составившие сборник «Реки радости», отличаются необычайно простыми, понятными народными словами и выражениями, образным языком.

Николай Фотьев – один из тех писателей, кто счастливо сочетает художественный талант с хорошим знанием языка народа. Талантливый писатель хорошо чувствует язык, различные языковые средства не нарушают естественного словопорядка, органично входят в ткань произведения. Под пером опытного писателя народное слово «поёт», являет мельчайшие оттенки значения. Так и у Н. Фотьева: народно-разговорная лексика используется многообразно и точно, он воссоздаёт такие речевые ситуации, в которые неизбежно включаются областные или разговорно-просторечные слова, придающие языку очерков жизненность, правдивость, особый колорит.

Что характеризует очерки Н. Фотьева? Во-первых, широкий диапазон тематики. Очерки «Председательский хлеб», «В степи за Зесей» повествуют об амурском селе. В очерке «Жизнь как весна» рассказывает о человеке, который отдал себя и свою жизнь амурской земле, её расцвету. «Албазин и албазинцы» – очерк скорее исторический, хотя в нём занимает своё место и современность. «Путешествие к пи-

санному камню» – путевые заметки об одном из путешествий к верховьям Зеи, к писаницам древних людей, в котором участвовал и сам автором. О строительстве и строителях Зейской гидроэлектростанции идёт речь в очерке «Первенец каскада».

Вторая отличительная черта – слияние публицистики с лирикой. Показательно, что все очерки Н. Фотьева несут в себе заряд публицистики. В очерке «В степи за Зеей» писатель наглядно, доходчиво, с цифрами и экономическими выкладками говорит о становлении и укреплении амурских колхозов, приводя в качестве примера ордена Ленина колхоз «Приамурье». А в очерке «Албазин и албазинцы» акцентируется внимание на славной и героической истории села Албазин – первой станице русского Приамурья.

Все без исключения очерки Н. Фотьева пересыпаны яркими лирическими, пейзажными зарисовками. Они передают настроение автора и его героев, неся в себе большую смысловую, философскую нагрузку, когда писатель размышляет об амурской природе и её особенностях. Яркое это проявляется в очерке «Жизнь как весна», в котором природа является полноправным персонажем повествования. *«Бор от нас был в шагах десяти. После степного однообразия, навевавшего скуку, он показался чуть ли не сказочным видением или, по крайней мере, – оазисом. Над соснами, как в степи, висела желтоватая пелена, которую принёс ветер из-за Амура, но в самом бору струился голубоватый свет, и таилось нечто раздумчивое, вечное, располагающее к доверию».* Описанный «Никитенковский бор» украшал центральную усадьбу совхоза «Завитинский». Назван он так по имени человека, который посадил и взлелеял его, – бывшего директора совхоза Ефима Ивановича Никитенко.

Очерк «Жизнь как весна» – один из лучших в книге. Жизнь Никитенко, в общем-то, обычного человека, – яркий пример для молодого поколения. Недаром его судьба наводит автора на философские размышления: *«Следы человека... Он не только о вещах и предметах, сделанных руками человека, и не только в этом качестве представляют ценность. Они остаются и в нас самих. Следы или лучи моего отца, деда, прадеда, Пушкина или Толстого, пройдут через меня и через тех, кто ещё не родился. По этим следам мы порой, как по компасу, сверяем свой путь с общечеловеческим. И на этом пути, как всегда, духовное совершенствование будет главной целью, ибо в конечном счёте зависит от того, каков человек».*

Фотьев в тайге, на лугах, у реки человек не чужой – всё ему здесь понятно и близко, знакомо и дорого. В этом смысле особенно запо-

минаются книги, полностью отданные автором воспоминаниям о странствиях по приамурским рекам и речкам, где удачливому рыболову достается много радостных и памятных впечатлений.

Очерки Николая Фотьева получили высокую оценку современников. Нельзя не подчеркнуть, что автор любит свою родную землю. Чувствует её всю – в запахах «хлеба и осеннего дымка, когда жгут солому и листья», видит его долины, «где петляют быстрые и гибкие, как ласка или горностай, речки». И до читателя он стремится донести краски, запахи и голоса этой земли.

«И мир как будто уж не прежний...»: поэзия

*...На всём, что видится вокруг,
Лежит снежок чистейший, нежный,
Всё обновилось, как бы вдруг,
И мир как будто уж не прежний.*
Николай Фотьев

Отвечая на вопрос амурского журналиста Александра Филоненко «...а с чего начался Фотьев как писатель?», Николай Иванович, рассмеявшись, сказал: «Со стихов. Как и многие, грешил ими в молодости. Одно даже опубликовал в “Амурском комсомольце”. Этакое колыбельно-патриотическое. Тогда всё надо было писать в патриотическом духе, даже колыбельную».

Какую бы тему не затрагивал художник, он всегда обращается к первооснове человеческого существования: к связи человека с природой. Мир природы находит отражение в произведениях большинства поэтов. Одна из ключевых способностей творческой личности – ощущать окружающую красоту и гармонию мира, соотносить с ними свои переживания и настроения. Николай Фотьев открывает читателям алтайскую и амурскую природу, заставляет увидеть и глубоко почувствовать её. Картины природы у поэта просты и совершенны. Природа живёт, дышит, заставляет думать, размышлять:

Тайга по-зимнему молчит.
На всём лежит дремота.
Лишь дятел где-то постучит,
Да щёлкнет в дебрях что-то.

Река – во льду, но пережат
Парит-дымит вдоль русла.
День отошёл, горит закат
Рассеянно и тускло.

Быть обещает злой мороз,
Не зря ж так снег искрится.
Слетают рябчики с берёз,
Чтоб на ночь в снег зарыться.

Ночь будет долгой и глухой.
А лёд – трещать да бухать,
Да филин в сопках за рекой,
Как леший, жутко ухать.
(«Тайга по-зимнему молчит...»)

Природа богатейшего Алтайского края стала частичкой души Николая Фотьева. В своём поэтическом творчестве он с завидным постоянством возвращается в родную алтайскую тайгу.

Что-то я затосковал
По местам родным.
Я давно там не бывал,
Не ходил по ним.
Много лет прошло и зим,
С той поры, когда я,
Поклонясь местам родным,
Уезжал с Алтая.
Поклонился и горам,
Бие и Катунь,
И всему, что было там,
В моей жизни юной.

*Долго поезд меня вёз
В край далёкий, где я
Дожил до седых волос,
Где Амур и Зeya,
Как Катунь и Бия,
Стали мне родные.
(«Что-то я затосковал...»).*

Горный Алтай, по словам Н. Фотьева, очень красив: *«Иной раз он удивляет до того, что мурашки по коже пойдут. Это я испытывал с детства. Я был впечатлительный человек, таким и оставался дальше. Может быть и до сих пор. Это мне помогает воссоздавать какие-то картины, воображать».*

*Как часто снятся те места мне,
Где в детских грёзах я витал,
Где родничок под сводом камня
Живой водой меня питал.
Где речка, по лугам петляя,
С собою вдаль меня звала
Туда, где, детище Алтая,
Катунь бурливая текла.
Не раз от бабушки я слышал,
Что где-то там она жила,
Где горы краше всех и выше,
А шапка их белым-бела, –
Там свой исток Катунь брала.
И мне увидеть да запомнить
Хотелось всё, что там – вдали,
Восторгом душеньку наполнить
И красотой родной земли...
(«Память детства»)*

Деревня с поэтичным названием Малиновка и дедушкина заимка уже давно стёрты с лица земли, но они до сих пор живут в памяти писателя. В беседе с Игорем Игнатенко Николай Фотьев сказал: *«Ты знаешь, много сейчас деревень, которых уже не существует. В том числе и моя деревенька, где я жил. Вот представь себе: ты пришёл*

туда, а там ничего нет – пустое место». И прочёл вот это стихотворение:

Сюда, где не был я давненько,
Как пилигрим, свершил я путь.
– Ау, родная деревенька!
Ау! Откликнись кто-нибудь!
Хранит молчание округа,
Мол, деревеньки нет как нет...
Лишь мимолётная пичуга
Мне что-то свистнула в ответ.
И я стою неожиданным гостем,
Шепчу печальные слова,
А тишина, как на погосте,
И выше пояса трава.
Душа стонает виновато,
Как будто я в какой-то срок
Всё то, что было тут когда-то,
Недоглядел, не уберёг.
Кого винить? Их слишком много
Святых сиротствующих мест,
В них боль России и тревога,
И обжигающий протест.
Нет ни крестов, ни обелисков
На месте бывших деревень,
Но, знаю я, тут каждый день
Витают тени наших близких.
Я опускаюсь на колена,
Беру на память праха горсть:
Будь навсегда благословенна,
Земля, где жил я, словно гость!
(«Сюда, где не был я давненько...»)

Многие поэтические строки амурского автора проникнуты неподдельной горечью по навсегда ушедшей в небытие малой родине.

Когда бушует ветер, гнёт деревья
И гонит непроглядную пургу,
Мне вспоминается таёжная деревня,
По окна утонувшая в снегу.

*Деревни той уж нет. Но там шли годы,
Когда я был ещё довольно мал
И все явления природы и погоды
Как чудеса воспринимал.
(«Когда бушует ветер, гнёт деревья...»)*

И хотя Фотьев неоднократно говорил о том, что всей душой прикипел к амурским просторам, земля предков все же не отпускает его:

*Куда ни глянь, пейзаж один,
Одна везде картина –
Сплошная, плоская, как блин.
Бескрайняя равнина.*

*Кому-то люб такой простор.
Такая гладь степная.
А я милей тайги и гор
Еще не видел края.*

*У всех любимый есть предел,
Где рос, мечтал, трудился.
И честь тому, кто порадел
Земле, где он родился!
(«Куда ни глянь, пейзаж: один...»)*

Фотьев не просто любит родную землю, он испытывает к ней особые чувства. По мысли писателя, человек должен пользоваться землёй «как хозяин, чтобы его земля становилась год от года лучше, а не так, как хищник: выхватил всё, что можно, обесплодил – и смылся. <...> Но я считаю так – земле нужен хозяин хороший. Земля должна всё больше и больше приносить урожаи и пользы. Землю надо беречь, лелеять. Земля – матушка наша, и так к ней и надо относиться, по-сыновьи». Поэт приходит к выводу, что человек может обрести счастье только среди родной природы, отдавая силы труду на родной земле.

Земля для Николая Фотьева – символ жизни, «начало всех начал». В творчестве художника она зачастую ассоциируется с образом женщины-матери:

*Река бурлит и рушит лёд,
Играют солнечные блики.
У птиц весенний перелёт –
Несутся радостные крики.*

*Всё дышит светом и теплом,
Пчелиный звон в цветущих ивах.
Как бы расплавленным стеклом
Играет марево на нивах.*

*Во всём кипит-бурлит весна.
Всё для любви и для объятий.
Земная плоть обнажена
Для новых всходов и зачатий.*

(«Река бурлит и рушит лёд...»)

Корни таких представлений о земле уходят в детство писателя. Когда началась война, и отца забрали на фронт, семье Фотьевых пришлось очень туго. Мать писателя – Кристина Ильинична – осталась одна с четырьмя детьми, младшая Мария родилась в первый военный год. Выжили только благодаря щедрой матушке-природе: ловили рыбу, понемногу охотились, работали в огороде.

*Склонилась ива к озерушке,
Листки роняет в водоём.
Так плачут матери-старушки,
Уединясь в углу своём.
Сидит тихонечко седая,
Чего-то вяжет или шьёт
И вдруг сверкнёт слеза святая,
На рукоделье упадёт.
Опять припомнилось такое,
Что невозможно не всплакнуть.
Как было в жизни нелегко ей,
Какой пришлось пройти ей путь...
Война, лишения, утраты –
Всё испытать пришлось сполна.
Есть те, кто в этом виноваты.
Но, Боже, в чём её вина?*

(«Склонилась ива к озерушке...»)

Годы, прожитые вместе с дедом и на прииске с родителями, годы довоенные, несмотря на лишения и нужду, писатель всегда вспоминал с душевной теплотой.

*Я в детстве много недобрал,
Недошалил, не доиграл.
Недоучил я до конца
Уроков деда и отца.
Сначала был я бедняком,
Потом колхозником, потом
Война вломилась в каждый дом.
И вот – утраты и разруха,
И нищета, и голодуха,
И безотцовщина кругом.
И я, конечно, в круге том...
Потом... потом, когда уже
Всё это было позади,
На каждом новом рубеже
Я ощущал тоску в груди.
Я вспоминал те времена:
О, если б там не нищета,
Да не проклятая война! –
Не та бы жизнь была, не та,
Но проку что – жалеть о том,
Что не сбылось да не свершилось.
Жизнь поднималась и крепилась
Ученьем, волей и трудом.
И я шёл этим же путём.
Но часто снилось детство мне,
А жизнь, текущая во сне,
Казалась сном и наяву;
Казалось, там я, там живу,
Где я так много не добрал,
Недошалил, недоиграл...
(«Что было, то было»)*

Эту удивительную пору, а также будничные события своего детства Николай Иванович воскрешал с безграничной нежностью и лёгкой грустью:

Как закрою глаза, так и вижу
Нашу избу с дымком в небеса.
Я снимаю настывшие лыжи,
Мать встречает меня у крыльца.

– Накатался, набегался вон как!
Отдохни – да за дело, мужик.
Накорми, напои поросёнка,
Да Красульке сенца подложи.

Приготовь на растопку дровишки,
Да воды наносить поспеши.
И садись, будто барин, за книжки –
И читай, и рисуй, и пиши...!

В той избе, из-под снега глядящей
В два простых невысоких окна,
Жил я жизнью такой настоящей,
Что душа была счастьем полна.

Каждый день совершал я открытья
То в одной, то в другой стороне.
И такие случались события,
Что бывали потом лишь во сне.

Не жалею о том я, не плачу,
Только знаю и помню всегда:
В брэнной жизни моей много значат
Те уроки забав и труда.
(«Те уроки»)

Уже, будучи городским жителем, Николай Иванович постоянно тосковал по богатым алтайским просторам, не раз воспетым им в лирике. С ним всегда были его детские впечатления, когда по утрам они (дети) выходили из дома и попадали в траншею из снега. Дома заваливало по самую крышу. Об этом Николаю Ивановичу напоминала картина, висевшая у него в комнате и принадлежащая перу его брата – Льва Ивановича, непрофессионального художника.

Именно ему посвящены строки:

*Благодарю! Твои картины
Меня уносят в край родной –
Туда, где горные вершины
Сияют снежной белизной.*

*Где на приволье бездорожном
Сроднен с природой человек.
Там в флере дымчатом таёжном
Струятся ленты светлых рек,*

*Там кедров кроны вековые
Вздымают ввысь, как купола...
Там мир увидел я впервые,
Там юность ранняя прошла.*

*Там я мечты свои лелеял,
Как мотылёк стремясь на свет.
Благодарю!.. Ты мне наваял
Дыханье ауры тех лет.
(«Художнику»)*

У Фотьева только тот достоин называться настоящим человеком, кто мыслит себя частичкой природы, ощущает тесное, неразрывное единство с окружающим миром. О гармонии человека с природой, о её влиянии на мысли, чувства, действия человека говорится в следующих строчках

*Торгуюсь с ленью и со сном,
Вставать с постели неохота.
И всё же: что там за окном,
Какая, стало быть, погода?*

*Встаю. Три шага до окна.
Отодвигается гардина.
О, Бог! Какая белизна!
Какая чудная картина!*

*На всём, что видится вокруг,
Лежит снежок чистейший, нежный,
Всё обновилось, как бы вдруг,
И мир как будто уж не прежний.*

*Везде, где грязь была видна,
Теперь – ни пятнышка, ни кляксы...
О, если бы и жизнь могла
Вот так же просто обновляться!
(«Обновление»)*

В пейзажной лирике Николай Фотьев ориентируется на бунинскую традицию: очень остро чувствует любые изменения в природе и передаёт их посредством запахов, звуков, зрительных образов.

*В лесной тиши в грибную пору
Душа спокойна и светла.
Дышать легко, всё мило взору,
И жизнь воистину мила.*

*Прозрачны дали, небо ясно,
И солнце щедро ласку льёт.
Всё миротворно и согласно
Со всем, что дышит и живёт.*

*От недр земных до поднебесья
Всё о единстве говорит.
Царит в природе равновесье
И мудрость высшая царит.*

*Всё – благодать. И всё ж подспудно
Вопрос невольный задаёшь:
Зачем так мир устроен чудно,
И сам ты в нём зачем живёшь?*

*Зачем, зачем... Кто нам ответит,
Какой мудрец иль добрый друг?..
А день стоит высок и светел,
И тихо, тихо всё вокруг.*

*И звук какой-нибудь случайный
Воспринимается в тиши,
Как неразгаданная тайна,
Как зов неведомой души.*

(«В лесной тиши в грибную пору...»)

В лирике Н. Фотьева есть что-то есенинское в видении мира: это и любованье сельскими пейзажами и ощущение неразрывной связи с деревней.

В стихотворениях Николая Фотьева представлен весь годовой цикл. Поэт пишет о неизбежности смены времён года, о том, что природа всегда обновляется – за зимой всегда придёт весна.

*Падают листья с берёзы,
Ветер уносит их вдаль.
Это прощальные слёзы,
Это о лете печаль.*

*Стылое время настанет,
Схлынет земная краса,
Всякая травка увянет,
И оголятся леса.*

*Будут снега и морозы,
Ночи глухи и темны,
В инее светлом берёзы
Будут дремать до весны.*

*Плакать не надо. С весною
Всё повторится опять.
Юной весёлой листвою
Будут берёзы сиять.*

Одно из любимых времён года у Николая Фотьева – зима. Она – глубочайшее обнажение души русской природы, то «посмертное» её состояние, которое наиболее всесторонне и проникновенно запечатлелось в русской поэзии. В любви к зиме проявляется особый склад национального характера: мечтательность, задумчивость, отрешён-

ность, как бы пребывание за гранью становящейся природы, в её вечном, «потустороннем» покое. Ни в одной другой поэзии мира, отмечает исследователь, образ зимы не явлен так многогранно, так многосмысленно, воплощая художественные представления о самом небытии или сверхбытии в его отношении к цветущему земному бытию. В изображаемой Николаем Фотьевым зиме отсутствуют безнадежность и грусть, часто навеваемые холодом зимы. Напротив, поэт воспринимает это время года как период просветления, возрождения.

*Знать задержалась осень где-то.
И, всем канонам вопреки,
Стояло долго бабье лето,
Сияли тёплые деньки.*

*Но вот всё вдруг переменилось:
Обледенели деревья.
И повалилась, повалилась
Ещё зелёная листва.*

*Она лежала ворохами
На тротуарах и дворах
И с тихим хрустом под ногами
В зелёный рассыпалась прах.*

*И пахло в воздухе холодном
То яблоком, то огурцом,
То полем хлебным плодородным,
То свежескошенным сенцом.*

*И непривычно было это:
Пахнула холодом зима,
И тут же, явственно весьма,
Дышало запахами лето.
(«Сюрприз»)*

Зима в стихотворениях Николая Фотьева изображена в перехлёсте с весной.

*Со всех сторон сошли снега,
Ручьи и реки отшумели.*

*Долины, горы и луга
Ковры зелёные одели.*

*Сияют травы молодые,
А в них – весёлые цветы,
Как изваяния живые
Нерукотворной красоты.*

*Кому не любо в эту пору
В лесу да в поле побродить.
Куда ни глянь – всё мило взору,
Всё невозможно не любить.
(«Со всех сторон сошли снега...»)*

Весна – пора пробуждения и возрождения всего живого, а зима – это время рождения, поэтому поэт проводит параллель между этими временами года и в своём лирическом мире сливает их воедино:

*Затаял снег, и потекли
Ручьи, и лужи заблестели,
Над речкой ивы зацвели,
Как будто юные шмели
Их ветви гибкие обсели.*

*Синички тоненько звенят –
Так нежно, вкрадчиво и мило.
Но отчего же у меня
Тоскливо сердце защемило?*

*Не оттого ли, что весна
Моя давно уж отшумела,
И не придёт уже она,
Не запоёт, как прежде пела.*

*Ничто не вечно. Жизнь одна,
И по-другому быть не может.
Но память сердца... и весна...
Чью душу это не тревожит?
(«Первоцвет»)*

Многие стихотворения Н. Фотьева посвящены временам года, все они у поэта прекрасны, но самое любимое время – осень. Этой поре он посвятил большую часть «сезонных» стихотворений. Осенняя природа в лирике амурского поэта, словно надолго прощаясь, дарит яркие краски, порождая в душе меланхоличные чувства. Для лирического героя осень – время грустных раздумий о жизни, подведения её итогов. Такие стихотворения элегичны, они наполнены печальными размышлениями о пройденном пути, быстротечности времени, хрупкости бытия:

*Кончилось времечко жаркое,
Осень настала всерьёз.
Листья, как бабочки яркие,
Тихо слетают с берёз.*

*Падают листья осенние,
Тихо кружась и паря,
Стелются наземь рассеянно,
Как черепки янтаря.*

*Всё улеглось, успокоилось,
Летний закончило путь
И зимовать приготовилось,
Сном безмятежным заснуть.*

*Взрослым во дни эти хочется
Лесом бродить не спеша,
А ребятишкам – по рошицам
Бегать, листвою шурша.*

(«Листопад»)

Соединение размышлений о смысле жизни с пейзажными зарисовками для русской литературы является традиционным. Любимое время года Пушкина – осень. Он не раз говорил об этом в письмах к друзьям и, конечно, в своей поэзии. Фотьев, следуя за Пушкиным, изображает осень со всеми её оттенками и настроениями. Его пейзажная лирика тоже философична, тоже отражает жизнь в её многообразных проявлениях как дар, ниспосланный свыше. Однако в элегиях амурского поэта не встретишь разочарованности и светлой без-

надежности, которая нередко присуща «природным» стихотворениям Пушкина.

*Тихое царство лесное.
Поздний осенний сезон.
Пахнет опавшей листвою,
Всё погружается в сон.*

*Всё отцвело и увяло,
Вырастив семя и плод.
Матерь-природа устала
И до весны отдохнёт.*

*Стали прозрачнее дебри,
Стали тропинки видней.
На зиму справили звери
Шубы себе потеплей.*

*Всё о предзимье маячит.
Тихо речонка журчит,
Тихо желна где-то плачет,
Дятел уныло стучит.*

*В пору печальную эту
Тянет в лесу побродить
И по ушедшему лету,
Как о любви, погрузить.
(«Предзимье»)*

В стихах Н. Фотьева природа очень разная: сочная, яркая, тихая, печальная, плачущая, но всегда дарующая лирическому герою покой и гармонию.

*В небесах поостыло сиянье,
Потратила зелень листва.
Это с летом настало прощанье,
Это осень вступает в права.*

*Навела на листву позолоту,
Спелым соком плоды налила,
Журавлиные стаи к отлёту
В предназначенный срок позвала.*

*Будет небо ненастливо плакать,
Будет ветер деревья бодать,
Будет хмурь и дорожная слякоть,
Будет стынь... А пока – благодать.*

*Дни тихи и полны светлой грусти,
Чуть гудят провода вдоль дорог,
На жнивье деревенские гуси
Набирают предзимний жирок.
(«Бабье лето»)*

Несмотря на то, что природа безлюдна, духовный мир лирического героя богат разнообразными переживаниями. Осень – пора особенная, вбирающая оттенки всех сезонов, и представляющая некую неуловимую грань между четырьмя временами года. Осень – метафора самой жизни, со всеми её оттенками, красками. Осенью герой находится в гармонии с собой, с окружающими и природой:

*Осень, нарядная осень.
Золотом листья горят.
Только у елей и сосен
Тот же зелёный наряд.*

*Строгие их силуэты,
Кроны мохнатые их –
Словно хранители лета
Между собратьев лесных.*

*Осень, весёлая осень,
Светлый минорный настрой.
Ветер беспечный разносит
Листьев кружащийся рой.
(«Осень, нарядная осень...»)*

Лирические стихотворения писателя, как правило, сюжетны и поражают «поэзией» подробностей, предметных деталей, стремлением запечатлеть окружающее во всей его полноте.

*Метель весёлая гуляла
И по селу, за селом,
Кружилась, ухала, плясала,
Мела сугробы подолом,*

*На проводах бренчала что-то
И подвывала, как могла,
Стучала в ставни и в ворота,
Как будто всех на пир звала.*

*Но в этой буйной канители
Под утро выдохлась она.
Сложила крылья – нет метели,
Есть тишина и белизна.*
(«Метель»)

Или:

*Закат был сумрачен. И вдруг,
Как раскалённые мечи,
На лес, на реку и на луг
Сквозь тучу грянули лучи.*

*И загорелся дивный свет
Там, где недавно тень была.
Река вся красная текла,
А лес был в золото одет.*

*Так, отступив за горизонт
За уходящим солнцем вслед,
День отгоревший слал привет
Всему, что погружалось в сон.*

*И пусть мгновенье было так,
И чудный свет затем исчез,
Казалось: то был добрый знак,
На землю посланный с небес.*

(«Закат был сумрачен. И вдруг...»)

В начале 2000-х годов Н. Фотьева подкосила страшная болезнь, на долгие месяцы лишившая его возможности двигаться, и только работа на земле вернула писателя к жизни. В одном из самых живописных уголков Амурской области, в Белогорье, прямо на берегу Зеи, он, преодолевая свой недуг, из брёвен, проплывавших по реке, построил добротный дом, а чуть позже – и настоящую русскую баню. Вновь почувствовав силу в руках, Фотьев с радостью помог срубить избу своим соседям – известным амурским художникам Леониду Шатону и Николаю Дегтярёву.

Долгие годы займка была для Фотьева тем сакральным местом, где можно избавиться от душевной смуты и целиком погрузиться в глубины поэтического мира:

*Уединюсь в своей избушке,
Забуду город, шум и гам.
И, может, гостем будет там
Сам Александр Сергееч Пушкин!*

*Как божье тайное посланье,
Коснётся он души моей –
И я почувствую желание
Глаголом жечь сердца людей.*

*Скорей из города, скорей –
Туда, в избушку у протоки,
Где столько раз в тиши ночей
Давала муза мне уроки
(«Уединюсь в своей избушке...»)*

Или:

*Глухая ночь, мороз жестокий,
Моя избушка мирно спит.
А лёд стреляет на протоке
И странно поет и скулит.*

*Как будто сил неземная
Сюда откуда-то пришла
И тайно – благо ночь глухая –
Вершит на льду свои дела.*

*А я в избушке коротаю
Всю эту ночь за часом час.
То засыпаю, то мечтаю,
То поднимаюсь на Парнас.*

*Я благодарен стенам этим,
Они даруют мне покой.
Я сам рубил их прошлым летом
Из брёвен, посланных рекой.*

*Меж тем мороз всё прибавляет,
И печь растапливать пора.
А лёд то тонет, то стреляет
Всю ночь до самого утра.*

(«В избушке»)

С каждым годом писателю, не имеющему собственного транспорта, добираться до заимки становилось всё сложнее и сложнее. Жаль было Николаю Фотьеву расставаться с этими благодатными местами, но пришлось.

*Сухая листва, опадая,
Чуть слышно меж сучьев шуришит.
Денёк, как свеча восковая,
Спокойно и ясно горит.*

*То лето и осень в обнимку
Идут по полям и лесам...
Поеду-ка я на заимку,
Отрадно мне дышится там.*

*В кругу первозданной природы,
На лоне кормящей земли,
Забуду печаль и невзгоды,
Что на душу камнем легли.*

*К спасительной этой купели
Не раз прибегал я уже,
Когда в городской канители
Невмочь становилось душе.*

(«На заимку»)

Любовь к природе, к животным сыграла важную роль в развитии таланта Фотьева. Трепетное отношение к животным, умение видеть в их поведении разумное начало привели его не только к басням. В книге «Мой путь» (2002) братьям нашим меньшим посвящено немало замечательных стихотворений. В одном из них автор рассказывает о своей встрече с хозяином тайги – медведем:

*В тайге, в землянке, ночи коротаю,
А днём, без суеты и спешки,
Под кедрами я шишки собираю
И шелушу потом орешки.*

*Я не один. Есть у меня соседи.
Всё это братья здешние меньшие –
Изюбры, кабаны, медведи,
Сохатые и прочие родные.*

*Бывают встречи с ними и моменты,
Которые не описать пером.
И хоть мы – «пищевые конкуренты»,
Но всё у нас кончается добром.*

*Намедни гость к землянке завернул –
Топтыгин косолапый, – видимо, на запах.
Узрев меня, сконфузился, скульнул
И убежал за ель на задних лапах.*

*Его я пригласил на чашку чая,
Но он не понял – дальше побежал,
А я потом, один всю ночь скучая,
С ружьишком под боком лежал.*

*А нынче выпал снег. Пора домой
Искать под снегом что-то не с руки.
Пусть всё, что не попало в кузов мой,
Поделят птахи, звери и зверьки.
(«Из дневника»)*

За всю жизнь таких историй с писателем произошло столько, что их хватило бы на целую книгу и даже больше. Поэтому и любит Ни-

колай Иванович при случае рассказать одну-другую. Однажды, пребывая на даче, видит он, как к его двору бежит какой-то зверёк, а сзади него развеивается что-то вроде белого флажка. Как, оказалось, бежала белка, а в зубах держала целлофановый кулёк с корочкой хлеба, который она умыкнула со стола летней кухоньки соседа. Кулёк она бросила, как только гавкнула соседская собака. А Николай Иванович поднял ворованное и отнёс хозяйину. Только через какое-то время чувствует дачник на себе чей-то взгляд, оборачивается – та самая белка. Осмелела, стоит совсем близко, смотрит на него, как будто спросить о чём-то хочет. Долго стояла, а потом, чем-то недовольная, убежала. Только через некоторое время Николай Иванович догадался, что это она его спрашивала: куда, мол, добычу дел?

Лирическая поэзия Николая Фотьева свидетельствует о неумирающей молодости души.

*По жухлой траве да по осыпи
Я волю нашлялся в лесу.
Набрал я подарков у осени
И полную торбу несу.*

*– Смотрите! – кричу, – ребятишки!
Смотрите, курносый ваш нос!
Принёс я гостинцев от Мишки –
Кедровые шишки принёс!*

*В лесу повстречал я Лисичку
И лапку пожал ей, как брат.
Она вам дарует брусничку
И спелый лесной виноград!*

*А это, ребятаки... – Их глазки
Восторгом весёлым горят.
Им в радость подобные сказки,
А с ними и я очень рад.*

*Когда-то вот так же, бывало,
Шутили мой дед и отец,
И сердце моё ликовало,
И сказкой казался мне лес.*

(«По жухлой траве да по осыпи...»)

Николай Фотьев считал, что человек всегда стремится к совершенству, иначе он не человек: *«Откровенно, некоторые вещи я написал для самого себя, чтобы стать лучше. Я не поклонник слепой веры, тем более фарисейской, когда человек на показуху молится, клянётся, а в жизни чёрт знает что... Я думаю, кто живёт по совести, тот больше угоден Богу, если он есть, чем всякие ловкачи и лицемеры»*. У Пушкина есть в стихотворении «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» во втором четверостишье строка «Мы все сойдём под вечны своды...», которая послужила Фотьеву начальной строкой для создания своего стихотворения:

*И я сойду под вечны своды,
Не мысля, не страдая, не дыша.
К душе великой матери-природы
Моя вернётся малая душа.*

*И, может быть, во времени грядущем,
Как от всего очищенная суть,
Она опять вольётся в душу,
Кому-нибудь.*

*И тот, кого она встревожит
Дыханьем тайным тайного огня,
Мой жребий вознесёт, быть может,
И станет продолжением меня.
(«И я уйду под вечны своды...»)*

Мысль о смерти, которая ожидает всё живущее на земле, волнует всех: и поэтов, и простых людей. В своём стихотворении Фотьев разделяет мысль Пушкина, что каждая человеческая жизнь лишь исчезающая малая частица общего величавого и никогда не останавливающегося в своём развитии потока общемировой жизни.

Все используемые в стихотворении языковые средства, с одной стороны, направлены на выражение отношения автора к мысли о смерти, которая ожидает всё живущее на земле. А с другой, – позволяют автору преодолеть трагические мотивы и выйти за пределы своего времени, указывая выход и даря светлую надежду вечности, непрерывности и неостановимости жизни грядущим поколениям.

Тема любви в русской литературе всегда занимала особое место. В основном она описывалась с духовной стороны. Не обошёл внима-

нием эту тему и Н. Фотьев. Николай Иванович считал, что всё на свете держится на любви: «Если что-то любишь делать, то не замечаешь, когда у тебя занает спина, ноги или ещё что-то. Если заныло – надо встать, походить, размяться. И опять за своё. Без любви ничего хорошего не сделаешь». Об этом у писателя есть несколько стихотворений.

*Бывает, вдруг воображение,
Как наяву, родит виденье
Позора, зла, беды, крушенья –
И содрогнёшься, словно ток
Пронзил всего от головы до ног.
И станет сердцу тяжело, больно,
Как будто впрямь пришла беде.
И говоришь себе: «Довольно!
Всё это, братец, ерунда,
Случайный беспричинный бред,
Гони его и думай о прекрасном,
Иначе причинишь здоровью вред
Переживанием напрасным».
Но тут же голос внутренний язвит:
«Уж коль ты с творчеством повязан,
То всё, о чём душа болит,
Сполна прочувствовать обязан.
Познай душой страданья
И радость, и печаль – на том и стой,
Иначе все писанья
Предстанут чашею пустой.
(«Бывает, вдруг воображение...»)*

Любовная лирика Н. Фотьева отмечена глубоким психологизмом. В неё раскрылось дарование поэта проникать в интимные глубины сердца с их неизведанными и непознанными законами.

*Среди затерянных посланий
Я обнаружил письмецо,
И вот в лучах воспоминаний
Я вижу юное лицо.*

*Лицо девчонки в ореоле
На плечи льющихся волос.
Его я долго был не волен
Забывать – но всё-таки пришлось.*

*Тогда мы слишком юны были,
Весь мир застенчиво любили,
Как любят только в первый раз.*

*И пусть что было, то уплыло,
А то, что было сердцу мило, –
Не раз вспомнится светло.*

(«Среди затерянных посланий...»)

В лирике Н. Фотьева возникает мотив одиночества, разлуки, так же как и мотив чувственной, но недолгой любви.

*В душе моей довольно странная
Печаль всегдашняя жила.
Казалось мне: моя желанная
Меня ждала. Но где ждала?*

*В каком краю, в какой обители?
И как средь жителей земли
Чадолюбивые родители
Её называли, нарекли?*

*Всё жил я с верой и с надеждою,
Что непременно встречу ту,
Кому любовь свою безбрежную
Отдам – и счастье обрету.*

*Прошли года чредою длинною,
Я отыскать её не смог.
Влюблялся я, и был любимым я,
И всё же был я одинок.*

*Я одинок. Всё та же странная
Печаль в душе моей живёт.
И так же кажется: желанная
Всё где-то ждёт меня и ждёт...
(«В душе моей довольно странная...»)*

Всю жизнь одолевала писателя, так же как и его героев, страсть к путешествиям:

*Не на курортном взморье
Пупком в зенит лежу –
В таёжном санатории
Я отпуск провожу.*

*По кочкам и чапыжникам,
Любезный комарам,
Хожу-брожу со спиннингом,
Блесню по шиверам.*

*Уловом не похвастаюсь,
Но кое-что ловлю.
И за день так наштабуюсь,
Что как убитый сплю.*

*С зарёй проснусь в палатке я,
И рад послушать я
Напевы птишек сладкие
И говорок ручья.*

*В ручье омывшись, скину я
Ленцу и негу сна.
И вновь хожу со спиннингом –
Гуляй, моя блесна!*

*Не на курортном взморье
Пупком в зенит лежу –
В таёжном санатории
Я отпуск провожу.*

(«В отпуске»)

По мысли поэта, именно любовь дает возможность реализоваться наиболее сокровенным началам человеческой личности.

Нельзя оставить без внимания сатирическую поэзию Н. Фотьева. Она в новом ракурсе представляет традиционные фотьевские темы и образы, демонстрируют богатство сатирических красок и оттенков в творчестве поэта, поиски им выразительных возможностей стиха, освоение новых средств создания комического, формирование стиля писателя-сатирика.

Сатирические стихи Н. Фотьева неоднократно публиковались на страницах газет, журналов, альманахов, вошли в сборники «Басни» (1969), «Жертва случая» (1984), «Обоюдная польза» (1986), «Мой путь» (2002). В большинстве из них автор откликается на самые злободневные проблемы своего времени.

В сборнике «Мой путь» особенно много стихотворений, в которых затронута проблема алкоголизма, ставшего национальной катастрофой («Пить или не пить?», «Больной вопрос», «Рабы», «Судите сами», «Однолюб», «На трезвый ум» и др.). В одних стихотворениях слышится горькая авторская ирония:

*Люблю её! – рыдал Фома, –
Люблю! А мне велят оставить...
– Сочувствую, сочувствую весьма! –
Жалел Фому сосед Астафий, –
Легко ли позабыть молодку,
Когда её полюбишь без ума!?
– Да не молодку я люблю, а во-одку! –
Обиделся Фома.*

(«Однолюб»)

В других открыто осуждается политика спаивания русского народа:

*Иван, бутылку выставив к обеду,
Вздыхал: – Ох, губит водка русский люд!
А ей, как за великую победу,
Медали всякие дают.*

(«На трезвый ум»)

В третьих – звучит скорбь по рано ушедшим из жизни:

*В ответ на все увещеванья
Он заявлял: «Пил, пью и буду пить!»
И вот – досрочное прощанье...
А мог бы жить ещё да жить.
(«Сам себе голова»)*

Тема пьянства – одна из самых больных для писателя. К сожалению, именно по этой причине на пике творческих возможностей ушли из жизни талантливейшие амурские поэты и прозаики, которые для Николая Ивановича были не только собратьями по перу, но ещё и очень хорошими друзьями и просто замечательными людьми: добрыми, отзывчивыми, справедливыми. Писатель всегда говорит об этом с неподдельной горечью.

Довольно трудно назвать тему, которую сатирик обошёл бы стороной. Но, пожалуй, глубже всего он исследует проблему безнравственности, бездуховности, которая проникла во все сферы сегодняшней общественной жизни: в политику, в судопроизводство и, главное, в искусство. В ряде интервью Н. И. Фотьев сетовал, что книга сейчас уже не оказывает на русского читателя такого влияния, как в былые времена. Серьёзные произведения и в центре, и на периферии издаются смешными тиражами. Писатель считает, что литература в опасности и нужно немедленно бить тревогу. Самой беспощадной и злой сатирой на такое положение вещей является стихотворение «Всё дозволено» (2002):

*Какие достижения у нас!
Какую взяли высоту!
Приватизирован Парнас
И служит... пастбищем скоту!*

*И на Парнасе грязном этом
Уже ни Музам, ни поэтам
Нет никаких достойных мест –
Духовной пищи скот не ест...*

В этом стихотворении использован оксюморон – «приватизирован Парнас». Реальное экономическое понятие «приватизация» употреблено по отношению к мифологическому образу – обителю Муз, месту на самом деле не существующему, вымышленному. Данный приём демон-

стрирует парадоксальность ситуации, когда всё продаётся, даже то, что в принципе не может быть продано, – талант, вдохновение.

Как известно, особое значение для сатирических стихотворений имеет выбор рифм, метких, неожиданных, приковывающих внимание своей новизной. В стихах Фотьева такие рифмы встречаются не часто, но если они появляются, то поражают своей точностью и яркостью. Так, к примеру, в одной из строф стихотворения «Ходовой товар» (2002) «литература» самой низкой пробы выразительно рифмуется с «халтурой», а «божий дар» с «наваром»:

*Сия литература
Отнюдь не божий дар –
Бульварная халтура,
Дающая «навар».*

Немало сатирических стихотворений посвящено и теме нравственного разложения современной власти, которая, по мнению писателя, утратила духовные ориентиры («Иначе не бывает», «Откуда?», «Надёжная крыша», «Грязное дело», «Догнать и перегнать...», «Так повелось» и др.). В стихотворении «Догнать и перегнать...» (2002) отрицательный образ сегодняшних власть имущих создаётся за счёт их сопоставления с правителями прошлого:

*Уходят вдаль былые времена.
Но средь чинуш идёт всё та же гонка.
Героям Салтыкова-Щедрина
До нынешних куда как далеконько!..*

Скорее всего, здесь имеются в виду образы градоначальников, созданных Салтыковым-Щедриным в общественно-политической сатире «История одного города», где автор разоблачил глубокий аморализм самодержавия, его бескультирие, невежество, паразитизм, бесчинства фаворитизма, авантюры дворцовых переворотов. Классик создал картины крайнего распада личности, находящейся во власти. На этом фоне стихотворение Фотьева выглядит как жёсткая сатира в адрес современных правителей.

Очевидно, что в творчестве писателя преобладают стихотворения, посвящённые злободневным общественно-политическим проблемам. Бытовые сюжеты встречаются у Фотьева реже. Кстати, такая же закономерность наблюдается и в его баснях, что позволяет говорить о соци-

альной направленности фотьевской сатиры. Тем не менее, писатель создаёт хотя и немногочисленные, но очень яркие образы глупцов, лентяев, обывателей, таких как, например, герой стихотворения «Чем не ровня?» (2002):

*Прослышав, что Иван Андреевич Крылов
Порой на ложе предавался лени,
Осёл сказал: – А я? Я разве не таков?
И я, чуть что, лежу на сене!..*

Примечательно, что в сатирических стихах, так же, впрочем, как в баснях и эпиграммах, Н. Фотьев изобретательно пользуется всем многообразием сатирических красок, свободно переходя от иронии к сарказму. В стихотворение «Предвыборная молитва» (2002) он, будучи в прошлом журналистом, открыто вводит строки гневной публицистики:

*Пусть те, кто ныне лезет к власти,
Чтоб руки грязные погреть,
Получат шиш на постном масле
И никогда не лезут впредь.*

Николай Иванович Фотьев выработал действенный стих, где и слово, и рифма, и образы служат единому поэтическому замыслу, тесно взаимодействуя друг с другом. Строки его произведений, свободные от вычурных метафор и сравнений, обретают особую выразительность.

Простота стиха, точность рифмы, отточенность и прозрачность каждой фразы характерны не только для сатирических стихов писателя, но и для эпиграмм. К их созданию Н. Фотьев обращался реже, чем к произведениям других жанров, но, тем не менее, они входят в состав его первых трёх басенных книг («Куриная карьера», 1962; «На законном основании», 1963; «Претензий нет», 1966). Некоторые из эпиграмм с полной уверенностью можно отнести к образцам этого жанра: «Элегия сатирика» (1962), «Напраслина» (1963), «Ослиное недоумение» (1963) и др.

Все они демонстрируют мастерство художника, освоившего различные способы создания яркого комического эффекта. Так, например, эпиграмма «Ослиное недоумение» строится на каламбуре. Осёл, возмущенный тем, что его снимают с должности из-за того, что он «имеет глупые суждения», «пришёл в недоуменье»:

– При чём здесь то, как я сужу?!
Вы поглядите, как сижусь!

Благодаря игре слов, происходит ложное исключение одного действия и замена его другим. По мнению героя, умение чиновника важно сидеть делает совсем необязательной для него способность здраво рассуждать. В результате подвергается «посрамлению» глупость Осла.

Тот же приём положен в основу эпиграммы «Напраслина»:

*В вину непостоянство ставят ей.
Мне это слышать очень странно,
Поскольку в слабости своей
Она на редкость постоянна.*

Однако, механизм создания каламбура здесь иной, нежели в предыдущем случае. *Непостоянство*, как качество характера человека, опровергается тем, что оно *постоянно*.

Иногда средством создания комического эффекта является алогизм – «неправильное умозаключение», которое либо «высказывается словами», либо «проявляет себя в поступках». У Фотьева «неправильный ход мыслей» персонажей чаще всего разоблачается в их действиях. Так, например, в эпиграмме «Пощёчина общественному мнению» (1962) причиной вызываемого смеха является глупость Сороки, реализованная в её поступке. Услышав уничижительную критику в свой адрес («Говорили о Сороке: / Длинный хвост, да ум короткий»), она решила доказать, что «всё наоборот», и обрезала хвост. Автор использует аллюзивное заглавие, отсылающее читателя к литературной ситуации начала XX столетия и, в частности, к манифесту футуристов, которым стало предисловие к сборнику «Пощёчина общественному вкусу». Очевидно, что такая параллель не случайна. Дело в том, что действия и футуристов, и фотьевской Сороки отчасти были вызваны желанием эпатировать, удивить публику. Но если у футуристов это вылилось в полноценное творчество, то у Сороки – в обрезание собственного хвоста. Благодаря такой аналогии комизм ситуации в эпиграмме только усиливается. Попутно замечу, что употребление аллюзивных заглавий с целью создания или усиления комического эффекта – излюбленный приём писателя-сатирика, особенно часто используемый им в баснях, а иногда и в сатирических стихах.

Иным свидетельством тесного жанрового единства в творчестве писателя являются персонажи эпиграмм. В большинстве случаев – это, так же как и в басне, животные. Смещение жанровых границ, столь характерное для литературы последнего столетия, нашло отражение и в творчестве Н. Фотьева. Жанровые структуры стали более гибкими и податливыми, из-за чего иногда бывает довольно трудно определить принадлежность того или иного произведения к какому-либо жанру.

Процесс стирания межжанровых границ отчётливо обнаруживает себя и при обращении к «узелкам» Н. Фотьева – стихотворным высказываниям, составившим один из разделов книги «Мой путь». Скорее всего, они сродни древнегреческой эпиграмме, которая представляла собой описание какого-нибудь предмета или лица, поучение, насмешку, излияние любовного чувства и т.д. При этом ёмкость мысли, заключённой в ней, сочеталась с лаконизмом формы.

Действительно, в большинстве случаев подобные высказывания сатирика представляют собой описание какого-либо явления:

*Художник, хорошо знакомый с властью,
Запечатлел её верхушку:
Стоит она к народу задней частью,
А голову засунула в кормушку.*

Лаконичность формы «узелков» чаще всего достигается благодаря противопоставлению, организующему структуру высказывания:

*Сказать: «Дурак я» – о себе самом –
Способен человек с умом.
А вот действительно дурак –
Как бы не так!..*

Функции «узелков» у Н. Фотьева различны. В одних случаях цель их – вскрыть суть изображаемого явления или процесса, в других – открыто высмеять чьи-то пороки и недостатки. Но при этом в основе и тех, и других всегда лежит моральное поучение. Чаще всего определённый вывод должен сделать сам читатель. Иногда же «узелки» звучат как откровенное назидание:

*В какую тогу ни рядись,
Какую речь ни выдавай,*

Закон один для всех:
«Трудись
И честно хлеб свой добывай».

Дидактизм, скрытый или явный, – вполне закономерное явление для творчества баснописца. Тем более что Николай Иванович – «учитель» от природы, он по-отечески назидателен не только в литературе, но и в общении. Речь его буквально пересыпана пословицами, поговорками, афоризмами. Не случайно одной из настольных книг писателя являются мудрые мысли разных времён и народов, собранные когда-то Л. Толстым.

Критик Н. Улаев обратил внимание на ещё один талант Н. Фотьева – талант детского писателя. И, как показало время, не ошибся. В книге «Мой путь» опубликованы замечательные детские стихи. Вот строки одного из них:

*Петя с Ваней в «стих» играли:
Слово к слову подбирали.
Петя говорит: – Окошко.
Ваня добавляет: – Кошка.
(«Стих»)*

Николай Фотьев, как человек постоянно работающий со словом, не мог не ощущать его магию – силу не только предметную, но и содержанную, в нём находящуюся. Слово ведь способно повлиять на человека, на его поступок, на его судьбу. Рассуждая о том, что литература без слова невозможно, Н. Фотьев подытоживал: *«Стало быть, слово имеет большую силу. Без слова ничего нет и не было бы. Когда человек научился понимать и говорить – с тех пор он и стал воистину Человеком. И так будет дальше, слов будет работать на человека»*. Подтвердим мысли Николая Ивановича его поэзией:

*Когда живёшь в плену земного,
Когда сомненье душу гложет.
Как много значит чьё-то слово,
Что вдруг прозреть тебе поможет.
Увидишь то, чего не видел,
И мир покажется иным.*

*И может стать, некий идол
Предстанет жалким и смешным.
Пусть люди бьются за богатство,
И там и тут срывают куш,
Но нет цены дороже братства
Высоких и открытых душ.
Пусть где-то благ невпроворот,
Но будет жизнь пустой и нищей,
Коль не востребует народ
То, что зовут духовной пищей.
(«Когда живёшь в плену земного...»)*

Или:

*Не распыляй себя на многое.
Нетленным ценностям служи.
Иди вперёд своей дорогою
И каждым часом дорожи.*

*Есть твой удел, твоё призвание –
Так на него и положишься,
Иначе будет прозябание
Или обманутая жизнь.*

*Пусть будут муки и страдания –
Не поддавайся, не греши,
Трудись во имя созидания
Всечеловеческой души...
(«Не распыляй себя на многое...»)*

В поэзии Николая Фотьева нет ни чёрствости, ни расчёта, нет неизменности, она высока и ирреальна, она наполнена звуками мироздания, эмоциями, которые переполняют человека. В лирике Фотьева всё просто и естественно, с высокой мерой художественной правды и ответственности выражены важные мысли и чувства. Его поэзия уходит корнями в глубь народной жизни, наполнена её глубинным смыслом, согрета уважением к человеку и природе. В любом простом и малом Николай Иванович мог усмотреть большое, значительное, без чего человеку жить невозможно. Это был человек тонкой, очень ранимой души, любящий наш хрупкий мир.

Николай Фотьев – настоящий мастер слова, талантливый лирик, способный затронуть самые сокровенные чувства читателей и повести их за собой в храм высокой поэзии, дарующей людям радость общения с красотами окружающего мира и врачующей души людей, исцеляющей их от моральной усталости и нравственной опустошённости.

Многим читателям ещё предстоит открыть для себя лирику Николая Фотьева – поэта самобытного, народного, беззаветно любящего амурскую землю, родной край, в каждом стихотворении которого спрессовано какое-то мгновение жизни, переживание, мысль, настроение.

«ЖИТЬ И ПИСАТЬ ПО СОВЕСТИ, НЕ КРИВЯ ДУШОЙ...»: НИКОЛАЙ ФОТЬЕВ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОКОВ

*Я никогда в своих книгах не врал.
Пусть даже кому-то
что-то покажется скучным,
но зато это правда.
Николай Фотьев*

«Николай Фотьев... Уверен, это имя о многом говорит людям, любящим литературу. Ведь речь идёт об известном дальневосточном писателе Николае Ивановиче Фотьеве, на чьих произведениях воспитывалось и воспитывается не одно поколение читателей не только у нас в Амурской области, куда в юности переехал с Алтая жить, учиться и работать Фотьев, но и на Дальнем Востоке, и во многих уголках России, где его книги встали на полки библиотек как равные в строю произведений других известных русских писателей».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

«Но была одна, я бы сказал, постоянная и главная причина непоседливости Николая Ивановича и иже с ним – познание людей, с их характерами, бытом, родом занятий и условиями жизни, открытие

новых мест с их красотой, необычностью или уродством. И затаённое желание, всё познанное, увиденное, испытанное самим собой сохранить в памяти и со временем описать, передать разуму и сердцу других людей».

Борис Машук, прозаик, публицист

«Мог ли он мечтать об этом, проживая мальчонкой на таёжной заимке у деда в конце 30-х годов прошлого века? Или потом, на алтайском прииске, где начал бойким мальчуганом посещать библиотеку и просить книги со стихами и баснями, чем немало изумлял библиотекаря. Когда в пятом классе он написал школьное сочинение в стихах, где были такие строки: «Закат. Пастух и собака лохматая бегут за стадом коров, и движется стадо рогатое в загоны колхозных дворов», одноклассники спокойно прореагировали на Колин поступок. Никто, в том числе учитель литературы и русского языка, не похлопал дружески по плечу способного парнишку и не сказал восторженным тоном: “Молодец, Фотьев! Чувствую в тебе силу великую. Быть тебе писателем-поэтом. Придёт время, и узнают о тебе не только сибирская сторонushка, но и границы всякие!”».

Александр Бобошко, поэт, бард, журналист

«В своё время С. Есенин советовал начинающим литераторам найти, как непереносимое условие для творчества, свою Родину. На первый взгляд, парадокс – Родина дана каждому от рождения и зачем искать её, если она есть независимо от нашего желания? Однако, всё это так – лишь на первый взгляд. Родина – понятие чрезвычайно ёмкое. Это – земля, люди, их дела, наука, искусство, политика во всём их многообразии. Знать и быть творчески действенным в любой из этих сфер невозможно. Значит, из всего многообразия надо выбрать своё, родное, и сделать всё возможное для его прогресса. Найти свою Родину – непереносимое условие для звания гражданина и тем более писателя. И если встречаются нам подчас бесцветные, ничего не стоящие литературные творения, главная причина их появления – хроническое неумение их авторов что-либо по-настоящему любить и, как следствие этого, ненавидеть».

Николай Фотьев – настоящий писатель-гражданин. Он рано нашёл свою Родину и предан ей до конца. Его Родина – это русская земля, русская деревня, место действия – Сибирь, Дальний Восток».

Олег Маслов, поэт, прозаик

«Николай Иванович Фотьев для меня всегда был неотъемлемой частью литературы Дальнего Востока России. С юных лет я ставил его в один ряд с такими мастерами слова, как Пётр Комаров, Леонид Завальнюк и другими известными литераторами. Открывался этот писатель мне постепенно. Вначале я познакомился с его басенным творчеством (кстати, амурские любители изящной словесности, так же, как и я, прежде всего, видели в нём баснописца – периодическая печать в своё время много публиковала его басен). Были годы, когда эзопов язык был главным для остромыслящих творческих людей. Басни писали многие, но только лучшие оставались в нашей памяти. Среди этих лучших басен, без всякого сомнения, были произведения Николая Ивановича, который по праву стал, не побоюсь этого слова, авторитетом иносказательного нравоучительного стихотворения».

Алексей Воронков, прозаик, поэт, публицист

«Большое влияние на формирование Фотьева как писателя оказала его работа в газете. Газета научила Фотьева сжатости и конкретности языка и постепенно привела к художественной прозе: очерку, рассказу, повести. Она расширила его жизненный кругозор. Если раньше он как зоотехник мог судить о сельской действительности на примере одного или нескольких сёл, то теперь от командировки к командировке перед ним открывались десятки самых различных хозяйств. Острый глаз, цепкая, память вбирали в себя десятки лиц и характеров, сотни мелких чёрточек в мыслях и поведении людей, то есть именно то, что и нужно писателю для его работы. Положительное находило свое выражение в прозе, отрицательное – в баснях».

Игорь Ерёмин, поэт

«Как говорится, время разбрасывать камни и время их собирать. Это я о том, что во мне давно подспудно зрели, как листья в весенней почке, воспоминания и добрые слова о Николае Ивановиче Фотьеве, который первым из писателей поддержал мои литературные начинания, с которым я встречался, общался, о котором часто вспоминаю...

Разница в возрасте и в биографиях и определяла наши отношения и общение. Николай Иванович говорил, я больше слушал, иногда читал свои стихи, в то время восторженные или почему-то, наоборот, упаднические. А старший товарищ поучал: нужно писать о жизни, о реальности, а не придумывать чувства, не стараться выражаться

красиво. Эти уроки я запомнил на всю жизнь, и что самое удивительное, они особенно аукнулись через много лет в памяти, в моих поэтических сборниках, которые я издал, уже живя на Белгородчине, в моей прозе.

Валерий Черкесов, прозаик, поэт

«Когда один писатель говорит о другом, он словно берёт на себя негласное обязательство сообщить читателям нечто особенное, до поры до времени потаённое, чего никто не ведаёт. Это выглядит как обещание откровения. <...>

Близко познакомились мы Николаем Фотьевым в ту пору, когда я только-только заявил о себе на областном уровне в качестве стихотворца. Тому полвека минуло. Много накопилось с той поры и житейского, и творческого «багажа». Однако, начав размышлять на эту тему, пришёл к выводу, что точного знания фотьевского писательского «секрета» не обрёл в полноте. Это как крупницы рассыпного золота, посеянного в биографии человека, обретшего заслуженную славу одного из лучших русских баснописцев современности, что само по себе большая редкость. А ведь он ещё и прозаик отменный, и документалист скрупулёзный. А уж какой оригинальный поэт – это открылось читателям лишь в последние годы жизни Фотьева).

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

«Вот в те годы, а это где-то в 1968–69-й началось наше сближение с Николаем Ивановичем. Медленное, уважительное, вовсе не панибратское и совсем не сразу достигшее черты дружеской откровенности. А иначе и не могло быть, если вдвоём, то на пяток дней, а то и на неделю, уплывали мы и уезжали в район Корсаковского кривуна, где только начиналось строительство новой погранзаставы. Приезжая в эти по-осеннему сказочно красивые и, замечу, очень уловистые места, мы жили в палатке на берегу Амура и с утра до вечера наматывали, расставляя да проверяя 50-метровой длины закидушки. И никто не мешал нашим разговорам с воспоминаниями, планами, мечтами, нашим вокальным упражнениям. Со стороны это наверняка выглядело чудно: идут по берегу два совершенно трезвых, заросших мужика в рыбацких доспехах, болотниках и дружно тянут “...и посох свой благословляю и эту бедную суму-уу”. А что же сделать, если близко душе истинно русское, народное; и я по сей день благодарен Николаю Ивановичу за подаренный к какому-то дню рождения полный комплект пластинок с записями великого певца Фёдора Шаляпина».

Борис Машук, прозаик, публицист

«Пожалуй, никто не скажет о писателе лучше, чем его книги. Моё знакомство с Николаем Ивановичем Фотьевым началось с замечательной повести “Вы остаётесь за нас”. Со страниц произведения на меня смотрел автор, уже многое переживший, но не растерявший главного – человечности, веры в свои силы, стремления никогда не останавливаться на достигнутом ни в знаниях, ни в творческом поиске. <...>

Я многим обязана ему, беседы и встречи с ним – очень чутким, открытым и доброжелательным человеком, бесконечно дороги для меня».

Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

«Ещё в 1964 году Фотьев принял решение, от которого впоследствии ни разу не отступился. Решил стать профессиональным писателем и жить только за счёт авторского гонорара. На его взгляд, журналистская работа отвлекает от творчества и даже портит писателя. Написал он заявление об уходе из “Амурской правды” и забыл про трудовую книжку. Иногда, листая её, вспоминал работу в Монголии и в райчихинском совхозе “Вятка”, в Белогорской МТС, Благовещенской и Константиновской райсельхозинспекциях...

Больше ни один амурский литератор не отважился пойти фотьевским путём: все работают на каком-нибудь предприятии, а творчеству посвящают свободное время, если оно находится. Николаю Ивановичу переход на рельсы профессионализма пошёл на пользу: его творчество заслуженно считается значительным явлением литературной жизни России».

Александр Бобошко, поэт, бард, журналист

«Проза Н. Фотьева добра, благожелательна и глубока. Он глубокий знаток Приамурья, его людей, сёл, природы. Всё это в полной мере выражено в его книгах “Земля, на которой стою”, “Реки радости” и других. Но, как это может только истинный знаток и преданный сын своего края, он говорит: “Я не был в дальних странах, где изъясняются не по-нашему. И, честно говоря, не знаю, стоит ли сожалеть об этом. Мне кажется, что без знания языков в другие страны ездить не так уж интересно. К тому же далеко не всё я повидал и узнал в собственном отечестве. Слишком велико оно, загадочно и разнообразно”.

Книги Н. Фотьева глубже узнать и ещё больше полюбить свой край. Прочна земля, на которой он стоит, и стоит он на ней крепко».

Олег Маслов, поэт, прозаик

У Николая Фотьева собеседник-читатель давний и верный: знакомству этом лет уже двадцать пять, разговор идёт ровный, семейному неторопливый. И темы разговора всё те же, привычные: жизнь природы, судьба человека, раздумья о прошедших, текущих и будущих временах. Искренняя озабоченность писателя болями и бедами родной земли, восхищение красотами её и богатствами, изумление и досада, переходящие в негодование при виде глупого или преступного бесхозяйствования, когда предаются забвению, а нередко и поруганию старинные, веками проверенные заповеди – вот, что неизменно волнует Николая Фотьева

Игорь Литвиненко, литературный критик

«Его энергии, задору, влюблённости в жизнь можно только позавидовать.

Чем писатели в свободное от письменного стола время занимаются? Разным, конечно, Фотьев, к примеру, избы рубит. Да-да, самые настоящие избы – из смолистых лиственных брёвен, на четырнадцать венцов. Сначала себе срубил, километрах в тридцати от Благовещенска на высоком берегу Зеи, сад, огород здесь развёл. А минувшим летом одному из своих друзей помогать принялся.

Сам свидетелем был, как пришли к месту этого строительства два мальчишки-рыбачка, пришли с расположенной поблизости турбазы. Спрашивает один у прокопчённого и просмолённого, что твоя головёшка, плотника:

– Дядя, нам сказали, что здесь писатель живёт. Как бы увидеть его?

Хмыкнул «плотник», закатывая на сруб очередное многопудовое бревешко, хитровато (чисто по-фотьевски) прищурился:

– Да где-то здесь был. Обождите, увидите.

Потом, закончив паз рубить, воткнул в бревно топор, угостил мальчишек чайком, показал им, где можно червей для закидушек накопать, о житье-бытьё с ним потолковал.

– А где же писатель? – ещё раз спросили в конце концов гости.

– Так я и есть писатель, – рассмеялся загорелый до черноты «плотник».

– Ну да!

И чего больше было в этом непосредственном детском «Ну да!? недоверия? Разочарования? А, может быть, восхищения? Вот этой простотой, естественностью, умением топор в руках держать, искусством, на первый взгляд, нехитрым, но многими сейчас забытым».

Александр Филоненко, журналист

«Для того чтобы стать баснописцем, надо иметь дарование широкого диапазона, то есть быть и поэтом, и драматургом, и в то же время обладать счастливым даром сатирика и юмориста. “Склад басни должен быть шутилив...”, – говаривал ещё Сумароков. Так что талант баснописца – явление уникальное. <...> У нас много поэтов, есть драматурги, а вот хороших баснописцев раз, два и – обчёлся.

К чести нашего земляка, писателя Николая Фотьева, надо сказать, что он в полной мере наделён этим редкостным в природе художественного творчества талантом. <...>

...Басни Фотьева стали весьма заметным явлением благодаря глубине содержания, естественности интонации, правдивости в изображении действительности».

Игорь Ерёмин, поэт

«Басня – жанр трудный, и отрадно видеть, что Николай Фотьев владеет им свободно, речь его естественна, интонация доверительная, определения метки и выразительны, события взяты из гущи жизни <...>

Умение обойтись без навязчивой “морали” – ценное качество Фотьева-баснописца. Сам ход басенного сюжета приводит читателя к нужному выводу

Сатирическая лира Николая Фотьева чужда бездумного очернительства, стремления к выискиванию “к чему бы придраться”. По-хозяйски вмешиваясь в жизнь, автор, будучи сам активным строителем этой жизни, отчётливо видит, “что такое хорошо, и что такое плохо”».

Сергей Смоляков, литературный критик

«Вообще-то Николай Иванович жил затворнически, не любил шумных и случайных компаний, излишней болтовни и особенно никчёмных разговоров о, так сказать, высокой литературе. Его знали в Благовещенске многие представители творческих профессий, он их тоже, но держался писатель как бы на расстоянии, дружил только с теми, кто ему был интересен и, главное, надёжен в отношениях. На всяческие литературные мероприятия ходил без особой охоты, хотя его часто звали выступить то здесь, то там».

Валерий Черкесов, прозаик, поэт.

«В активе одного из самых плодovitых и талантливых дальневосточных писателей, которого по праву можно назвать классиком оте-

чественной литературы (увы, Москва далеко, и она привыкла признавать классиками только тех, кто живёт у неё под боком) – два десятка книг, из них почти половина – это басенное творчество. Басня – это жанр трудный и неблагодарный, если вспомнить, сколько шишек обычно получают злые на язык и бьющие в самое сердце “эзоповы дети”, поэтому так мало у нас баснописцев. И ещё, чтобы писать басни, нужно, во-первых, очень тонко чувствовать жизнь, иметь талант иронизировать, иметь твёрдую жизненную позицию и хороший литературный вкус. Ну, а всё это не у каждого писателя имеется. У Николая Ивановича эти качества присутствуют в полной мере. Оттого его басни и выглядят такими мудрыми и западающими в душу, они заставляют нас внутренне встрепенуться и посмотреть на себя со стороны.

Но хороши не только его басни, но и его очерки, его проза. Писатель глубоко изучил жизнь, он знает её подвохи и выкруты, знает её обратную сторону, а самое главное, он давно добрался до какой-то только ему ведомой истины. И об этом он может рассуждать, сидя с товарищами у таёжного костра, на поросшем тальником берегу реки или просто за дружеским столом. Человек природы, для которого, как мне кажется, она является тем же самым, что для Диогена бочка, где можно вволю размышлять и мудрствовать, он жил свою жизнь праведно, при этом жил не по законам тайги, а согласно высоким моральным и нравственным законам. Да, он человек довольно аскетичный, и всё же он не помешан на аскетизме, поэтому для него ничто не чуждо в этом мире. Он лишь непримирим к паразитизму и к тому, что недостойно человека».

Алексей Воронков, прозаик, поэт, публицист

«Алексей Воронков, известный амурский прозаик, поэт и публицист, выразил мнение о том, что Николая Ивановича Фотьева, “одного из самых плодovitых и талантливых” писателей современности, “по праву можно назвать классиком отечественной литературы”. Вряд ли это высказывание является бесспорным, поскольку классика “опознаётся лишь извне, со стороны, из другой, последующей эпохи”. Вопрос о том, кто достоин репутации классика, призваны решать не современники писателей, а их потомки. Однако в главном А. Воронков прав: творчество Н. Фотьева – действительно значительное явление литературной жизни России».

Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

«Нет, не скажешь, что герои писателя вовсе без недостатков. Автор умеет подметить какие-то и отрицательные или смешные чёрточки в их поведении, в характере, во внешности, чтобы с мягкой усмешкой сказать об этом. Но тем самым его герои, не лишаясь своего обаяния, становятся только естественней, ближе и понятней читателю».

Игорь Ерёмин, поэт

«Могу признаться, что в дни наших рыбалок и долгих разговоров “про жисть и за жисть”, о былом и настоящем Николай Иванович нередко заставлял меня тихо удивляться. Прежде всего, обстоятельностью суждений, деловитостью и хозяйственностью во всём... Если мы остановимся табором, то обязательно со столом, скамейками... Хоть из жердей, но соорудит и других заставит. Облюбовал на берегу Зеи у Белых гор красивое место, срубил добротную избушку. Приезжал туда отдыхать, пообщаться с природой. А какой отдых без баньки? Сладил и баньку... И потом горевал, недоумевая, не понимая, каким душевным варварством должен располагать человек, сжегший и то и другое.

А разговоры о Достоевском, Толстом, Пушкине, Салтыкове-Щедрине. Гоголе, Лескове, Чехове... О прозе, поэзии, драматургии вообще и о частностях в отдельных произведениях классиков... Что тоже удивляло, даже озадачивало, подстёгивало желание ещё раз перечитать читанное и вроде бы известное. И это была школа... Незаметная, необходимая, нужная.

Почему всё-таки удивляло? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно перечитать повести “Вы остаетесь за нас”, “Родительский день”, “Горная малина”... В них биография и судьба автора, родившегося и росшего на заимке в алтайской глубинке <...>

Так откуда же такая широта и основательность познаний?

Думаю, всё оттуда – от закваски, от крестьянской природы узнавать как можно больше из окружающего тебя, докапываться до глубины уже кем-то открытого и достигнутого, доходить до самых истоков. И коль что-то делать самому, то делать старательно, серьёзно, по уму.

Если разобраться, то корни писательской стези Фотьева именно в этих качествах его натуры, не способной к согласию с уродливостями в окружающем его мире <...> И он протестовал против откровенного дуроломства, хвастовства и краснобайства, любительства громких пустых обещаний и показушности».

Борис Машук, прозаик, публицист

«Надо сразу сказать, что басни Н. Фотьева не спутаешь с произведениями других авторов, они оригинальны, а лучшие из них с полным правом можно отнести к образцам этого трудного жанра. <...>

Диапазон комического в баснях Н. Фотьева широк: от сарказма до лёгкой шутки. Однако автор не пытается во что бы то ни стало рассмешить читателя. И всё-таки читатель смеётся потому что многие басни полны того лукавого юмора, который вырастает на почве жизненной правды, продиктован внутренней логикой событий, комизмом ситуации, остроумным сюжетным ходом. <...>

Читатель приятно удивлён: оказывается большинство этих персонажей он уже встречал в жизни. И только сейчас узнал их настоящему, как бы оживших пол пером баснописца. <...>

Н. Фотьев умеет обобщать, типизировать, создавать яркий сатирический образ. И всё это через действие, без унылого морализирования, с подлинной экспрессией и лаконизмом. <...>

Добротен, индивидуализирован язык героев многих басен, сжаты, афористичны их концовки».

Станислав Демидов, поэт, переводчик, журналист

«Если перечитывать книги Николая Фотьева, соблюдая порядок их выхода в свет, легко заметить, как от повести к повести, от рассказа к рассказу накапливалось профессиональное умение прозаика, как даже в жанре очерка ему всё больше удавалось преодолеть чисто «газетные» привычки – описательность, “репортажность” – и создавать полноценные художественные образы. Заметно стремление писателя к тому, чтобы “журналист” и “художник” в его творчестве не просто сосуществовали, но плодотворно сотрудничали. И когда такое сотрудничество удаётся, на страницах фотьевских сочинений возникают выразительные картины, исполненные как бы в смешанной технике: в них есть и прозрачные, акварелью размытые краски дальнего фона, и яркие мазки ближнего плана, а в деталях – в диалогах, в портретах – отчётливый штрих пера».

Игорь Литвиненко, литературный критик

«Фотьев умеет прислушиваться к критике, как бы ни было больно слушать её, и в конце концов самокритично реагирует на замечания. Было бы хорошо, если бы иные молодые поэты следовали этому мудрому правилу. А то ведь чаще всего видишь неприятие критики, капризность, сетования на жесткость и даже “жестокость” критических замечаний.

Игорь Ерёмин, поэт

«Я рад тому, что кто-то назвал меня продолжателем дела Николая Ивановича. Нет, басен я не пишу, но мне, как и ему близка тема человеческого естества, как и он, люблю скрупулёзно исследовать жизнь, проникать в сокровенные уголки души человека. Как и он, люблю природу, люблю речную заимку, которую он передал мне как своему литературному наследнику. Люблю его самого, светлого, чистого, умного, мудрого, интереснейшего человека. Таких людей не всегда встретишь на своём пути – мне повезло...<...>

Я хочу, что его голос слышали его поклонники и те, кто пока ещё не соприкоснулись с его удивительным творчеством».

Алексей Воронков, прозаик, поэт, публицист

«Николай Фотьев исходил амурскую землю буквально вдоль, поперёк и наискось. Он знает сотни людей по именам, знает их деловые и человеческие качества. И даже больше того – у Фотьева свой особенный подход: – для него деловые и человеческие качества – производные от одного – Хозяин, Рачитель Земли. Лучше всего это видно из его прозы».

Павел Халов, литературный критик

«Н. И. Фотьев – мастер русского художественного языка. Он глубоко современен, но никакой модернистский мусор не тронул его простой, взволнованной и ясной речи. Встречаются в его повествовании и диалекты. Не как кстати! И длинен ли, короток ли его рассказ, о том и о сём, он никогда не утомляет, потому что соответствие формы и содержания и чувства меры – один из главных критериев таланта – всегда налицо».

Олег Маслов, поэт, прозаик

«Мы познакомились с Николаем Ивановичем в 1977 году. Ему дали рукопись моей повести про деда Бянкина, и на следующий день он захотел сказать свои впечатления. Эта встреча переросла в дружбу. Вообще Николай Иванович был очень дружелюбным и гостеприимным человеком. Он как-то построил себе избушку в Белогорье, куда приглашал отдыхать своих знакомых, в том числе и моё семейство. Сколько помню, у него в руках всегда что-то было – лопата, топор или удочка. Он был по-крестьянски трудолюбив, как и герои его книг».

Владислав Лецик, прозаик, поэт, редактор

«Прочтите книгу “Земля, на которой стою”! Её персонажи – люди разных возрастов и профессий. Это археолог по призванию и профессии Анатолий Мазин и директор Албазинского музея Агриппина Николаевна Дорохина, председатель колхоза “Родина” Михаил Давыдович Мормоль и десятилетний парнишка Костя и многие-многие другие. Об одних Н. Фотьев рассказывает пространно, о вторых – отдельными штрихами, третьих только упоминает. Но все они живут на амурской земле, все – наши современники, достойные, чтобы о них издавали книги».

Валерий Черкесов, прозаик, поэт

«Николай Фотьев – крестьянин, и не только по происхождению, но и по духу, по мировоззрению. На страницах своих произведений он задаётся такими “коренными вопросами”, которые волновали, и будут волновать человека, независимо от того, в какое время он живёт. Фотьев размышляет о высших ценностях, являющихся основой мироздания: о земле, о душе человеческой, о Боге – и в соответствии со своей крестьянской природой пытается во всём “дойти до самой сути”».

Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

«Коренастый, плотно сбитый, с алтайским прищуром светлых глаз, с полотняной белой кепочкой на крупной голове, несмотря на невеликий рост, он не казался маленьким человеком. Постоянно заряженный на движение, излучал заражающую окружающих энергию созидания».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

«Рисуя людей, Николай Фотьев, поэт-баснописец, серьёзный журналист показал себя в первой книге рассказов “Те далёкие свидания” мастером “словесного портрета”, интересным прозаиком. Рассказы его, поднимающие важные моральные темы, как-то по-новому раскрывают взаимоотношения тружеников Приамурья.

Нельзя не подчеркнуть, что автор любит свою родную землю. Чувствует её всю – в запахах “хлеба и осеннего дымка, когда жгут солому и листья”, видит его долины, “где петляют быстрые и гибкие, как ласка или горностай, речки”. И до читателя он стремится донести краски, запахи и голоса этой земли. <...>

Читателю понравится сочный образный язык автора, полюбятся многие герои рассказов Николая Фотьева).

Николай Наволочкин, прозаик

«Язык фотьевских очерков прозрачно ясен, предельно сжат и конкретен и, главное, точен, как стрелки хороших часов. <...>

Реки, на которых побывал автор, доставили ему радость. Книга “Реки радости”, в которой он написал об этом, доставит радость читателям».

Иван Алексеев, журналист

«Как писатель-реалист Николай Фотьев народен в самом добром смысле этого слова. И не только по языку и потому что главные герои его – это простые люди-труженики. Народен он по самому духу его произведений, потому что он знает жизнь не понаслышке и описывает её такой, какая она есть на самом деле – со всеми её радостями и горестями. <...>

Вспомним, что герой Фотьева Венька в поисках подходящего места для охоты и рыбалки прошёл тридцать километров, пока не набрёл на горный малинник. Фотьев в поисках тем сюжетов для своих произведений, в поисках своей горной малины исходил тайгу вдоль и поперёк. Приятно ещё раз отметить, что поиск этот увенчался успехом».

Игорь Ерёмин, поэт

«Лет двадцать назад побывав впервые на занятиях благовещенского литературного объединения, я была потрясена тем, что вместо привычных лирических виршей юные таланты все поголовно пишут басни. Такого феномена не доводилось наблюдать нигде. А объяснялось всё просто: молодые отчаянно старались подражать Николаю Ивановичу Фотьеву.

У Николая Ивановича из двадцати изданных книг половина – именно басни. Всегда актуальные, злободневные и поддевающие за живое “львов”, “ежей” и “енотов” из жизни».

Светлана Борзунова, поэт, журналист

«Живёт в городе Благовещенске медлительный, грузноватый, скупой на улыбку человек Николай Иванович Фотьев. Он ходит по городу, по привычным зелёным улицам, ездит по области. У него

добрая душа, но не попадайте в его басни – сатирик он беспощадный – и только потому, что хочет, чтобы души у людей были чистыми».

Николай Владимиров, литературный критик

«В моей библиотеке хранится первый сборник рассказов Н. Фотьева «Те далёкие свидания». Вышел он в Хабаровском книжном издательстве в 1968 году. На титульном листе книги слова: “Валерию Черкесову – человеку, в которого я верю”.

После выхода книги “Те далёкие свидания” Николая Ивановича приняли в Союз писателей СССР – первым из литераторов Благовещенска. Я узнал об этом событии и тут же помчался к нему, чтобы поздравить. Николай Иванович подписал мне на память своё фото: “От новоиспечённого в день испечения. 18-ХІІ-70 г. Н. Фотьев”.

В моих многочисленных скитаниях и переездах потерялись, остались где-то многие книги и фотографии, а вот эти две реликвии сохранились. Вероятно, так было угодно Всевышнему, чтобы во мне никогда не “пожелтела” благодарная память».

Валерий Черкесов, прозаик, поэт

«Города имеют лица – каждое своё, неповторимое. Города имеют свои голоса, у каждого – свой, его не спутаешь с голосом другого города. Это голоса и лица друзей-товарищей. И каждый товарищ дорог, как брат. Для многих литераторов хабаровчан Благовещенск-на-Амуре – не только особенный архитектурный ансамбль, не только столица Амурской области – это ещё и лицо, и голос, и книги писателя и баснописца, очеркиста и хлебороба Николая Фотьева. Невысокого, кряжистого человека с руками крестьянина...».

Павел Халов, литературный критик

«На фоне добротной-художественной, раздумчивой, публицистичной прозы Фотьева его басни выглядят как удачно найденный способ до конца и со всей прямотой высказать то, что осталось там – в прозе – не досказано, чему не нашлось там соответствующей формы выражения. И в этом смысле басни позволяют составить довольно ясное представление о социально-нравственном темпераменте писателя, о его потребности не только размышлять о жизни, о времени, о человеке, но и активно внедряться в самую что ни на есть злобу дня. <...>

Постоянно занимаясь сочинением поэтических миниатюр, Фотьев, без сомнения, совершенствуется и как прозаик: в его последних

книгах всё более заметно повышенное внимание к ситуациям острым и необычным, когда персонаж моментально высвечивается лучом поступка, и характер человека виден сразу весь».

Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

«В 1975 году сговорились мы с Николаем Ивановичем поехать порыбачить на Зею <...>

Фотьев первым делом вытащил из особого ящика замотанную в мешковину косу-«литовку», раздобыл жердинку-косовище и погрёб на вёслах к острову косить траву. Через пару суток она высохла и легла под днища наших палаток, создав пружинящий поддон и принеся с собой запах медового разнотравного сена <...>

Тучка на горизонте ещё и не грозит дождём, а Фотьев спешит натянуть над обеденным столом брезентовый тент.

Сыграла рыба под островом – вожак наш дёргает шнур “Вихря” и летит проверять перемёт. А через какое-то время возвращается с добычей, чаще всего это усатый сом килограмма на два-три, а то и щука. Это не считая того, что первый визит на перемёты совершается ещё в утренней туманной промозглости, не позже пяти часов. <...>

На близлежащих островах набрали по доброму ведру красной смородины, по-местному поречки. Взобравшись на вершину сопки, на западных склонах нарезали массу грибов, главным образом боровиков – подосиновиков, подберёзовиков, обабков и прочих их собратьев. В особых местах на потаённых тропинках, указанных Фотьевым, имели удовольствие любоваться царским белым грибом царских же размеров. Порой семейка этих крепышей заполняла целиком корзину. А у Николая Ивановича для такого случая имелся внушительного размера берестяной короб. Когда он помещал короб на спине, то издали казалось, что Фотьев тащит на спине такого же, как он, человека, заблудившегося и вусмерть уставшего в лесу. Солили грузди бочками.

А впереди нас ждали походы за лимонником, но срок для этого ещё не настал. “Вот осенью, желательно попозже, во всяком случае, не раньше середины октября, лимонник обретёт все свои пять вкусов и напитается уникальной целебностью, – пояснял Фотьев. – Тогда и надо приезжать сюда вновь. Жаль только, что охотники-дикари к тому времени оборвут наиболее рясные гроздья вместе с лианами...”. Лицо Фотьева мрачнело, и было видно, что это его ранит ду-

шевно. Природу он любил не как потребитель, но как сын и хозяин. Умел брать что положено, но и не транжирил понапрасну богатства края, ставшего ему родным».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

«У Н. Фотьева вполне определился свой стиль сатирического смеха. Пишет он (и это является несомненным достоинством) предельно просто и, как правило, лаконично. Отдельные басни “укладываются” в три-четыре четверостишия. Стих льётся свободно. Большое место занимает в нём диалог».

Леонид Сафонов, литературный критик

«Рассказы и повести Николая Фотьева лишены внешней броскости, замысловатого сюжета и неожиданной концовки. События в них развиваются, как бы исподволь, сами собой. Собственно, не события, а сама жизнь. Растут дети. Перенимая всё лучшее у своих родителей, постепенно превращаясь в подростков, юношей, мужчин. Всё – как всегда. Но особенность того поколения, к которому принадлежит автор, в том, что детство его обогрела война, и слишком рано пришлось ему повзрослеть, принять на свои хрупкие детские плечи мужские обязанности.

Как к этому относится сам автор? Не радуется, но и не сожалеет. И всем своим существом обращается к послевоенным поколениям своих сограждан, как бы говоря: только из преемственности лучших традиций, складывается история народа, и для того, чтобы не переживали ужасов и тягот, выпавших на долю нашего поколения, необходимо знать о них и всегда помнить».

Олег Маслов, поэт, прозаик

«Про Петра Агеевича Малахова, героя повести «Глухой туман», сказано: “Иногда он писал и акварелью”. Ещё известно, что Петр Агеевич был “журналистом и немного художником”. Затем довольно подробно описаны две любительские работы Малахова-художника, и завершается описание так: “Вся картина... манила к себе, звала пожить в посёлочке на берегу весёлой быстрой речки”.

Точно такими же словами автор повести Николай Фотьев мог бы коротко и точно обозначить эмоционально-этический центр своего творчества. Подобно своему герою, Фотьев «немного художник», а в профессиональной основе своей – журналист: любознательный

и дотошный “копатель жизни”, увлеченный рассказчик о том, что увидел и пережил, чему радуется душа и о чем болит сердце, – говорит об этом прямо, не стесняясь открытой публицистичности. И удивительно, что, несмотря на эту почти трибунную прямоту, от многих очерков, рассказов и повестей Фотьева остается доброе и доверительное чувство, грустноватое, но и притягательное впечатление. Именно “манят к себе” образы хороших русских людей, именно “зовут пожить” поселочки и деревеньки, стареющие на крутых коренных берегах; зовут к себе и безлюдные приветливые уголки “посреди природы”, где хорошо побыть одному или с товарищем, “потешить душу спиннингом”, посидеть у ночного костра...».

Игорь Литвиненко, литературный критик

«Я был участником двух семинаров, где обсуждались басни Фотьева, и вот что услышал от маститых критиков.

Один сказал: “Оказывается, надо было проехать восемь тысяч вёрст, оказаться в Благовещенске, чтобы убедиться в нужности басни”.

А вот мнение другого: “У нас пишется много басен, но мало печатается, а еще меньше среди них талантливо написанных. Басни Фотьева – счастливое исключение. У автора естественное чувство смешного...”.

Но, пожалуй, надежней всего слово читателя. А выражается оно в том, как покупается книга. Сборник Фотьева “Басни”, вышедший в 1969 году тиражом в пятнадцать тысяч экземпляров, исчез с полок книжных магазинов немедленно».

Игорь Ерёмин, поэт

«Чтобы увидеть автора, его нужно читать. И за строкой и между строк внимательный, думающий человек почувствует, поймёт самого писателя, его суть и самую жизнь. А она у Николая Ивановича была ой как нелегка. Проводит в последний путь молодую сестру, брата, матушку – самых дорогих, любимых людей... Можно вспомнить, как на одной из рыбалок “удачно кувыркнувшись” из лодки, мы выгребали на берег под шуршание весенней шуги. Или как в поисках выхода из западни несколько раз спускались и поднимались среди отвесных склонов перевала, чувствуя хруст в коленях и цепляясь за редкий кустик, радуясь острому выступу камня.

И сколько других тяжёлых и грустных, курьёзных и смешных событий и приключений было в прожитых годах».

Борис Машук, прозаик, публицист

«Не так давно мне прислали новый выпуск литературно-художественного альманаха «Амур», издаваемого Благовещенским государственным педагогическим университетом. В нём – подборка стихотворений Фотьева, строками одного из которых я и завершу эти несколько сумбурные воспоминания:

*Нет, я не загнан в угол ленью.
Я просто дожил до тех лет,
Когда влечёт к уединенью
Вдали от шума и сует.
Прошла эпоха впечатлений
И постижений бытия.
Пришла пора определений
Того, что в жизни видел я.*

Я бы чуть поправил последнюю строчку: “Того, что в жизни сделал я”. Николай Иванович действительно сделал многое для литературы, людей, Дальнего Востока, России, как это ни высокопарно звучит. Но, думаю, верно.

Валерий Черкесов, прозаик, поэт

«Николай Иванович Фотьев всегда был и остаётся очень чутким, прозорливым художником, который видит, что не всё в нашей сегодняшней жизни гладко и ещё есть “к чему придраться”. Именно поэтому басни, сатирические стихи и эпиграммы – жанры, завоёванные сатирой, составляют значительную часть его творческого наследия. <...>

Оставаясь верным своим представлениям, Н. Фотьев-баснописец эволюционирует, отзываясь на движение времени. Быстро меняющаяся действительность требует от баснописцев создания новых сюжетов, которые отражали бы особенности новых общественных отношений, открывали бы новые грани национального характера. <...>

Н. Фотьев – смелый сатирик, за пределами внимания которого не остаётся почти ни одна сторона жизни современного общества. Для Н. Фотьева важны социальные мотивы поведения героев, писатель не обходит стороной и мелкие человеческие недостатки и пороки. Баснописец создаёт объёмный образ современного мира. Максимальная обезличенность образов персонажей наряду со схематизмом сюжетных ситуаций приводит к сжатости, лаконизму стиля басен. Н. Фотьев обращает внимание только на главное действие, не отвле-

каясь на описания, и поэтому его басня всегда производит впечатление краткости».

Ирина Назарова,
доцент кафедры русского языка и литературы БГПУ

«Как я быстро убедился, творческий метод Фотьева был предельно прост и на первый взгляд незамысловат. Во всех рассказах, повестях и очерках Николай Иванович помещал себя в центр событий, и все дальнейшие коллизии произведений происходили при его живейшем и непосредственном участии.

Самую первую прозаическую книгу Фотьева, “Те далёкие свидания”, открывал рассказ “Запах кедра”. В главном герое Илье Леонидовиче легко угадывался сам автор, менее ярко были прорисованы образы его напарников по сбору орехов в Сутарских кедрачах – охотоведа Виктора Николаевича и пенсионера, “мужичка-лесовичка” Ивана Кузьмича. В пенсионере я быстро признал своего коллегу по работе на областном радио Ивана Фомича Горбаченко.

На этом позволю себе поставить точку, добавив лишь, что, к сожалению, Николай Иванович так и не успел взять свою последнюю книгу в руки. Она согрела бы ему сердце и усталое тело, как грел когда-то нас костерок у зейской протоки, возле которого мы вели разговоры о жизни на лоне природы, бывшей главным предметом творчества Николая Фотьева».

Игорь Игнатенко, поэт, прозаик

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К ИЗУЧЕНИЮ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА НИКОЛАЯ ФОТЬЕВА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Басни Николая Ивановича Фотьева

Литературный час

Цели:

- расширить представление учащихся о жанре басни, познакомиться с баснями Н. И. Фотьева;
- развивать интерес к изучению произведений амурских писателей и поэтов;
- воспитывать высоконравственность.

Оборудование: портрет писателя; книжная выставка «Вредный жанр»; костюмы героев басен Н. Фотьева: Петухи Попугай (басня «Высокие требования»), Кот и Мышь (басня «Наглядный урок»); предметы – стакан и книга басня «Каждому своё».

ХОД ЗАНЯТИЯ

Николай Иванович Фотьев – амурский баснописец и автор прозаических произведений – хорошо известен жителям нашей области. Сегодня и вы, ребята, познакомитесь с автором нескольких сборников басен, членом Союза писателей России с 1970 года.

Первая басня Николая Ивановича была опубликована в начале 1950-х годов, когда он учился в Благовещенском сельскохозяйственном институте. А родилась она так: был в институте преподаватель-экономист. В газетах любил выступать по любому поводу, на любую тему. Причём не просто выступать, а поучать при этом каждого и всех. Вот и попробовал Николай Иванович всё это в басне описать. Басня называлась «Учёный индюк».

Самое интересное, что тот преподаватель, о котором писал автор, узнал себя в «индюке». Приходит он на лекцию, увидел молодого баснописца и так сладенько говорит: «Читал-читал. Молодец! Похоже...». «Ну, теперь провалит меня преподаватель на экзамене», – подумал молодой баснописец. Но всё обошлось, экзамены были сданы успешно.

За первой басней последовала вторая, третья, четвертая... А через 9 лет, в 1959 году, в Амурском книжном издательстве увидела свет

первая книга басен Н. И. Фотьева, которая так и называлась – «Басни».

В русской литературе жанр басни довольно редок. Литераторов, работающих в этом жанре, немного. Давайте вспомним известного русского баснописца, перу которого принадлежат «Слон и Моська», «Квартет», «Кот и повар».

(Дети вспоминают Ивана Андреевича Крылова. Можно попросить их вспомнить другие басни).

Авторы, берущиеся за создание басни, должны совмещать в себе дарование сатирика и поэта, владея при этом и мастерством драматурга.

Познакомимся с басней Николая Ивановича Фотьева «Капитан Митрофан») Фотьев Н. Жертва случая, 1984. С. 29).

Любая басня, как и эта, вызывает смех или улыбку, значит, автор – сатирик. Все басни Н. И. Фотьева написаны в поэтической форме, значит, автор – поэт.

В басне есть два или несколько героев, которые говорят между собой, как в пьесах (драматургических произведениях). Чаще всего это монологи или диалоги.

(Спросить у детей о том, знают ли они, что такое диалог и монолог).

Басня, как вы поняли, схожа с маленькой пьесой. Дети читают басни: «Пример на свой манер», «Мышиная возня».

Николай Иванович Фотьев профессиональным писателем стал уже после того, как окончил сельскохозяйственный техникум по специальности зоотехник, поработал в Бурятии, Монголии и в совхозах, колхозах Константиновского и Благовещенского районов Амурской области по своей специальности. И все годы работы он очень много наблюдал и писал. Ему было интересно писать очерки о знаменитых людях нашей области. Так он стал журналистом. А журналисты по роду своей деятельности очень много ездят, общаются с людьми, которые все очень разные, у каждого человека свой характер, свои привычки и манеры. Даже разговор и взгляды на жизнь у всех разные. Этот глубокий интерес к народу, к живому разговорному языку чувствуется в баснях Николая Ивановича.

В жизни, к сожалению, нередко встречаются расточительство и хамство, угодничество и двурушничество, да и другим порокам человеческой натуры, увы, пока ещё не грозит полное исчезновение. Автор высмеивает лодырей, тунеядцев, зазнаек, приспособленцев. Давайте послушаем басни Николая Ивановича Фотьева «Высокое положение», «Счастливчик», «Пример на свой манер», «Всеобщее

послушание», «Сорочья душа», «Пороть – не шить», «Конфуз», «Опасный свет».

Под прицел автора попадают хвастуны и пустозвоны, подхалимы и зазнайки. В басне «Здравомыслящие» (Фотьев Н. *Претензий нет, 1966* (герои, колхозники Ерёма и Фома, позавтракав, на все лады «склоняют» свой колхоз и других колхозников: один умчался на базар, второй ушёл на охоту. Осудив соседей, у которых душа не болит за общее дело, Ерёма говорит:

*– Ну ладно, брат. Заговорились мы с тобою.
Пойду свой огородец прополю,
А то жена устроит перепалку,
Да и тебе пора уж на рыбалку.*

В баснях Николая Ивановича каждое животное или человек имеет свой индивидуальный характер. Даже лужи в басне «Опасный свет» ворчат, что их видно, когда горит свет. Для луж он опасен, как и для некоторых людей опасно, когда их хорошо видно. Сорока в басне «Сорочья душа» предстает перед нами – читателями – большой болтуней, какими бывают женщины. Чиж, пойманный в клетку в басне «Счастливчик», готов нести галиматью ради корма.

Столкновения, встречи и действия в баснях Фотьева всегда напоминают маленькую сценку из спектакля. И вы сейчас сами в этом убедитесь, посмотрев на игру наших маленьких артистов.

(Показ инсценированных басен «Высокие требования», «Наглядный урок» и «Каждому своё»).

Выразительна басенная мораль – выводы басен, которые делает автор. Он умеет оформить свою мысль доступно, выразительно и понятно. В этом вы убедитесь ещё раз, если прочитаете другие басни амурского баснописца Николая Ивановича Фотьева.

Книги басен представлены на выставке «Вредный жанр», названной по одноименной басне Н. Фотьева 21 декабря 2002 года Николаю Ивановичу исполнилось 75 лет, но он продолжает писать новые басни и печатать их в газете «Амурская правда».

Книжная выставка «Вредный жанр»

На выставке представлены все сборники басен Н. И. Фотьева и критическая литература о баснях.

Цитата к выставке:

*У басни цель отнюдь не та,
Что у статьи или памфлета,
Она идёт от притч Христа
С посильной помощью поэта.*

Н. Фотьев

Сборники басен

Фотьев, Н. И. Басни / Н. И. Фотьев. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. – 96 с.

Фотьев, Н. И. Глядя в корень : басни / Н. И. Фотьев. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1980. 64 – с.

Фотьев, Н. И. Жертва случая / Н. И. Фотьев. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1984. – 72 с.

Фотьев, Н. И. На законном основании : басни / Н. И. Фотьев. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 40 с.

Литература о писателе и его произведениях

Владимиров, Н. Басни Николая Фотьева / Н. Владимиров // Дал. Восток. – 1966. – № 3. – С. 182–183.

Воронков, А. Старейшина амурской литературы : [о Н. Фотьеве] / А. Воронков // Благовещенск. – 1997. – 5 дек. – С. 14.

Ерёмин, И. Этот древний жанр... : заметки о баснях Николая Фотьева / И. Ерёмин // Дал. Восток. – 1980. – № 12. – С. 145–148.

Казакова, Е. «Раньше стариков не уважали только самые непутёвые люди»: [беседа с писателем Н. Фотьевым] / Е. Казакова // Амур. правда. – 1997. – 1 окт. – С. 3.

Литвиненко, И. Журналист и художник : [о кн. «Коренные берега»] / И. Литвиненко // Амур. правда. – 1983. – 21 сент. – С. 4.

Маслов, О. К. И многое слову дано... : [к 50-летию со дня рождения Н. Фотьева] / О. Маслов // Амур. комсомолец. – 1977. – 21 дек. – С. 2.

Машук, Б. Пути-дороги дальние : [о Н. Фотьеве] / Б. Машук // Амур. правда. – 1997. – 11 дек. – С. 5.

Не покривить душой : интервью к 60-летию Н. Фотьева / провёл А. Филоненко / Н. Фотьев // Амур. правда. – 1987. – 20 дек. – С. 4.

Халов, П. Н. И. Фотьев : [к 50-летию со дня рождения] / П. Халов // Дал. Восток. – 1978. – № 3. – С. 151.

УРОК ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

Тема: В гармонии с природой. Обсуждение рассказа Н. И. Фотьева «Запах кедра»

Пояснительная записка. Любой из рассказов Н. И. Фотьева («Старый двор», «Товар лицом», «Полонез на балалайке», «Вечерняя песня» и другие произведения) может быть рекомендован для чтения и изучения в 5–8 классах. Они невелики по объёму, занимательны и познавательны. Кроме того, названные произведения амурского писателя дают представление о многогранности его творчества, своеобразии поэтики.

Знакомство с небольшими рассказами Н. И. Фотьева в средних классах подготовит учащихся к комплексному анализу произведений амурского писателя в старших классах. Проза Н. Фотьева может стать предметом анализа в контексте творчества писателей-деревенщиков на уроках литературы в старших классах.

Цели урока:

- познакомить учащихся с жизнью и творчеством амурского писателя Н. И. Фотьева;
- прививать интерес к чтению книг амурских писателей;
- развивать устную речь учащихся, умение высказывать собственное мнение;
- учить сопоставлять прекрасное в жизни и художественном произведении;
- воспитывать патриотизм на краеведческом материале, формировать литературный вкус.

Оборудование:

- текст рассказа Н. И. Фотьева «Запах кедра» (по количеству учащихся в классе);
- рисунки учащихся на тему природы родного края (избранные работы);
- фотографии Н. И. Фотьева разных лет;
- выставка книг Н. И. Фотьева.

Методические приёмы: рассказ учителя; беседа по предложенным вопросам.

ХОД УРОКА

I. Слово учителя

Творчество – это создание новых по замыслу культурных и материальных ценностей. В литературе это создание нового произведения любого жанра. Какие жанры в области литературы вы знаете?

(Стихотворение, повесть, рассказ, роман, ода, эссе и т.д.)

Творчество Николая Ивановича Фотьева многосторонне. Он известен как автор басен, повестей и рассказов, поэзии.

II. Работа над рассказом «Запах кедра».

В результате работы над планом рассказа учитель и ученики устанавливают условные границы частей, выделяют как крупные эпизоды, так и небольшие фрагменты.

Примерный план рассказа «Запах кедра»

1. Комната и шишка.
2. Запахи – воспоминания детства.
3. Осень – любимое время года. Музыка и запах.
4. Семейное положение героя. Его занятие.
5. Болезнь. Сон. Запах кедра.
6. Воспоминания трехлетней давности: а) сказочная страна;
б) напарники; в) долгая дорога.
7. Прогулка.
8. Постройка зимовья.
9. Кедр и человек.
10. Тайга.
11. Снег и ручеек.
12. Охота на медведя и бурундучок.
13. Будни в тайге.
14. Иван.
15. Возвращение к жизни.

По заданию учителя школьники находят в тексте, зачитывают фрагмент описания комнаты художника и отвечают на вопрос: «Что вы узнали о главном герое рассказа?»

Ответ. Описание комнаты художника Ильи Леонидовича позволяет получить первоначальное представление об этом человеке. Он живёт уединённо и бедно.

Вопрос. Как дополняется наше представление об Илье Леонидовиче после прочтения фрагмента текста, соответствующего п. 5 плана «Болезнь. Сон. Запах кедра»?

Ответ. Илья Леонидович посвятил себя и свою жизнь живописи. Вероятно, это стало причиной отсутствия семьи.

Вопрос. В чем особенность портретной характеристики главного героя?

Ответ. Нет детальной прорисовки. Мы не знаем о том, какого цвета глаза и волосы художника. Это больше зарисовка, нежели портрет, но этого достаточно для портретной характеристики главного героя.

Вопрос. Каково настроение героев рассказа в эпизодах «Постройка зимовья» (пункт 8 плана) и «Охота на медведя и бурундучок» (пункт 12 плана)?

Учащиеся работают с отрывками произведения.

Фрагмент 1.

«Потом рубили зимовье. Это было азартно и радостно. Втроем они должны были за полдня устроить себе жилье. Рубили, пилили, копали, таскали бревна. Управились к часу ночи, при луне. Десять венцов нетесаных бревен, сложенных самым простым способом, поднялись на сажень, щели между ними забили мхом. Вместо потолка накатали бревна, оставив отверстие для трубы. Потом три стены и потолок завалили землей. У зимовья было оконце и дверь, которые привезли с собой. Внутри – железная печка с трубой, нары и полка для продуктов.

В час ночи среди бескрайней тайги появилось человеческое жилье, весело загудела печка, стеариновая свеча осветила небольшое кубическое пространство, а транзистор, подвешенный на сучок потолочины, наполнил его веселой музыкой.

Что ни говори, это было хорошо. Уставшие до изнеможения, опоенные чаем, освещенные свечой, обогретые печкой, лежали они поверх спальников, на мягкой подстилке из пихтового лапника. Слушали музыку, вдыхали запах кедра, упивались покоем».

Ответ. Николай Иванович Фотьев описывает приподнятое настроение, которое свидетельствует о радости, которую испытывают участники действия. Удовлетворение от активно прожитого дня – это счастье для художника и его друзей.

Фрагмент 2.

«Горе-охотники! Полдня, с оружием наготове, гнались они за медведем в сторону, обратную той, куда он ушёл: следили задом наперед. Шли-шли – глядь: следа дальше нет, только талое, заиндевелое место, где лежал зверь. Здесь он лег ещё до снега, а утречком побрёл куда было надо. Обманулись вот почему. В том месте, откуда взяли след, мишка долго топтался. След действительно шёл из

ельника. Но когда забрались в ельник дальше, оказалось, что мишка развернулся и пошёл в обратном направлении. Значит, от валежины в ельник он шёл сначала задом наперед, а уж потом нормально. То ли он, заслышав охотников, упрятился в ельник, подгоняемый страхом и любопытством, то ли нарочно сделал такой маневр. Кто знает, на что способны медведи?

Потом ещё несколько дней гонялись за зверем – и всё без толку. Из этого вспомнилось опять же не всё, а только вот что. Стоял Илья возле ямы. Её выкопал медведь, отыскивая что-то съестное. И чем дольше стоял, тем острее чувствовал, что он тут не один, что рядом есть ещё кто-то живой, хотя Виктор и Кузьмич или далеко в стороне. Он стал оглядываться, прислушиваться, поглядывать на кедры. Никого. Но чувство того, что рядом кто-то есть, не покидало его. И вот на сухой, согнутой в дугу ёлочке он заметил печально согбенную фигурку бурундучка. Скорбный и одинокий, почеловечески сложив на груди озябшие лапки, опустив голову и отрешенно глядя куда-то, он сидел неподвижно, безразличный ко всему на свете. Он горевал. “Что же теперь делать? – всем своим видом говорил зверек. – Жил я, никому не мешал, а меня разорили, все мои запасы разграбили, а самого вместе с гнездом вышвырнули далеко в снег. Теперь я никому не нужен, и мне теперь всё равно...”

Зверек так ооченел или так был убит горем, что Илья без труда поймал его и посадил в подсумок. Потом этот бурундучок жил в зимовье, устроив себе гнездо в углу между брёвен, и неустанно хлопотал, делая новые запасы».

Ответ. Эпизод «Охота на медведя» вызывает улыбку. Герои долго не могли понять, что они ошиблись, но когда поняли это, то не расстроились.

Вопрос. В рассказе многое связано с запахами. Почему именно запах кедра возвращает главного героя к деятельной жизни? Найдите подтверждение в тексте.

Ответ. Мне очень понравилась сцена с бурундучком. Она говорит о том, что автор с уважением и любовью относится к животным. Он внимателен и заботлив. Описывая бурундучка, Н. И. Фотьев говорит о нём, как о человеке, сочувствуя ему.

Фрагмент 3.

«Однажды уже под вечер Илье попался прекрасный кедр. У него было четыре вершины – все густые и усыпанные шишками. Это был патриарх, и стоял он на самой высокой точке перевала. С вершины

его виделось так далеко, что крайние леса растворялись в дымке и казались синей полоской. Зато каким четким было все ближее! Чашеобразные склоны в вершинах ключей заполняли дымчато-зелёные купола – такими кажутся вершины кедров с высоты. Море куполов, море шатров! Какая красота, какое богатство!

Обработав кедр, Илья выбрал развилок понадежней, в который наискось проходил еще громадный сук, и уселся, как в кресле. Он вообразил себя птицей и невольно испытал то состояние, которое испытывал в детстве. Мило, уютно и радостно было сидеть на вершине кедра-великана. В воздухе плавали янтарные блестки смолы, только что осыпавшиеся с вершины.

Воздух был так свеж и так глубоко омывал легкие, что, как от шампанского, кружилась голова. Подул ветерок, вершина кедра плавно качнулась, и соседние вершины словно подвинулись навстречу. Прокатился сдержанный гул. Так шумят кедровые леса. Лиственный лес шелестит, мельтешит, похлопывает, помахивает, а кедровые – другое».

Ответ. Н. И. Фотьев описывает осенний пейзаж. В эпизоде «Кедр и человек» пейзаж выполняет психологическую функцию: человеку хорошо, он упивается окружающей его красотой, величием могучего кедра.

Вопрос. Амурский писатель обнаруживает себя тонким наблюдателем разнообразных оттенков, красок, звуков, запахов. Для пейзажей характерны лаконичность и сжатость, но статичен или динамичен фотьевский пейзаж?

Ответ. Пейзаж динамичен. Такой характер он приобретает оттого, что угол зрения автора меняется: *«Из-за высокой сопки, сквозь кроны кедров, ударило солнце, и радужные полосы заиграли над вершинами леса, стоящего под горой. Радужные полосы похожи на пучки гитарных струн, перевитых золотом. Струны ударились о землю и теперь гудят, поют что-то, и пение это витает над всей Сутарской тайгой».*

Вопрос. Обратили ли вы внимание на то, какая часть речи обеспечивает динамику пейзажа?

Ответ. В данном отрывке движение выражают глаголы, которых здесь шесть.

Вопрос. Какие изобразительно-выразительные средства использует амурский писатель в описании родных просторов?

Ответ. В описании кедра Н.И. Фотьев использует целый ряд изобразительно-выразительных средств – метафор, сравнений и эпи-

тетов: «кедр-патриарх», «дымчато-зелёные купола», «море куполов, море шатров», шишки «светились вишнево-дымчатой чешуей», «в кроне его, как в шатре», по сучьям можно ходить, «как по перекладам», «чашеобразные склоны».

Ответ. Пейзажные зарисовки у Н. И. Фотьева не только фон, на котором проходит действие, но и важное средство характеристики образа главного героя. Они помогают понять переживания художника Ильи Леонидовича, настроения, чувства и, одновременно, выявляют авторскую позицию. Здесь важно обращать внимание на детали, которые помогают полно и точно определить воздействие природы на самочувствие героя, его поведение и настроение.

Вопрос. В сцене с Иваном художник восклицает: *«Но ведь есть, Иван, кедры! Значит всё в порядке...»*. В чём же заключается нравственная идея рассказа?

Ответ. Нравственная идея рассказа заключается в том, что человек должен быть другом природе. Будучи человеком активным, он не должен забывать о том, что нужно хранить наш хрупкий мир, чтобы жить в гармонии с природой и с самим собой: если будет жив кедр, то будет жив и человек.

III. Подведение итогов.

– Что вы узнали об амурском писателе Николае Ивановиче Фотьеве?

– Возникло ли у вас желание прочитать другие произведения амурского писателя?

– Понравился ли вам сегодняшний урок?

– Сегодня на уроке мы говорили об особенностях рассказа Николая Ивановича Фотьева «Запах кедра», об изобразительно-выразительных средствах амурского художника, об особенностях портретной характеристики главного героя, о роли пейзажа в рассказе, определили нравственную идею произведения амурского писателя.

IV. Домашнее задание.

Прочитайте рассказ Н.И. Фотьева «Ребята Зарубины». Ответьте письменно на вопрос: Какова главная мысль этого произведения?

ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. И. ФОТЬЕВА

Отдельные издания

Басни. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1969. – 96 с.

Басни. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1957. – 24 с.

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1974. – 382 с.

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1978. – 382 с.

Вы остаётесь за нас : роман, повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1987. – 478 с. – Содерж.: Романы: Рассветы-восходы ; Вы остаётесь за нас ; Повести: Горная малина ; Родительский день.

Глядя в корень : басни. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1980. – 64 с.

Горная малина : повести и рассказы. – Москва : Современник, 1981. – 272 с. – Содерж.: Повести: Родительский день ; Горная малина ; Глухой туман ; Рассказы: Коренные берега ; Лёгкий человек ; Умирал ямщик ; Негласный день прощания.

Деревенская родня : рассказы и повести. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. – 320 с. – Содерж.: Рассказы: «Напиши, дурак, ишшо...» ; Деревенская родня ; За ту любовь ; На вырубках ; Кить ; В интересах дела ; Василиса ; Повести: За отчим порогом ; Жених запаса.

Жертва случая : басни. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1984. – 72 с.

Жизнь – как весна : очерк. – Хабаровск : Хабар. кн. изд-во, 1967. – 92 с.

Житейский спор : басни. – Благовещенск : Зея, 1997. – 160 с.

Земля, на которой стою : очерки о земле Амурской и её людях. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – 240 с. – Содерж.: Албазин и албазинцы ; Путешествие к «Писанному камню» ; Председательский хлеб ; Жизнь как весна ; В степи за Зеей ; Первенец каскада.

Земля, на которой стою : социолог. очерк. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1966. – 128 с.

Коренные берега : повести и рассказы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1982. – 352 с. – Содерж.: Повести: Горная малина ; Родительский день ; Глухой туман ; Рассказы: Коренные берега ; Тимофеев берег ; Старый двор ; Лёгкий человек ; Товар лицом ; Полонез на балалай-

ке ; Умирал ямщик ; Тихий день прощания ; Последняя охота ; Вечерняя песня.

Куриная карьера : басни и эпиграммы. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1962. – 40 с.

Мой путь : лирика, стихи для детей, басни, сатирич. стихи и миниатюры, узелки. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2002. – 216 с.

Мужчины в доме : повесть и рассказы. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1971. – 192 с. – Содерж.: Рассказы: В распутицу ; Трава-мурава ; находка ; Сёмкин сон ; Мужчины в доме ; Запасные педали ; Странники ; Повесть: Шиповник.

На законном основании : басни. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 40 с.

Обоюдная польза : басни, сатирич. стихи, миниатюры. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1986. – 142 с.

Поехали за орехами : повести. – Благовещенск : РИО, 2010. – 304 с. – Содерж.: Поехали за орехами ; Юбилей.

Председательский хлеб : очерк. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1962. – 22 с.

Претензий нет : басни, эпиграммы. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1966. – 72 с.

Реки радости : очерки. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1976. – 144 с. – Содерж.: Осенние ясные ночи ; Малый странствия ; Таймени ; По первым зеленым ; Под устьем ; Гиллой ; Белогорья ; Лимонные острова ; Дыхание трав ; Золотой сентябрь ; Горные ромашки ; Салфет вашей милости... ; Мостки ; Вслед за весной.

Спасибо тебе, человек! : очерк. – Благовещенск : Амур. кн. изд-во, 1963. – 52 с.

Те далёкие свидания : рассказы. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур., отд-ние, 1968. – 224 с. – Содерж.: Запах кедров ; Авария ; Савка ; Последняя зима ; «Курносенький» ; Ребята Зарубины ; Те далёкие свидания ; Лёшка ; Весёлый паром ; Испыток ; Грета ; Мелкие разногласия ; Кровь за кровь ; Высокий день.

Из публикаций в периодических изданиях и сборниках

Авария : рассказ // Амур. комсомолец. – 1968. – 20 нояб. – С. 4.

Авария : рассказ // Знамя труда. – 1970. – 19 марта. – С. 5.

Албазин и албазинцы : из блокнота писателя // Амур – река подвигов. – Хабаровск, 1970. – С. 223–231.

«Б» льстило «Н» ; Умные птицы : стихи // Амур. газ. – 1994. – 5–12 февр. – С. 8.

Басни // Басни и сатирические стихи / ред., сост. М. Л. Гофман. – Благовещенск, 1956. – С. 3–23.

Басни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://samatanya.livejournal.com/39635.html>. – Содерж.: Артист ; Своим путём ; Вещун ; Чудак ; Рождение оды.

Басни без морали // Дал. Восток. – 1983. – № 10. – С. 150–151. – Содерж.: Верная опора ; Воронье счастье ; Высшее достижение ; Дальновидный мухомор.

Басни и сатирические стихи // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 7–10. – Содерж.: По существу ; С кем поведёшься ; Увидел главное ; Назревший сон ; Опасная свобода ; Доблестный человек ; Кто виноват? ; Заслуженный отлуп ; Цена одна ; Вместе с тем... ; Товар лицом ; Не в коня овёс... ; Всё повторяется ; Зачем? ; Доколь... ; Не потому... ; В конечном счёте ; По сути ; Отборное искусство ; При жизни и после ; Увы... ; Если бы ; Кое-какой ; Свобода слова ; Прямой ответ ; Кому что... ; Правда одна.

Болото : басня // Амур. правда. – 1985. – 27 окт. – С. 4.

Большой авторитет : стихи // Амур. правда. – 2003. – 1 марта. – С. 13.

Ботало ; Верное средство ; Неровня ; Лисья любовь ; Орёл и король : басни // Дал. Восток. – 1975. – № 9. – С. 81–82.

Бугор и кругозор : басня // Амур. правда. – 1992. – 18 янв. – С. 5.

В ногу со временем : басня // Амур. правда. – 1998. – 10 янв. – С. 5.

В поле : очерк // Амур. комсомолец. – 1961. – 2 июля. – С. 2.

В поле прописан : отрывок из повести // Амур. правда. – 1964. – 29 нояб. – С. 4.

В степи за Зеей : очерк // Приамурье моё : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1970. – С. 122–171.

Ванюха : рассказ : стихи // Амур. газ. – 1992. – № 51. – С. 9 ; № 52. – С. 9.

Весёлые действия погоды : рассказ // Амур. правда. – 1983. – 16 янв. – С. 4.

Весна на юге : рассказ // Хрестоматия по географии Амурской области. – Благовещенск, 1986. – С. 51–53.

Вечерняя песня : новелла // Амур. правда. – 1981. – 29 нояб. – С. 4.

Волчья любовь ; Соответственно себе : басни // Амур. комсомолец. – 1980. – 3 авг. – С. 4.

Воробьиные соловьи : басня // Амур. правда. – 1985. – 22 нояб. – С. 4.

Воронье счастье ; Дорога ; Великий свист : басни // Амур. правда. – 1982. – 28 февр. – С. 4.

Всё – от неё, от земли... : очерк // Амур. правда. – 1962. – 1 мая. – С. 3.

Все братья : стихи // Амур. правда. – 1999. – 6 нояб. – С. 5.

Всё гладко! : басня // Амур. правда. – 2003. – 19 апр. – С. 13.

Все люди – братья, там и тут ; Есть глупые, есть вредные затеи : стихи // Амур. вести. – 1992. – 26 дек. – С. 2.

Всё продаётся ; Счастье ; Неспроста : стихи // Амур. правда. – 1998. – 28 марта. – С. 5.

Всё ясно ; Бугай ; Пузыри : стихи // Амур. газ. – 1994. – 10 сент. – С. 6.

Всегда у времени в долгу : заметки писателя // Амур. правда. – 1975. – 5 апр. – С. 4.

Вслед за весной : заметки писателя // Амур. правда. – 1974. – 24 марта. – С. 3.

Вырастет большая кукуруза : очерк // Амур. комсомолец. – 1961. – 14 апр. – С. 4.

Высокая честь ; Мудрецы : басни // Амур. правда. – 1980. – 2 нояб. – С. 4.

Выстраданное слово ; Я и Мы ; Героическая личность : басни // Амур. правда. – 1983. – 13 марта. – С. 4.

Высшая сила : стихи // Амур. правда. – 2001. – 22 сент. – С. 7.

Выше всех ; Профилактика ; Шавка-толкач ; Вещая ворона ; Передовой гусь ; Урок на всю жизнь : басни // Путь Окт. – 1970. – 25 авг. – С. 3.

Гора и скала ; Кот-благодетель : стихи // Амур. газ. – 1992. – 17–22 февр. – С. 10.

Горная малина : рассказ // Приамурье моё – 1971 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1971. – С. 121–152.

Гусь : басня // Амур. комсомолец. – 1961. – 29 июля. – С. 3.

Гусь : басня // Амур. правда. – 1956. – 29 июля. – С. 3.

Дальновидный эконо́м : басня // Амур. правда. – 1985. – 30 авг. – С. 4.

Десять лет спустя : очерк // Дал. Восток. – 1969. – № 11. – С. 117–132.

Детство Осокиных : повесть // Приамурье моё – 1972 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1972. – С. 10–135.

Дрессированный осёл ; Два ручья ; Жертва случая ; Резюме чиновника : басни // Амур. правда. – 1961. – 18 мая. – С. 4.

Емеля : стихи // Амур. правда. – 1998. – 21 февр. – С. 7.

Емеля ; Натощак ; Пишите вволю ; Особая заслуга : стихи // Благовещенск. – 1998. – 20 марта. – С. 10.

Жаворонок и Нива : басня // Амур. правда. – 1985. – 25 авг. – С. 4.
Жених запаса : гл. из новой повести // Амур. правда. – 1987. – 20 дек. – С. 4.

Жизнь, отданная творчеству : [о творч. пути поэта И. Ерёмина] // Ерёмин, И. А. Зрелость : стихи / И. Ерёмин. – Хабаровск, 1984. – С. 3–4.

Жуки : басня // Амур. правда. – 1987. – 28 февр. – С. 4.

За что? ; Волчьи слёзы : басни // Амур. правда. – 1968. – 3 февр. – С. 3.

За чужой спиной : басня // Амур. правда. – 1985. – 30 июня. – С. 4.

Загадочный горшок ; Пылкие натуры : басни // Знамя коммуны. – 1961. – 3 дек. – С. 4.

Закон один : стихи // Амур. правда. – 1998. – 31 окт. – С. 5.

Закрыв глаза без сна лежу... ; Словно украшен стеклярусом... ; За чередой минувших лет... ; Забыть ли эту деревеньку... ; Родились погодками – я и мой брат... ; В лихой житейской круговерти... ; Что-то в сердце моём встрепенулось... ; Молчит осенняя дубрава... ; Поптичьи гомонит капель... ; Уединюсь в своей избушке... ; Закат был сумрачен... ; Порой в ночи я слышу звуки... ; В душе моей довольно странная... ; Есть в каждом уголке земли... ; Остыла в летних сумерках земля... ; Когда хорошая идея... ; Критик умный не оплошки... ; Полная свобода ; Сюда, где не был я давно... ; Мой путь ; В храме природы ; Бабье лето ; В былое не заказаны пути... ; Закат был сумрачен... ; Свидание ; Склонилась ива к озерушке... ; Припомнятся ошибки да оплошки... ; И я уйду под вечны воды... ; Обновление : стихи / Н. И. Фотьев // Приамурье-1997 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 1997. – № 2 (№ 20). – С. 7–21.

Запах кедра ; Высокий день : рассказы // Солнце во всё небо : сб. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – С. 460–471.

Заслуженная честь ; Обогатители науки : басни // Амур. комсомолец. – 1960. – 15 мая. – С. 4.

Заслуженная честь ; Обогатители науки : басни // Амур. комсомолец. – 1960. – 15 мая. – С. 4.

Земля, на которой стою : очерк // Дал. Восток. – 1966. – №. 5. – С. 135–148.

Знаток ; Высокие требования : басни // Амур. правда. – 1980. – 28 дек. – С. 4.

Зрелость : [о кн. «Земные корни» И. Ерёмина] // Амур. правда. – 1974. – 6 янв. – С. 4.

И всё же верую ; Особая заслуга : стихи // Благовещенск. – 1997. – 5 дек. – С. 14.

И мир как будто уж не прежний : стихи // Дал. Восток. – 1998. – № 7. – С. 7–10.

Иван и Лука ; Свиной резон ; Не попутчики ; Что посеешь ; Жгучий вопрос : из кн. басен и эпиграмм // Амур. комсомолец. – 1969. – 4 июля. – С. 2–3.

Из лирики последних лет : [стихи; биограф. справка] // Приамурье -2008 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2008. – № 8 (№ 26). – С. 38–51. – Содерж.: Память детства ; Пусть будет так ; Когда бушует ветер, гнёт деревья... ; Что-то я затосковал... ; В пути ; Этюд ; Из новых басен ; Миниатюры.

Избушка : заметки писателя : [о заповед. уголках родного Приамурья] // Дал. Восток. – 1982. – № 1. – С. 125–128.

Избушка : очерк / Н. И. Фотьев // Приамурье моё – 1983 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1983. – С. 248–275.

Инакомыслящие : басня // Амур. правда. – 1977. – 21 дек. – С. 3.

Искусство ; Лишь бы платили : стихи // Амур. правда. – 1998. – 17 окт. – С. 5.

Искусство и рынок : публицист. ст. // Амур. правда. – 2000. – 25 янв. – С. 2.

Истинное призвание : басня // Амур. правда. – 1986. – 21 окт. – С. 4.

Колючие стихи : Приснилось ; Яркая персона : басни // Амур. правда. – 2000. – 8 апр. – С. 5.

Естественный отбор : басня // Коммунист. труд. – 1960. – 23 окт. – С. 3.

Кто ответит ? Большой вопрос ; Мессия : стихи // Амур. правда. – 1998. – 28 февр. – С. 5.

Кто прав? ; Дятел : басни // Амур. комсомолец. – 1964. – 9 авг. – С. 3.

Кулик : басня // Амур. правда. – 2000. – 5 февр. – С. 9.

Куриная карьера ; Коренник : басни // Знамя коммуны. – 1961. – 8 июля. – С. 4.

Куриная слепота : басня // Коммунист. труд. – 1960. – 4 сент. – С. 3.

Куриная карьера : басня // Коммунист. труд. – 1960. – 4 сент. – С. 4.

Лев и заяц ; Свинья и мыло : басни // Огни Зеи. – 1980. – 24 сент. – С. 4.

Лёгкий человек : рассказ // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 71–90.

Лето на юге : рассказ // Хрестоматия по географии Амурской области. – Благовещенск, 1986. – С. 59–61.

Лицо земли ; В храме природы ; Склонилась ива к озерушке ;

Припомнятся ошибки да оплошки ; Высокая гора ; Полезный пень ;
Вопрос и ответ : стихи // Амур. газ. – 6 апр. – С. 6.

Любовь к земле : очерк // Амур. правда. – 1965. – 17 июля. – С. 1–3.

Мелкие разногласия : рассказ // Амур. комсомолец. – 1968. – 10 марта. – С. 3–4.

Мелкие разногласия : рассказ // На суше и на море : рассказы, очерки, статьи. – Москва, 1969. – С. 144–152.

Молчит осенняя дубрава... ; Когда вериги одиночества... : стихи // Амур. правда. – 1995. – 25 нояб. – С. 8.

Моль : басня // Амур. комсомолец. – 1974. – 20 нояб. – С. 2.

Муха ; Грусть... : стихи // Амур. газ. – 1993. – 18–25 сент. – С. 12.

Мужчины в доме : [отрывок из рассказа] // Михайлов. вестн. – 2017. – 17 марта (№ 10). – С. 7.

На вырубках : рассказ // Амур. правда. – 1989. – 11 февр. – С. 8–9.

На законном основании : басня // Амур. правда. – 1963. – 24 февр. – С. 4.

На крутой дороге : басня // Амур. правда. – 1986. – 2 февр. – С. 4.

На Олонгро : рассказ охотоведа // Амур. правда. – 1996. – 20 марта. – С. 3.

На покосе : отрывок из повести «Детство ребят Осокиных» // Амур. правда. – 1973. – 24 февр. – С. 4.

На родине : рассказ // Амур. комсомолец. – 1969. – 13 авг. – С. 2–3.

На свиный вкус : стихи // Амур. газ. – 1994. – 26 марта – 2 апр. – С. 9.

Находка : рассказ // Амур. комсомолец. – 1971. – 12 февр. – С. 3–4.

Не ко двору ; Самохвалы : стихи // Амур. газета. – 1993. – 14–21 авг. – С. 12.

Не прошёл : басня // Амур. газ. – 1993. – 15–22 мая. – С. 9.

Не типичный козёл : басня // Амур. комсомолец. – 1961. – 2 июня. – С. 3.

Не то... : стихи // Амур. правда. – 1998. – 11 апр. – С. 6.

Невинная жертва ; Нюх и слух : басни // Амур. газ. – 1991. – 25 нояб. – 1 дек. – С. 8.

Неколебимый : басня // Амур. правда. – 1997. – 6 дек. – С. 10.

Непризнанный гений ; Куриная карьера ; Примелькался : басни // Амур. горняк. – 1965. – 1 янв. – С. 4.

Неразрывность судьбы : [об И. Ерёмине и его кн. «Окоём»] // Ерёмин, И. Окоём : стихи и поэмы. – Хабаровск, 1978. – С. 5–8.

Новые рассказы // Дал. Восток. – 1972. – № 1. – С. 11–128. – Содерж. : Трава-мурава ; В распутицу ; Странники.

Обогатители наук ; Куриная карьера ; Нужный заяц ; Голова и ноги : басни // Горняк. – 1961. – 27 мая. – С. 3.

Обойдённая коза : басня // Коммунист. труд. – 1960. – 27 нояб. – С. 4.
Обратный результат : басня // Амур. правда. – 1986. – 23 мая. – С. 4.
Общий воз ; Прозорливый шакал : басни // Амур. газ. – 1991. – 30 дек. – 5 янв. – С. 9.

Опасная стабильность ; С кем поведёшься : басни // Амур. правда. – 1987. – 15 сент. – С. 4.

Орёл и короед ; И глупому ясно ; Услуга за услугу : басни // Амур. правда. – 1975. – 24 янв. – С. 4.

Особая доблесть ; Современная ода ; Узелки : стихи // Амур. газ. – 1994. – 16–23 июля. – С. 11.

Особая забота ; Не ко двору ; Пути-дороги ; Вожак ; Чушки ; В одной ладье ; Однолюб ; Опасный гриб ; Народный защитник ; Три пути ; Слово ; Дела и жизнь ; Моя деревенька : стихи // Амур. газ. – 1992. – 21–27 дек. – С. 8.

Особые норы ; Паучья доброта : басни // Амур. правда. – 1984. – 19 авг. – С. 4.

Особый гонорар : стихи // Амур. правда. – 2000. – 26 февр. – С. 9.

От фонаря ; Житейский спор ; Шары ; Урон со всех сторон ; Добро и зло ; Всё те же ; Нахлебники : басни // Амур. газ. – 1994. – 21 дек. – С. 5.

Откуда? : басня // Амур. правда. – 1985. – 13 янв. – С. 4.

Педагогический казус ; Утешение глупости : басни // Путь Окт. – 1970. – 20 окт. – С. 3.

Первенец каскада : заметки писателя // Амур – река подвигов : художеств.-док. повествование о приамур. земле, её первопроходцах, защитниках и преобразователях. – Хабаровск, 1970. – С. 660–674.

Пёсик ; Важная причина ; Лесть ; Диктует жизнь ; Главные враги : стихи // Амур. правда. – 1998. – 14 марта. – С. 5.

Пичуга серенькая пела... : стихи // Проспект Пушкина. – 2004. – 2 апр. – С. 11. – Из содерж. : Обновление ; Все люди – братья там и тут... ; Пичуга серенькая пела...

По инерции : очерк // Амур. комсомолец. – 1961. – 17 нояб. – С. 2.

По образцу и подобию : из новых басен // Амур. правда. – 1990. – 15 авг. – С. 4.

По старым и новым дорогам : заметки писателя // Амур. правда. – 1987. – 17 нояб. – С. 2–3 ; 18 нояб. – С. 2–3 ; 19 нояб. – С. 2–3 ; 20 нояб. – С. 2–3.

По старым и новым дорогам : очерк // Дал. Восток. – 1988. – № 3. – С. 115–122.

Повторная жалоба ; Каков привет, таков ответ : басни // Амур. правда. – 1984. – 10 июня. – С. 4.

Полное алиби : рассказ // Амур. правда. – 1977. – 21 дек. – С. 3.

Полонез на балалайке : рассказ // Дал. Восток. – 1981. – № 6. – С. 3–14.

Последняя охота : рассказ // Доблесть поколения : писатели Приамурья – строителям Байкало-Амур. магистрали и труженикам удар. строек Сибири и Дал. Востока. – Хабаровск, 1980. – С. 437–449.

Послесловие // Бровкин, Е. Н. И. Уралов и его ученики : записки актёра / Е. Бровкин // Амур : лит.-художеств. альм. – 2005. – № 4. – С. 94–100.

Предзимье ; Познай душою ; Перед снегом : стихи // Амур. правда. – 1999. – 13 февр. – Прил.: С. 1. – (Глагол).

Прибежище ; Чем хуже, тем лучше : басни // Амур. правда. – 1986. – 24 окт. – С. 4.

Пробивной ; Протест : стихи // Амур. правда. – 1983. – 11 дек. – С. 4.

Прогрессивные : басни // Амур. правда. – 1959. – 26 апр. – С. 3.

Продажный : басня // Амур. правда. – 2003. – 4 янв. – С. 13.

Прозрел : басня // Амур. правда. – 1985. – 14 июня. – С. 4.

Прозрел ; Верная опора : басни // Амур. комсомолец. – 1980. – 8 июня. – С. 3.

Прописные истины ; Своевременная помощь ; Левый уклон : стихи // Амур. вести. – 1992. – 5 авг. – С. 4.

Пророки : басня // Сов. Приамурье. – 1963. – 26 окт. – С. 3.

Пустолайка ; Два хозяина : басни // Амур. правда. – 1987. – 11 окт. – С. 4.

Пустолайка ; Слонофобия ; Объяснение в любви : стихи // Амур. газ. – 1993. – 29 марта–4 апр. – С. 12.

Ретивый заяц : басня // Дал. Восток. – 1956. – № 3. – С. 119.

Ретроград ; Раскол ; Что сначала ; По заслугам ; Вечный путь : басни // Амур. правда. – 2002. – 17 янв. – С. 6.

Родительский день : повесть // Дал. Восток. – 1980. – № 7. – С. 3–46.

Родной мещанин : стихи // Амур. правда. – 1983. – 8 янв. – С. 4.

Салфет вашей милости : путевой рассказ // Амур. правда. – 1975. – 16 мая. – С. 4.

Самовольные изречения : стихи / Н. И. Фотьев // Амур. газ. – 1993. – 11–18 дек. – С. 12.

Самохвал ; Кто на ком держался : басни // Сов. Приамурье. – 1963. – 28 сент. – С. 4.

Самый первый ; Демьян и Иван : стихи // Амур. правда. – 1989. –

30 дек. – С. 8.

Сатирические миниатюры : Богатый рыцарь ; На собрании ; Штатный трибун ; Кровавая обида ; Заветная мечта // Амур. комсомолец. – 1969. – 9 февр. – С. 3.

Сатирические миниатюры : Прыщ ; Испытанный приём ; Главная фигура ; Сила привычки ; Дубина ; Полное алиби : стихи // Амур. правда. – 1983. – 6 авг. – С. 4.

Своим путём ; Секрет успеха ; Посовещались ; Грязь ; Лопух : басни // Коммунист. труд. – 1965. – 23 дек. – С. 3.

Святой и грешный : гл. из новой повести // Амур. правда. – 1987. – 17 янв. – С. 3.

Сёмкин сон : рассказ // Амур. правда. – 1967. – 26 февр. – С. 4.

Сеятель добрый и щедрый : очерк // Дал. Восток. – 1973. – № 8. – С. 109–116.

Сложная натура ; Егор и огурцы ; Поэт-домосед ; Оригинал : басни // Амур. правда. – 1963. – 11 авг. – С. 4.

Соловей ; Строго по плану : басни // Амур. комсомолец. – 1959. – 5 июля. – С. 3.

Спаситель ; Разговор начистоту ; На первом месте : басни // Амур. правда. – 1986. – 25 июля. – С. 4.

Спаситель ; Талант ; Муха ; Особая наука ; В душе моей довольно странная... ; Первая грусть ; Обновление : стихи // Амур. правда. – 1995. – 5 сент. – С. 5.

Средь улиц... ; В подворье городском... : стихи // Мой город : стихи и песни. – Благовещенск, 1998. – С. 22.

Стихи 2004–2006 годов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 2–3.

Странная свобода ; Талант ; О русском языке // Амур. комсомолец. – 1992. – 18 янв. – С. 9.

Станный результат ; Отцовский пример ; Прямым путём : стихи // Амур. газ. – 1991. – 21–27 дек. – С. 8.

Ступеньки на трудном подъёме : заметки участника совещ. литераторов // Амур. комсомолец. – 1965. – 14 апр. – С. 4.

Счастливый раб ; Разногласие ; Кадры решают всё... ; Неистребимые ; Из грязи в князи... : басни // Амур. правда. – 1989. – 11 нояб. – С. 9.

Такое вот взаимопонимание : басня // Амур. правда. – 1987. – 26 июня. – С. 4.

Такое лицо ; Обратная пропорция ; Шустряк : стихи // Амур. правда. – 1998. – 24 окт. – С. 5.

Тащи и не пушай ; Выше всех ; Верное средство : басни // Амур. комсомолец. – 1967. – 19 нояб. – С. 4.

Теледрянь : стихи // Амур. правда. – 2003. – 25 янв. – С. 13.

Тимофеев берег : рассказ // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 58–71.

Тимофеев берег : рассказ // Доблесть поколения : писатели Приамурья – строителям Байкало-Амур. магистрали и труженикам удар. строек Сибири и Дал. Востока. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1980. – С. 421–437.

Типичный случай : очерк : [об охране амур. рек и водоёмов] // Дал. Восток. – 1981. – № 9. – С. 145.

Тихоокеанское шоссе : [о кн. В. Илюшина «Тихоокеанское шоссе»] // Амур. правда. – 1987. – 10 апр. – С. 4.

Товар лицом : рассказ // Амур. правда. – 1977. – 16 янв. – С. 3.

Товар лицом : рассказ // Дал. Восток. – 1981. – № 6. – С. 15–20.

У друга старого Полкана : басня // Амур. правда. – 1998. – 26 сент. – С. 5.

Увидел главное (из недалёкого прошлого) ; Прозрел : басня // Амур. правда. – 1985. – 14 июня. – С. 4.

Умирал ямщик : рассказ // Наш современник. – 1978. – № 8. – С. 72–78.

Умирал ямщик : рассказ // Приамурье моё – 1979 : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1979. – С. 90–98.

Унынье – грех... ; Прозрел : стихи // Амур. газ. – 1993. – 10–17 июля. – С. 10.

Утешение глупости ; Сыч : стихи // Авангард. – 1976. – 11 дек. – С. 3.

Утоление жажды : басня // Амур. правда. – 2000. – 11 марта. – С. 13.

Учёные птицы ; Сила примера : басни // Амур. правда. – 1987. – 24 апр. – С. 4.

Уютная позиция : басня // Путь Окт. – 1964. – 22 авг. – С. 4.

Секрет благополучия : басня // Амур. правда. – 1988. – 7 февр. – С. 4.

Фурор ; Всяк судит по себе : стихи // Амур. газ. – 1994. – 2–9 апр. – С. 8.

Хвалёный кот ; Чик-чирик ; Всегда бы так... : басни // Амур. правда. – 1984. – 28 окт. – С. 4.

Хвост и пост : басня // Амур. правда. – 1987. – 2 авг. – С. 4.

Ходовой товар : стихи // Амур. правда. – 1998. – 24 янв. – С. 9.

Хозяин ; Богатая натура ; Не по адресу : басни // Амур. правда. – 1984. – 17 апр. – С. 4.

Хозяин и Пегашка ; Живая связь : басни // Амур. комсомолец. – 1956. – 18 июля. – С. 3.

Хорёк : басня // С.-х. пр-во Сибири и Дал. Востока. – 1965. – № 2. – С. 62.

Хорьки : басня // Амур. правда. – 1986. – 26 дек. – С. 4.

Честный ответ ; Обратная пропорция : стихи // Амур. газ. – 1994. – 5 окт. – С. 6.

Что было, то было... ; Предзимье ; Познай душою ; Перед снегом : стихи // Приамурье-2000 : лит.-художеств. альм. – Благовещенск : РИО, 2000. – № 4 (№ 22). – С. 47–48.

Что было, то было... стихи // Амур. правда. – 1998. – 24 дек. – Прил.: с. 1. – (Глагол).

Чудак и солнце ; Тонкое искусство ; Грязь ; Трибун : басни // Амур. комсомолец. – 1965. – 29 авг. – С. 4.

Шавкин суд : басня // Коммунист. труд. – 1960. – 18 сент. – С. 3.

Шиповник : повесть // Приамурье моё : лит.-художеств. сб. – Благовещенск : Хабар. кн. изд-во, Амур. отд-ние, 1969. – С. 177–216.

Элита : басня // Амур. комсомолец. – 1968. – 12 янв. – С. 4.

Юбилей : главы из повести // Амур. вести. – 1992. – 11 апр. – С. 4.

Юбилей : отрывок из повести // Амур. правда. – 1989. – 14 окт. – С. 8–9.

Юбилей : отрывок из повести // Амур. правда. – 1997. – 20 дек. – С. 6.

Юбилей : отрывок из повести // Проспект Пушкина. – 2004. – 5 февр. – С. 4.

ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Н. И. ФОТЬЕВА

Аверина, Г. В. Быть на земле человеком : [о творчестве Н. И. Фотьева] / Г. В. Аверина // Кадры – селу. – 2012. – 30 апр. (№ 3). – С. 9.

Алексеев, А. Реки радости Николая Фотьева : [о баснописце Н. И. Фотьеве] / А. Алексеев. – Первомайск. парк. – 2010. – Янв. (№ 1). – С. 6.

Алексеев, И. В поисках горной малины : [о кн. «Горная малина»] / И. Алексеев // Дал. Восток. – 1982. – № 1. – С. 146–148.

Алексеев, И. Реки радости Николая Фотьева / И. Алексеев // Ленин. путь. – 1976. – 10 авг. – С. 3.

Амурский баснописец и прозаик Николай Иванович Фотьев [Электронный ресурс] : [о жизни и творчестве Н. И. Фотьева]. – Ре-

жим доступа: http://www.amurhiv.ru/god-literatury-2015/amurskie-pisateli/fotev/?clear_cache=Y.

Басни Николая Ивановича Фотьева : лит. час // Приамурье литературное : внеклас. занятия по прогр. «Литературное краеведение» для 1–9 кл. : в помощь дет. и школ. б-кам / сост. О. А. Барсова. – Благовещенск, 2004. – С. 16–17.

Бобошко, А. Амурский баснописец празднует свой юбилей : [Н. Фотьеву – 80 лет] / А. Бобошко // Амур. правда. – 2007. – 20 дек. – С. 23.

Бобошко, А. Амурский баснописец празднует свой юбилей [Электронный ресурс] : [Н. Фотьеву – 80 лет] / А. Бобошко. – Режим доступа: <http://www.amurpravda.ru/articles/2007/12/20/6.html?print>.

Борзунова, С. Три грани таланта – три четверти века : [75 лет Н. Фотьеву] / С. Борзунова // Комсом. правда. – 2002. – 20 дек. – С. 26. – (Комсомольская правда в Приамурье).

Брызгалова, О. Посвящалось поэту-баснописцу : [о заседании в б-ке с. Романовка Октябр. р-на клуба «Под абажуром», посвящ. творчеству Н. И. Фотьева] / О. Брызгалова // Наша жизнь. – 2013. – 11 янв. (№1). – С. 6.

Владимиров, Н. Басни Николая Фотьева / Н. Владимиров // Дал. Восток. – 1966. – № 3. – С. 182–183.

Воронков, А. Реки радости Николая Фотьева : [к 75-летию писателя] / А. Воронков // Проспект Пушкина. – 2003. – 29 авг. – С. 5.

Воронков, А. Старейшина амурской литературы : [о Н. Фотьеве] / А. Воронков // Благовещенск. – 1997. – 5 дек. – С. 14.

Вы остаётесь за нас : [о выходе повести «Вы остаётесь за нас» в Амур. отд-нии Хабар. кн. изд-ва] // Амур. правда. – 1974. – 14 дек. – С. 3.

Галуза, О. Ю. Областная лексика в произведениях Н. Фотьева как средство создания местного колорита / О. Ю. Галуза // Амур. краевед : информ. вестн. – 1995. – 1 (10). – С. 43–50.

Галуза, О. Ю. Элементы народной разговорной речи в очерках Н. Фотьева «Реки радости» / О. Ю. Галуза // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 3–15.

Григорьев, О. Состоявшееся свидание : [о кн. «Те далёкие свидания»] / О. Григорьев // Амур. комсомолец. – 1969. – 7 февр. – С. 3.

Губанова, Н. Н. Амурская басня : традиции и новаторство / Н. Н. Губанова // Лосевские чтения – 2009 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – Вып. 2. – С. 83–92.

Демидов, С. Басни Н. Фотьева / С. Демидов // Амур. правда. – 1962. – 3 июня. – С. 4.

Демидов, С. Острым пером сатиры : [о баснях Н Фотьева] / С. Демидов // Амур. правда. – 1969. – 11 сент. – С. 4.

Ерёмин, И. В поисках горной малины : о прозе Н. Фотьева / И. Ерёмин // Амур. правда. – 1981. – 7 окт. – С. 4.

Ерёмин, И. Этот древний жанр... : заметки о баснях Н. Фотьева / И. Ерёмин // Ленин. путь. – 1974. – 20 дек. – С. 3 ; 27 дек. – С. 4.

Ерёмин, И. Этот древний жанр... : о баснях Н. Фотьева / И. Ерёмин // Дал. Восток. – 1980. – № 12. – С. 145–148.

Игнатенко, И. Верность жанру : [о кн. басен «Жертва случая»] / И. Игнатенко // Амур. правда. – 1984. – 8 мая. – С. 4.

Игнатенко, И. Верность трудному жанру : [о баснях Н. Фотьева] / И. Игнатенко // Дал. Восток. – 1984. – № 10. – С. 155–156.

Игнатенко, И. Д. Землю надо беречь : Н. И. Фотьев [беседа с писателем] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 249–267.

Игнатенко, И. Д. Мастер трудного жанра : [о баснях Н. Фотьева] // Игнатенко, И. Д. Избранное : в 3 т. Т. 3. Воспоминания. Очерки. Статьи. Рецензии / И. Д. Игнатенко. – Благовещенск : Зея, 2012. – С. 344–348.

Игнатенко, И. Разговоры у костра : Николай Фотьев / И. Игнатенко // Лосевские чтения – 2013 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. – Вып. 6. – С. 55–62.

Казакова, Е. «Раньше стариков не уважали только самые непутёвые люди» : [беседа с писателем Н. Фотьевым] / Е. Казакова // Амур. правда. – 1997. – 1 окт. – С. 3.

Кириллова, Н. Интересный сборник : [о баснях Н. Фотьева] / Н. Кириллова // За высокий урожай. – 1960. – 1 марта. – С. 3.

Климычева, Ю. Прощание с баснописцем : [ушёл из жизни извест. амур. писатель Н. Фотьев] / Ю. Климычева // Амур. правда. – 2010. – 3 апр. – С. 29.

Косенко, И. С. Жанр басни в творчестве Н. И. Фотьева / И. С. Косенко // Материалы докладов 53-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 117–123.

Косенко, И. С. Жанр басни в творчестве Н. И. Фотьева / И. С. Косенко // Молодёжь XXI века : шаг в будущее : материалы 4-й межре-

гион. науч.-практ. конф. : сб. тр. – Благовещенск : Изд-во ДальГАУ, 2003. – С. 5–6.

Лебедев, Б. Лицом к лицу с природой : [о кн. «Те далёкие свидания»] / Б. Лебедев // Амур. правда. – 1969. – 24 янв. – С. 4.

Лебедев, Б. Оружием сатиры : [о баснях Н. Фотьева] / Б. Лебедев // Амур. комсомолец. – 1966. – 29 июня. – С. 2–3.

Литвиненко, И. Журналист и художник : [о Н. Фотьева] // Литвиненко, И. Утренний берег России : лит.- крит. очерки / И. Литвиненко. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1988. – С. 83–108.

Литвиненко, И. Журналист и художник : [о кн. «Коренные берега»] / И. Литвиненко // Амур. правда. – 1983. – 21 сент. – С. 4.

Литвиненко, И. Журналист и художник : [о кн. «Коренные берега»] / И. Литвиненко // Дал. Восток. – 1983. – № 10. – С. 152–155.

Литвиненко, И. Три грани таланта : [о Н. Фотьева] / И. Литвиненко // Дал. Восток. – 1987. – № 12. – С. 148–155.

Маликов, А. Узелки Николая Фотьева / А. Маликов // Амур. правда. – 2003. – № 18. – С. 8–9.

Маслов, О. К. И многое слову дано... : [к 50-летию со дня рождения Н. Фотьева] / О. Маслов // Амур. комсомолец. – 1977. – 21 дек. – С. 2.

Матвеев, С. Верность теме : [о кн. «Мужчины в доме»] / С. Матвеев // Амур. правда. – 1972. – 4 марта. – С. 4.

Машук, Б. Впереди – новые встречи : [Н. Фотьеву – 50 лет] / Б. Машук // Амур. правда. – 1977. – 21 дек. – С. 3.

Машук, Б. Пути-дороги дальние : [о Н. Фотьева] / Б. Машук // Амур. правда. – 1997. – 11 дек. – С. 5.

Мороз, Н. «Земля, на которой стою» : [о кн. «Земля, на которой стою»] / Н. Мороз // Амур. правда. – 1967. – 15 февр. – С. 4.

Наволочкин, Н. Те далёкие свидания : [о кн. «Те далёкие свидания»] / Н. Наволочкин // Дал. Восток. – 1969. – № 6. – С. 141–142.

Назарова, И. С. Жанр басни в творчестве амурских авторов : на материале сб. «Басни и сатирические стихи» / И. С. Назарова // Материалы 57-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2007. – С. 101–107.

Назарова, И. С. Жанр басни в творчестве Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Материалы 53-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2003. – С. 117–123.

Назарова, И. С. Жанр басни как продукт синтеза эпоса и лирики

(на материале творчества Н. И. Фотьева) / И. С. Назарова // Синтез в русской и мировой художественной культуре : материалы науч.-практ. конф. / науч. ред. А. Я. Секриеру. – Москва : Изд-во МПГУ, 2005. – С. 151–155.

Назарова, И. С. Жанровая специфика рассказа Н. И. Фотьева «Старый двор» / И. С. Назарова // Материалы 59-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – С. 121–127.

Назарова, И. С. Использование регионального компонента на уроках литературы при изучении басен И. А. Крылова и Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Инновационные подходы к обучению литературе и русскому языку : материалы науч.-метод. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 41–48.

Назарова, И. С. Книжная лавка : обзор кн. новинок (2010–2012) : [рец. на кн. «Поехали за орехами»] / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2012. – № 11. – С. 74–75.

Назарова, И. С. Литературный вечер как форма реализации регионального компонента (на материале творчества Н. И. Фотьева) / И. С. Назарова // Краеведение Приамурья. – 2008. – № 2. – С. 63–72.

Назарова, И. С. Литературный вечер как форма реализации регионального компонента (на материале творчества Н. И. Фотьева) / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – Вып. 1. – С. 3–15.

Назарова, И. С. Нравственная проблематика повестей Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Краеведение Приамурья. – 2007. – № 1. – С. 109–114.

Назарова, И. С. «Он разрушает пьедесталы несправедливости и лжи ...» : [заметки о сатирическом даровании Н. Фотьева] / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2007. – № 6. – С. 67–71.

Назарова, И. С. «Он служит правде и добру» : сценарий лит. вечера по творчеству Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Лосевские чтения – 2008 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск, 2008. – Вып. 1. – С. 15–22.

Назарова, И. С. Особенности лирического рассказа Н. Фотьева / И. С. Назарова // Материалы 56-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 160–163.

Назарова, И. С. Особенности повествования в повести Н. Фотьева «Родительский день» / И. С. Назарова // Молодёжь XXI века : шаг

в будущее : материалы конф. : в 4 ч. Ч. 1 / под ред. С. Н. Прилипко. – Благовещенск : Зея, 2005. – С. 95–97.

Назарова, И. С. Особенности хронотопа в повестях Н. Н. Фотьева / И. С. Назарова // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе : сб. науч. тр. / под ред. С. И. Красовской. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – Вып. 8. – С. 57–77.

Назарова, И. С. Поклон тебе мой, мать-природа родная!..» : [о жизни и творчестве Н. И. Фотьева] / И. С. Назарова // Фотьев, Н. И. Поехали за орехами : повести / Н. И. Фотьев. – Благовещенск : РИО, 2010. – С. 5–18.

Назарова, И. С. Поэтика жанров в творчестве Н. И. Фотьева [Электронный ресурс] : [автореф. дис. на соиск. учён. степ. канд. филол. наук] / И. С. Назарова. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/poetika-zhanrov-v-tvorchestve-n-i-fotieva#ixzz4rndPr5qK>.

Назарова, И. С. Поэтические функции заглавий в баснях Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Материалы 54-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2004. – С. 106–114.

Назарова, И. С. Путь Николая Фотьева : [о жизни и творчестве писателя] / И. С. Назарова // Амур : лит.-художеств. альм. – 2004. – № 3. – С. 73–81.

Назарова, И. С. Рассказ-новелла Н. Фотьева : «сюжетная интенсивность» и «психологический парадоксализм» / И. С. Назарова // Материалы 58-й научно-практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2008. – С. 161–166.

Назарова, И. С. Рассказы Н. Фотьева о детях / И. С. Назарова // Инновационные подходы к обучению литературе : материалы науч.-метод. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. – С. 63–71.

Назарова, И. С. Рассказы Н. Фотьева о детях / И. С. Назарова // Литературный мир Приамурья на перекрестке эпох : 1-е Машуков. чтения : материалы науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2008. – С. 24–30.

Назарова, И. С. «Смех сквозь слёзы», или Новелла-анекдот Н. И. Фотьева / И. С. Назарова // Проблемы художественного миромоделирования в русской литературе : сб. науч. тр. / под ред. С. И. Красовской. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2009. – Вып. 9. – С. 48–63.

Назарова, И. С. Типология персонажей в повестях Н. И. Фотьева : «естественный человек» / И. С. Назарова // Материалы 55-й научно-

практической конференции преподавателей и студентов : в 3 ч. Ч. 2. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2005. – С. 140–145.

Назарова, И. С. Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] / И. С. Назарова // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XX веков / сост., вступ. ст. А. В. Урманова. – Благовещенск, 2013. – С. 397–401.

Не по асфальту жизнь моя катилась – по кочкам да ухабам бытия...» : [о писателе Н. И. Фотьеве] // Михайлов. вестн. – 2017. – 17 марта (№ 10). – С. 7.

Недельский, Н. Быть на земле человеком : [о повести «Вы остаётесь за нас»] / Н. Недельский // Амур. правда. – 1975. – 1 нояб. – С. 4.

Николай Фотьев [Электронный ресурс] : [о жизни и творчестве Н. Фотьева]. – Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2011/10/11/1375>.

Палёная, Е. В. Организация деятельности педагога по изучению произведений писателей Приамурья в школе : [есть о Н. Фотьеве] // Лосевские чтения – 2015 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2014. – Вып. 8. – С. 198–206.

Ривлин, А. Оружием сатиры : [о баснях Н. Фотьева] / А. Ривлин // Амур. правда. – 1966. – 20 июля. – С. 4.

Сафронов, Л. Оружие сатиры острое : [об амур. баснописце Н. Фотьеве] / Л. Сафронов // Амур. правда. – 1964. – 19 янв. – С. 4.

Смоляков, С. Новая книжка басен : [о баснях Н. Фотьева] / С. Смоляков // Дал. Восток. – 1962. – № 6. – С. 166–167.

Софин, А. С правдой в лад : [о сб. басен «Обоюдная польза»] / А. Софин // Амур. правда. – 1986. – 15 нояб. – С. 4.

Тыщенко, А. С. Особенности хронотопа в повести Н. И. Фотьева «За отчим порогом» : антитеза «дом» – «общежитие» / А. С. Тыщенко // Лосевские чтения – 2011 : материалы регион. науч.-практ. конф. / под ред. А. В. Урманова. – Благовещенск, 2011. – С. 129–136.

Тюменцева, Е. С. Урок литературного краеведения по рассказу Николая Фотьева «Запах кедра». Роль пейзажа [Электронный ресурс] / Е. С. Тюменцева. – Режим доступа: <http://www.ibclearing.ru/03/13/urok-literaturnogo-kraevedeniya-po-rasskazu-ni-foteva-zapah-kedra-rol-pejzazha/>.

Улаев, Н. Мужчины в доме : [о кн. «Мужчины в доме»] / Н. Улаев // Дал. Восток. – 1972. – № 7. – С. 149–150.

Умер известный амурский писатель и поэт Николай Фотьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: portamur.ru/news/detail/umer-izvestnyiy-amurskiy-pisatel-i-poet-nikolay-fotev/.

Фёдоров, Д. Басни Н. Фотьева / Д. Фёдоров // Амур. правда. – 1957. – 21 авг. – С. 3.

Федотов, С. «Огнём огня не погасить...» : [о творчестве Н. Фотьева] / С. Федотов // Амур. правда. – 1995. – 5 сент. – С. 5.

Феликсов, Л. Про землю Амурскую : [о кн. очерков «Земля, на которой стою»] / Л. Феликсов // Амур. правда. – 1973. – 22 июня. – С. 4.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] // Амурская писательская организация. 1977–2007. – Благовещенск, 2007. – С. 9–11.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] // Амурские писатели : библиогр. указ. / сост. Г. В. Аверина, Т. И. Доморацкая. – Благовещенск, 2000. – С. 60–63.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / Хабаров. краев. универс. науч. б-ка ; сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. – Хабаровск, 1973. – Вып. 1. – С. 268–270.

Фотьев Николай Иванович : [биогр. справка и список лит.] // Писатели Дальнего Востока : биобиблиогр. справ. / Хабаров. краев. универс. науч. б-ка ; сост. Т. В. Кирпиченко, Л. Н. Циновская. – Хабаровск, 1989. – Вып. 2. – С. 341–343.

Фотьев Николай Иванович : мы остались за вас : [тема Великой Отечеств. войны в творчестве Н. И. Фотьева] // За счастье Родины моей : амур. писатели и поэты о Великой Отечеств. войне : информ.-библиогр. обзор / Амур. обл. науч. б-ка им. Н. Н. Муравьёва-Амурского ; сост. В. В. Соломенник. – Благовещенск, 2016. – С. 82–85.

Фотьев, Н. И. Вместо предисловия : [о кн. «Земля, на которой стою»] // Фотьев Н. И. Земля, на которой стою : очерки / Н. И. Фотьев. – Хабаровск, 1973. – С. 5–19.

Фотьев, Н. Вы остаётесь за нас : [интервью Н. И. Фотьева газ. «Амур. вести»] // Амур. вести. – 1992. – 26 дек. – С. 2.

Фотьев, Н. Не покривить душой : интервью к 60-летию Н. Фотьева / провёл А. Филоненко // Амур. правда. – 1987. – 20 дек. – С. 4.

Фотьев, Н. Реки радости Николая Фотьева : интервью с писателем Н. Фотьевым / провёл А. Воронков // Благовещенск. – 2003. – 27 дек. – С. 13.

Халов, П. Н. И. Фотьев : [к 50-летию со дня рождения] / П. Халов // Дал. Восток. – 1978. – № 3. – С. 151.

Черкесов, В. «Если бы не любовь, ничего бы на земле не было хорошего» : Николай Фотьев / В. Черкесов // Амур : лит.-художеств. альм. – 2008. – № 7. – С. 76–80.

Черкесов, В. «Пришла пора определений» : [о жизни и творчестве Н. Фотьева] / В. Черкесов // Дал. Восток. – 2010. – № 2. – С. 217–222.

Черкесов, В. О земле Амурской : [о кн. «Земля, на которой стою»] / В. Черкесов // Амур. комсомолец. – 1973. – 10 июня. – С. 4.

Шилов, В. У начала дорог : [о кн. «Те далёкие свидания»] / В. Шилов // Нева. – 1969. – № 12. – С. 198.

Шилов, Е. С теплотой в сердце : [о кн. «Те далёкие свидания»] / Е. Шилов // Ленин. путь. – 1969. – 12 марта. – С. 4.

Информационно-методические материалы

Прилагаемый диск содержит:

- электронную версию информационно-методических материалов;
- фрагменты изданий Н. И. Фотьева;
- фотографии писателя;
- электронные презентации, посвящённые его жизни и творческому наследию;
- фильм «Николай Фотьев» (авторы: Марианна Поздирка и Денис Чибиряк; творческая студия АмГУ, 2004 г.).